

СТИВЕН ЭРИКСОН

ПОЛУНОЧНЫЙ ПРИЛИВ

МАЛЯЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ + КНИГА 5

Стивен Эриксон
Полуночный прилив
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Малазанская империя»
Серия «Малазанская
книга павших», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70273357

ISBN 978-5-389-24865-6

Аннотация

Воинственное королевство Летерия, расширяя свои пределы, захватило почти весь континент, один из шести на планете, отгородившись от Малазанской империи и всего остального мира глухой стеной и сохраняя обычаи и магические ритуалы древности. Непокоренными на континенте остаются лишь тисте эдур, некогда великий, а ныне пребывающий в упадке союз племен. Ханнан Мосаг, король-колдун, правитель содружества племен тисте эдур, желая возродить былую славу народа, заключает соглашение с Увечным Богом, чтобы получить в свои руки меч, обладатель которого делается непобедимым. Но меч попадает в руки честолюбивого Рулада Сенгара, простого воина, и тот, объявив себя императором, бросает вызов летерийскому королевству.

Тем временем близится день, когда должно исполниться древнее пророчество о возрождении Первой империи. Но возможно ли это? Ведь Первая империя была уничтожена много тысячелетий назад и к тому же на другом континенте...

Содержание

Благодарности	5
Действующие лица	8
Пролог	13
Книга первая. Стылая кровь	32
Глава первая	33
Глава вторая	87
Глава третья	162
Глава четвертая	213
Глава пятая	286
Книга вторая. Герои дня	333
Глава шестая	334
Конец ознакомительного фрагмента.	356

Стивен Эриксон

Полуночный прилив

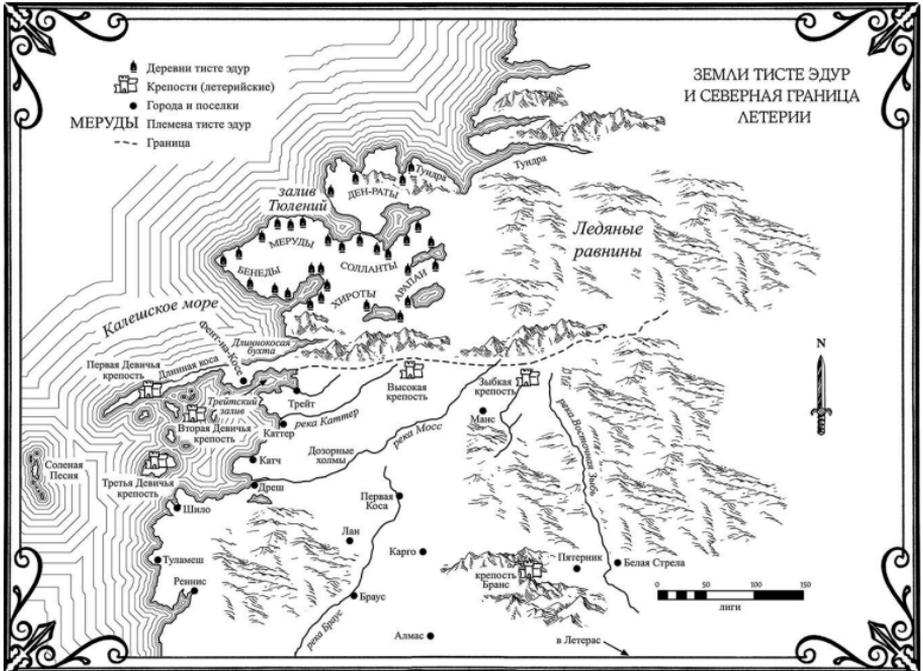
Посвящается Кристоферу Порозны

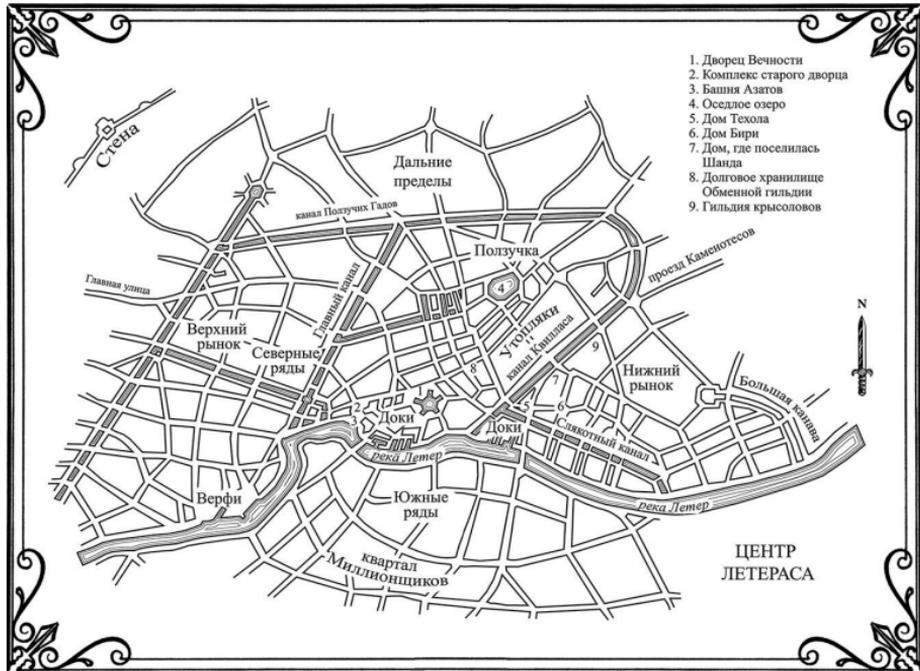
Благодарности

Выражаю глубочайшую признательность старой команде: Рику, Крису и Марку – за предварительные комментарии к этой книге. Огромное спасибо Кортни, Кэму и Дэвиду Кеку за верную дружбу. Как всегда, искренне благодарю Клер и Боуэна, Саймона Тейлора и всех сотрудников издательства «Transworld Publishers», а также Стива Дональдсона, Росса и Пери, Питера и Никки Краутер, Патрика Уолша и Хауэрда Морхейма. И конечно же, отдельное спасибо персоналу «Tony's Bar Italia»: это уже второй роман подряд, в процессе создания которого я вдохновлялся их замечательным кофе.

- Деревни тисте эдур
- Крепости (летерийские)
- Города и поселки
- МЕРУДЫ** Племена тисте эдур
- Граница

ЗЕМЛИ ТИСТЕ ЭДУР
И СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА
ЛЕТЕРИИ

1. Дворец Вечности
2. Комплекс старого двора
3. Башня Азатов
4. Оседлое озеро
5. Дом Техола
6. Дом Бери
7. Дом, где поселилась Шанда
8. Долговое хранилище Обменной гильдии
9. Гильдия крысоловов

ЦЕНТР
ЛЕТЕРАСА

Действующие лица

Тисте эдур

Томад Сенгар – глава семейства Сенгар

Урута Сенгар – его жена

Фэр Сенгар – старший сын Томада и Уруты, главный оружейник тисте эдур

Трулль Сенгар – второй сын Томада и Уруты

Бинадас Сенгар – третий сын Томада и Уруты

Рулад Сенгар – четвертый, самый младший сын Томада и Уруты

Майена – невеста Фэра

Ханнан Мосаг – король-колдун, правитель Содружества шести племен тисте эдур

Терадас Бун – старший брат в семействе Бун

Мидик Бун – младший брат в семействе Бун

Бадар – нечистокровный воин

Реталь – воин

Канарт – воин

Шорам Ирард – нечистокровный воин

Хольб Харат – нечистокровный воин

Матра Брит – нечистокровный воин

Летерийские рабы у тисте эдур

Удинаас

Хулад

Виррик

Ведьмино Перышко – юная колдунья, гадательница на чепках

Летерийцы

Королевский дворец

Эзгара Дисканар – король Летерии

Джаналла – королева Летерии

Квиллас Дисканар – их сын, наследный принц

Уннутала Хебаз – прэда (главнокомандующая летерийской армией)

Брис Беддикт – финадд (капитан), королевский защитник; младший из братьев Беддикт

Морох Неват – финадд, телохранитель принца Квилласа Дисканара

Куру Кан – сэда (главный придворный маг)

Нисалла – первая наложница короля

Турудал Бризад – первый консорт (официальный любовник) королевы

Нифадас – первый евнух

Герун Эберикт – финадд королевской гвардии

Трибан Гноль – первый советник

Лэрдас – маг в свите принца

Северные земли королевства

Бурук Бледный – богатый торговец из Трейта

Серена Педак – аквитор (сопровождающая) Бурука в его поездках к тисте эдур

Халл Беддикт – бывший королевский страж-посланник на севере; старший из братьев Беддикт

Некала Бара – боевая колдунья

Арахатан – боевой маг

Энедикталь – боевой маг

Йена Товис (Сумеречная) – атри-прэда (военная правительница) Фента-на-Косе

Летерас (столица королевства)

Техол Беддикт – житель столицы; средний из братьев Беддикт

Хиджана – помощница в тайных делах Техола

Риссара – помощница в тайных делах Техола

Шанда – помощница в тайных делах Техола

Шалас – сторож на складе Бири

Бири – торговец

Хальдо – столичный делец и ростовщик

Багг – слуга Техола

Ублала Пунг – осужденный

Харлест – неупокоенный, страж в доме Геруна Эберикта

и его родной брат

Ормли – лучший дворцовый крысолов

Хитрющая – главная дознавательница Гильдии крысоло-

ВОВ

Бубнила – одно из главных лиц в Гильдии крысоловов

Глистена – одно из главных лиц в Гильдии крысоловов

Рубинчик – одно из главных лиц в Гильдии крысоловов

Востроносый – одно из главных лиц в Гильдии крысоло-

ВОВ

Оникса – глава Гильдии крысоловов

Плошка – неупокоенная девочка

Шарука Элаль – неупокоенная воровка

Селюша – одевательница мертвых

Паддерант – ее помощник

Уруль – главный распорядитель в таверне «У Хальдо»

Инкерс – один из городских зевак

Гульбат – один из городских зевак

Турбль – горожанин

Унн – бедняк из племени нерекон

Делисна – содержательница публичного дома «Храм любви»

Прист – садовник

Ралл Силач – головорез

Зеленосвин – маг-неудачник

Прочие действующие лица

Вифалий – мекросский оружейник

Шелуха – нахт (самец)

Хныкалка – нахт (самец)

Кривляка – нахт (самка)

Пребывающий внутри

Сильхас Гиблый – тисте анди, одиночник-элейнт

Скабандарий Кровоглазый – тисте эдур, одиночник-элейнт

Готос – яггунт

Руд Элаль (Найденыйш) – мальчик

Железный Обруч – воин Багровой гвардии, командир взвода

Корло – взводный маг

Полунос – солдат из взвода Железного Обруча

Ульшун Праль – т'лан имасс

Пролог

*Первые дни распада Куральда Эмуланна на отдельные фрагменты
Время вторжения тисте эдур, эпоха Скабандария Кровоглазого
Время древних богов*

Из каких-то скомканных, пропахших дымом облаков дождем лилась кровь. Гигантскими тлеющими факелами падали на землю последние летающие крепости. Земля содрогалась, покрываясь рытвинами и бороздами. Камень ударялся о камень, выбрасывая вверх тысячи осколков кровавого цвета; они разлетались во все стороны и застревали между горами мертвых тел. От горизонта до горизонта, куда ни глянь, не было ничего, кроме трупов.

Громадные летающие города превращались в груды горячего пепла, посылая вверх последние клубы дыма; следом за ними появлялись облака, густо пропитанные кровью и месивом из трупов. Казалось, еще немного – и вспыхнет сам раскаленный воздух.

Победители перестраивали свои ряды, выбрав для этого центральную равнину. Она была почти целиком замощена плотно пригнанными плитами. Командирам удалось найти место, наименее пострадавшее от падения летающих крепостей. Но и здесь нескончаемые трупы врагов мешали дви-

гаться живым. Правда, дело было не только в этом, но также и в невероятной, смертельной усталости. Изможденные воины едва держались на ногах. Тут сражались легионы двух армий, заключивших на время войны союз против общего врага, и число потерь в одной из них было заметно меньше, чем в другой.

Кровавый туман густо покрывал широкие, стального цвета крылья Скабандария. Он летел сквозь клубящиеся облака, непрерывно двигая мигательными перепонками, которые защищали его драконьи глаза, голубые и холодные. Скабандарий накренил тело, готовясь к спуску. Одновременно он наклонил голову, разглядывая своих победоносных детей. Внизу, над позициями тисте эдур, развевались серые знамена. Похоже, в живых осталось примерно восемнадцать тысяч его соплеменников. Вечером во всех шатрах первой стоянки будут оплакивать погибших. Еще утром армия тисте эдур насчитывала более двухсот тысяч бойцов. Что ж... вполне достаточно и тех, кто уцелел.

Тисте эдур пришлось сражаться с восточным флангом войска к'чейн че'маллей, предварив свое нападение несколькими волнами опустошительной магии. Враги ожидали удара спереди. Когда их атаковали с фланга, к'чейн че'малли с губительной для себя медлительностью начали перестраиваться. Тем временем легионы тисте эдур словно кинжал вонзились в самое сердце вражеской армии.

Опустившись ниже, Скабандарий заметил черные знаме-

на тисте анди. От их воинов осталась всего лишь тысяча. А может, и того меньше. Тисте анди пришлось сражаться с так называемыми охотниками К'елль – отборными бойцами армий, принадлежащих трем Матерям к'чейн че'маллей. Четыреста тысяч тисте анди против шестидесяти тысяч охотников К'елль. Дополнительные отряды тисте анди и тисте эдур атаковали летающие крепости. Нападающие знали, что идут на верную смерть, но принесенная ими жертва, без преувеличения, сыграла в сегодняшней победе решающую роль, ибо сооружения эти преграждали путь на равнину для подкреплений тисте эдур. Сами по себе атаки на четыре небесные цитадели дали весьма скромный результат. Невзирая на свою малочисленность, «короткохвостые», засевшие внутри, сражались с сокрушительной яростью. Но кровью тисте анди было куплено время, позволившее Скабандарию и его союзнику тисте анди (такому же, как и он сам, одиночнику, обратившемуся в дракона) уничтожить летающие крепости, обрушив на них мощь трех магических Путей: Старвальда Демелейна, Куральда Эмурланна и Куральда Галейна.

Дракон опускался туда, где груда трупов к'чейн че'маллей обозначала последнюю позицию одной из их Матерей. Магическая сила Куральда Эмурланна полностью уничтожила защитников. Вокруг трупов и сейчас еще яростно клубились тени, будто сонм призраков. Скабандарий расправил крылья, пробил завесу горячего влажного воздуха и опустился на чешуйчатые трупы полуящеров, коими являлись к'чейн

че'малли.

Еще через мгновение Скабандарий принял свой обычный облик тисте эдур. Кожа оттенка кованого железа; длинные, ничем не стянутые седые волосы; узкое лицо с орлиным носом и жесткими, близко посаженными глазами. Уголки губ его широкого рта были неизменно обращены вниз и не знали улыбки. Высокий гладкий лоб, особо выделяясь на коже цвета сумерек, пересекал косой белый шрам. Одевание Скабандария составляли кожаные доспехи, а оружие – двуручный меч и несколько кинжалов, привешенных к поясу. На плечах чешуйчатая накидка из шкуры Матери к'чейн че'маллей. Шкуру содрали совсем недавно, и она еще блестела от жира.

Заметив своего командира, который весь с головы до ног был покрыт брызгами крови, офицеры тисте эдур стали с удвоенным усердием выстраивать уцелевшие войска.

Скабандарий поглядел на северо-запад, потом сощурился на клубящиеся облака. Вскоре из них вылетел громадный белый дракон. Он был крупнее Скабандария, когда тот принимал облик одиночника, и тоже весь заляпан кровью, бо́льшая часть которой принадлежала ему самому, ибо Сильхас Гиблый вместе с соплеменниками сражался против охотников К'елль.

Командир тисте эдур наблюдал, как спускается его союзник. Вскоре и Сильхас тоже вернулся в облик тисте анди. Он был более чем на голову выше Скабандария, но необычай-

но худощав. Под ровной просвечивающей кожей тугими узлами канатов проступали мускулы. В густой белой гриве застряли когти поверженного к'чейн че'малля. Глаза Сильхаса лихорадочно сверкали, а все тело покрывали свежие раны, нанесенные мечом. От верхней части его доспехов почти ничего не осталось, и на безволосой груди отчетливо просматривались голубовато-зеленые жилы. Руки и ноги Сильхаса были липкими от крови. Двойные ножны у пояса пустовали: невзирая на магическую силу своих мечей, он сломал их оба. Безумная усталость после кровопролитной битвы – вот что было написано на его лице, а отнюдь не торжество победы.

Скабандарий наклонил голову:

– Приветствую тебя, Сильхас Гиблый, мой брат по духу и самый достойный союзник. Оглянись вокруг. Мы победили.

Белокожие среди тисте анди встречались крайне редко. Сильхас был одним из них. Его бледное лицо скривилось в немой усмешке.

– К сожалению, мои легионы не сумели вовремя подоспеть вам на подмогу, – продолжил Скабандарий. – У меня сердце разрывается при мысли о том, сколь огромны ваши потери. Но ты ведь не будешь отрицать, что мы добились цели и теперь удерживаем врата. Отныне путь в этот мир принадлежит нам... Мы покорим его, мы построим для наших народов достойные империи.

Сильхас огляделся вокруг. Его длинные окровавленные пальцы дрожали. Легионы тисте эдур плотным кольцом

окружили своих союзников тисте анди.

– Весь воздух пропитался зловонием смерти, – сердито прорычал Сильхас Гиблый. – Я едва могу говорить.

– Ничего, времени у нас предостаточно. Еще успеем обсудить новые замыслы, – спокойно ответил на это Скабандарий.

– Мой народ почти целиком истреблен. Вы помогли нам, но ваша помощь слишком запоздала.

– На то были причины. Я безмерно скорблю о ваших утратах. Но ты ведь сам говорил: тисте анди есть и в других частях мира. Нужно лишь отыскать ту, первую волну, и ваша сила снова возрастет. Даже увеличится. Вместе наши народы сумеют противостоять любым врагам.

– Ох и горькая же у нас сегодня получилась победа, – хмурясь еще сильнее, произнес Сильхас.

– К'чейн че'малли почти целиком истреблены, в этом можно не сомневаться. Мы видели немало мертвых городов. У них остался лишь Морн, но он на другом континенте, очень далеко отсюда. Тамошние «короткохвостые» погрязли в междоусобицах. А ты, дружище, не хуже моего знаешь: разделенный враг обречен на скорое падение. Ну скажи, у кого еще достанет сил противостоять нам? У яггутов? Их осталось совсем мало, и они рассеяны по миру. Кто еще? Имассы? Разве их каменное оружие сравнится с нашим железным? – Скабандарий ненадолго умолк, а потом продолжил свою речь: – Форкрул ассейлам вообще не до нас. Их

год от года становится все меньше. Нет, друг мой, после сегодняшней победы этот мир оказался у наших ног. Здесь тисте анди не будут страдать от нескончаемых войн, которые стали настоящей чумой Куральда Галейна. А мы избежим раскола, угрожающего ныне Куральду Эмурланну.

– Не твои ли руки, Скабандарий, начали этот раскол? – презрительно усмехнулся Сильхас Гиблый.

Он продолжал глядеть на остатки войск тисте анди и потому не увидел, какую вспышку гнева вызвала эта его вскользь брошенная фраза. Правда, Скабандарий тут же совладал со своим лицом и примирительно сказал:

– Не будем ворошить ошибки прошлого, брат. Перед нами – новый мир.

– Взгляни-ка вон туда! Видишь яггута, что стоит на скале? – спросил Сильхас. – Он наблюдал за нашей битвой. Я не решился к нему приблизиться, ибо почувствовал: он начинает ритуал. На меня так и пахнуло Омтозом Феллаком.

– Сильхас Гиблый, да ты никак боишься этого яггута?

– Я страшусь неизвестности, Скабандарий... Кровоглазый. Прежде чем объявлять этот мир своим, мы должны как следует его узнать. Уяснить все его особенности.

– Ты назвал меня Кровоглазым? Почему?

– Здесь нет воды, чтобы ты увидел свое отражение. А назвал я тебя так, потому что кровь искажает твое... зрение.

– Ох и богатое у тебя воображение, Сильхас Гиблый.

Передернув плечами, Скабандарий двинулся к северно-

му краю холма из трупов. Он ступал осторожно, чтобы гора мертвых тел случайно не обрушилась под ним.

– Яггут, говоришь?

Сильхас Гиблый стоял к нему спиной. Командир тисте анди не мог отвести глаз от своих несчастных соплеменников, навеки замерших на равнине.

– Омтоз Феллак, магический Путь Льда, – не поворачиваясь, сказал Сильхас. – Как по-твоему, Скабандарий Кровоглазый, что задумал этот яггут? Мне кажется...

Одиночник тисте эдур вернулся туда, где стоял Сильхас. Нагнувшись, он выхватил из-за левого голенища кинжал. Серое лезвие источало магическую силу. Еще один шаг – и кинжал вонзился Сильхасу Гиблому в спину.

Тисте анди шумно втянул в себя воздух, затем взревел... и в это время легионы тисте эдур словно по сигналу бросились уничтожать своих недавних союзников.

Магия оплела корчащуюся фигуру Сильхаса Гиблого. Белокожий тисте анди рухнул на груду трупов к'чейн че'маллей. Скабандарий Кровоглазый склонился над ним.

– Увы, такова участь братьев, – тихо произнес он. – Править может только один, но никак не двое. Ты ведь тоже это знал, Сильхас. Каким бы обширным ни был этот мир, рано или поздно между тисте эдур и тисте анди все равно бы вспыхнула война. Правда нашей крови подтвердит эти мои слова. Лишь один должен стоять у врат, и только тисте эдур пройдут через них. Мы выследим и уничтожим всех остав-

шихся тисте анди, которые проникли сюда. Кто из ваших воинов сумеет нам противостоять? Увы, тисте анди сломлены духом. Так что быть по сему: один народ и один правитель.

Скабандарий выпрямился. Над равниной неслись последние крики умирающих тисте анди.

– Я не могу окончательно добить тебя. Ты еще слишком силен. Но я отнесу тебя в подходящее место и оставлю в обществе корней, земли и камня. Погостишь в их лабиринте.

Скабандарий обратился в дракона. Могучая когтистая лапа сомкнулась над бездыханным Сильхасом. Расправляя крылья, Кровоглазый взмыл вверх.

Башня, к которой он держал путь, находилась примерно в ста лигах от равнины. Полуразрушенная стена, окаймлявшая двор, доказывала, что эту постройку возвели не яггуты. Она поднялась позади трех яггутских башен, возникнув словно бы сама по себе, подчиняясь закону, одинаково непостижимому и для богов, и для смертных. Вознеслась, ожидая тех, кто станет ее пленниками на целую вечность. Узников, обладающих колоссальной силой: таких, как Сильхас Гиблый, третий и последний из детей Матери-Тьмы.

Скабандарий Кровоглазый спешил избавиться от последнего достойного соперника среди тисте анди.

«Трое детей Матери-Тьмы. Вот их имена...

Андарист. Он давно уже отказался от власти, охваченный горем, подобным незаживающей ране. И откуда бедняге знать, что эту рану нанес ему я?..

Аномандер Рейк, порвавший со своей матерью и соплеменниками. Он исчез раньше, чем я успел с ним разделаться. Наверное, сгинул где-то, ибо с тех пор я ничего о нем не слышал.

А вот теперь еще и Сильхас Гиблый, который совсем скоро познает вечный плен Азатов».

Скабандарий Кровоглазый был доволен. Вскоре он и его народ завоюют этот мир. И угрожать им теперь могут лишь тисте анди первой волны.

«Но кто из лучших воинов тисте анди решится оспорить мою власть? Сколько ни перебираю в памяти имена, не вижу никого достойного».

Скабандарий не задумывался, куда мог подеваться один из сыновей Матери-Тьмы, тот самый, который бесследно исчез. Ему хватало других, более насущных забот. Что и говорить, Кровоглазый допустил серьезную оплошность. Однако отнюдь не это являлось самой главной его ошибкой...

На вершине каменного холма, оставленного давним ледником, одинокий яггут творил ритуал, связанный с магией Омтоза Феллака. Яггут этот был свидетелем чудовищной битвы. Основной удар по к'чейн че'маллям нанесли двое одиночников – два могущественных элейнта. Обе их армии лишь добивали этих полуящеров. Яггут не питал сочувствия к к'чейн че'маллям: эта раса все равно вымирала; причин тому было множество, но они абсолютно не занимали чаро-

дея. Столь же мало заботила его и участь вторгшихся в этот мир тисте анди и тисте эдур. Яггут уже давно утратил способность волноваться. Она исчезла вместе со страхом. С ними за компанию ушла и способность удивляться чему-либо.

Он почуял предательство, долетевшее до него вместе с магической волной. Пролилась кровь элейнта. Из двух драконов остался только один. Ничего удивительного; такое уже бывало прежде, и не раз.

Пока яггут проверял прочность магических нитей своего ритуала, за его спиной послышались шаги. Кто бы это мог быть? Какой-нибудь древний бог, явившийся поглядеть на тех, кто рвет покровы между мирами? Что ж, обычное дело. Вот только кого на сей раз принесло? К'рула? Драконуса? Сестру Холодных Ночей? Оссерка? Кильмандарос? Сешуля Лата? На этот раз любопытство все-таки пересилило привычное безразличие и заставило яггута обернуться.

А-а, вот кто пожаловал! Маэль, древний бог морей. Коренастый, широкоплечий. Его синяя кожа возле шеи и на голом животе имела бледно-золотистый оттенок. С плоской макушки свешивались прямые светлые волосы. Янтарные глаза Маэля исходили гневом.

– Отвечай, Готос, какой ритуал ты затеял в ответ на все это? – хриплым голосом потребовал бог.

Яггут нахмурился:

– Они тут устроили такую сумятицу. Я хочу все это хорошенько вычистить.

– И конечно же, при помощи льда, – язвительно фыркнул Маэль. – У яггутов, как известно, на все один ответ.

– А какой ответ дал бы ты, Маэль? Затопил бы этот мир? Древний бог поглядел на юг. Рот его скривился.

– Мне нужно дождаться моей союзницы Кильмандарос. Она появится с другой стороны разрыва.

– Из одиночников у тисте остался лишь один, – сообщил богу Готос. – Похоже, он решил избавиться от союзника и поместить того во двор Башни Азатов. Там и так хватает поселенцев.

– Напрасно он поспешил. Или сей одиночник решил, что к'чейн че'малли – единственные его противники в этом мире?

– Возможно, – пожал плечами яггут.

Маэль помолчал, затем вздохнул и сказал:

– Только не переусердствуй со своим льдом, Готос. Не разрушь все подряд. Наоборот, сохрани. Это моя просьба.

– Сохранить? Но зачем?

– У меня есть на то свои причины.

– Приятно слышать. И какие же?

– Дерзкий и наглый яггут! – сердито сплюнул древний бог. – Ты всегда был таким!

– С какой стати мне меняться? Так что за причины?

– Хорошо, скажу. Знай же, яггут: в морях раскрывается время. На глубине обитают течения седой древности. Мелководье нашептывает пророчества о будущем. Между ними

происходит непрерывный обмен. Таков мой мир. Таково мое знание. Окружи эти просторы своим поганым льдом, Готос. И тогда время здесь замерзнет. Сделай это, и я стану твоим должником... что однажды тебе пригодится.

Готос ненадолго задумался над словами древнего бога, а потом кивнул:

– Хорошо, Маэль. Я выполню твою просьбу. Отправляйся к Кильмандарос. Прихлопните этого дракона, элейнта тисте эдур, и рассейте его народ. Но поторопитесь.

– С какой стати спешить? – прищурился Маэль.

– Дело в том, что я чувю дальнейшее пробуждение... впрочем, не такое уж и дальнейшее.

– Аномандер Рейк?

Готос кивнул.

– Понимаю, – протянул Маэль. – Оссерк торопится встать у него на пути.

– Опять? – Яггут усмехнулся, обнажая большие клыки.

Древний бог тоже улыбнулся ему в ответ.

И хотя они оба улыбались, веселого на равнине, усеянной трупами, было мало.

*1159 год Сна Огни Год Белых Прожилок в Черном Дереве-
За три года до Седьмого завершения (по летерийскому летоисчислению)*

Когда он пришел в себя, то увидел, что его наполовину засыпало белым песком, который был полон обломков – следов недавнего шторма. Во рту ощущался противный горько-со-

ленный привкус, словно бы его щедро накормили морской солью. От первого же вдоха свело все кишки. Он застонал и перевернулся на другой бок.

Весь берег был усеян мертвыми телами. Во впадинах и отлогих ямах быстро таяли большие куски и целые глыбы льда. Между ними тысячами сновали какие-то мелкие рачки.

Хотя очнувшийся был высоким и крепким, хорошо сложенным мужчиной, однако сейчас ему едва хватило сил, чтобы кое-как подняться на четвереньки. Голова закружилась, и его вырвало желчью. Бедняга повалился на спину. Голова раскалывалась от бушевавшего внутри приboя. Каждый удар туманил ему зрение. Прошло немало времени, прежде чем он сумел сесть и оглядеться по сторонам.

«Берег... там, где не должно быть никакого берега».

Минувшей ночью из морских глубин вдруг поднялись ледяные горы, и одна, самая крупная, пропорола днище большого плавучего мекросского города. Лыдина располосовала его так, словно это был игрушечный плот из прутиков. История мекросов знала крушения, но чтобы полностью уничтожить двадцатитысячный город... Человек, который спасся, до сих пор не мог поверить в увиденное: это казалось порождением воспаленного мозга.

Но он знал: это не выдумки. Он все видел собственными глазами и каким-то чудом уцелел.

Лучи солнца были теплыми, но не жгучими. Небеса имели странный белесый цвет. И птицы, кружившие над волна-

ми, больше напоминали летающих ящериц с бледными крыльями.

Кряхтя, мужчина поднялся на ноги. Головная боль медленно отступала, но теперь его начала бить дрожь, а жажда превратилась в неукротимого демона, так и норовящего вцепиться когтями в глотку.

Судя по изменившимся крикам летающих ящериц, они что-то заметили на берегу. Чудом уцелевший человек повернулся и увидел трех зверей, ковыляющих между кустиками пожухлой травы, которая окаймляла границу приливов. Ростом они были ему по пояс; чернокожие, начисто лишённые шерсти, с идеально круглой головой и острыми ушками. Ему сразу вспомнились бхок'аралы. Когда он был ещё мальчишкой, тех диковинных зверюшек привезли матросы торгового корабля, вернувшиеся из Нэмила. Эта троица чем-то напоминала бхок'аралов, но была помускулистее и вдвое крупнее, чем те любимцы моряков. Животные направлялись прямо к нему.

Человек огляделся по сторонам, ища себе хоть какое-то средство обороны. Неподалеку валялся обломок древесного ствола.

«Сгодится вместо дубины».

Он поднял свое оружие и стал ждать приближения противников.

Звери остановились и уставились на него желтыми глазами. Потом средний взмахнул лапой. Жест был недвусмыс-

ленным, вполне человеческим и означал: «Подойди».

Уцелевший вновь обвел глазами берег. Ни один из его соплеменников не шевелился, и рачки беспрепятственно пиروвали на трупах. Он вскинул голову, дивясь странному небу, а потом побрел к неизвестным зверям.

Они попятились, заманивая его на некое подобие луга. Таких трав он еще никогда не видел. Трубочатые стебли были треугольными и острыми словно бритва. Мужчина убедился в этом, увидев, что его ступни, да и не только ступни, а вообще ноги до самых лодыжек все в мелких порезах.

Дальше тянулась пустынная равнина, поросшая редкими кустиками такой же травы. Землю покрывала соляная корка. По равнине были раскиданы не менее странные острые камни. Вряд ли среди них нашлись бы хоть два одинаковых. Еще удивительнее, что природные стихии, казалось, совершенно не оставили на них следов.

Вдалеке сиротливо торчал какой-то невысокий шатер. Черные бхок'аралы повели человека туда.

Подойдя ближе, он увидел дымок, вьющийся из отверстия сверху шатра. Вход закрывал обтрепанный полог.

Сопровождающие остановились и снова указали лапами на шатер. Пожав плечами, мужчина вполз внутрь.

Когда глаза привыкли к сумраку, он увидел в дальнем углу какую-то сгорбленную фигуру. Разглядеть лицо мешал глубоко надвинутый капюшон. Рядом располагалась жаровня, от которой поднимался терпкий, удушливый дым. У входа

стояла стеклянная бутылка с водой. На грубом подносе лежали сушеные фрукты и ломоть серого хлеба.

– В бутылки родниковая вода, – сказал на мекросском языке хозяин шатра. – Сядь, подкрепись и постарайся прийти в себя после всего, что выпало на твою долю.

Спасшийся торопливо пробормотал слова благодарности и припал к бутылке. Утолив жажду, он потянулся к хлебу.

– Спасибо тебе за гостеприимство, незнакомец. Но почему здесь так дымно? Я даже толком не вижу тебя. Из-за дыма все плывет у меня перед глазами.

Хозяин шатра засмеялся, что вызвало у него приступ кашля. Затем он едва заметно пожал плечами:

– Лучше плыть, чем тонуть. А что касается дыма... согласен, приятного в нем мало, но он облегчает мои боли. Я надолго тебя не задержу. Ты ведь оружейник Вифалий?

Гость удивленно вскинул голову:

– Да, я Вифалий из Третьего города мекросов... которого больше нет.

– Печально. И ты единственный, кто уцелел... благодаря моим стараниям, хотя мне пришлось приложить для этого немало сил.

– Что это за место?

– Назовем его... Нигдешность. Ты находишься в самом сердце Нигдешности. Это странствующий осколок мира, по которому можно бродить. Я придал ему облик, напоминающий мне родные края. Мои силы возвращаются, хотя боль

в покалеченном теле так и не утихает. Но смотри-ка! Я сейчас произнес столько слов подряд и даже не закашлялся. Это что-нибудь да значит!

Хозяин шатра высунул из рваного рукава искалеченную костлявую руку и бросил на угли горсть семян. Семена дружно затрещали. Дым стал еще гуще.

– Ты кто? – спросил Вифалий.

– Павший бог... которому понадобилось твое ремесло. Я заранее приготовился к твоему появлению, Вифалий. Тебя ждут жилище, кузница и все потребное для работы. Ну и разумеется, одежда, пища, вода. А вдобавок – трое преданных слуг, с которыми ты уже познакомился.

– Бхок'аралы? – фыркнул оружейник. – Да что они...

– Нет, смертный, это не бхок'аралы. Хотя, возможно, они и произошли от бхок'аралов. Но эти звери зовутся нахтами. Я дал им имена: Шелуха, Кривляка и Хныкалка. Эту породу вывели яггуты. Смышленные твари. Научатся всему, что тебе надо.

Вифалий встал:

– Спасибо тебе за спасение, павший бог, но задерживаться у тебя я не собираюсь. Я намерен вернуться в свой мир.

– Ты меня не понял, Вифалий, – прошипел калека. – Либо ты сделаешь то, что я велю, либо будешь валяться у меня в ногах, умоляя о смерти. Ты теперь целиком в моей власти, оружейник. Ты мой раб, а я – твой хозяин. У мекросов есть невольники? Можешь не отвечать, я и так знаю, что есть.

Мне хорошо известно, чем промышляют твои соплеменники. Набегами на прибрежные и островные поселения. Думаешь, тем несчастным хотелось идти к вам в рабство? Главное, ты представляешь, каково это – быть чьей-то собственностью. Но не унывай, Вифалий. Как только ты выполнишь то, что мне нужно, я отпущу тебя на все четыре стороны.

Оружейник вертел в руках тяжелую дубину, с которой пришел в шатер.

Павший бог прокашлялся, засмеялся и зашелся в новом приступе кашля. Когда все прошло, он поднял руку:

– Советую тебе, Вифалий, не глупить. Я ведь не просто так вытащил тебя из морской пучины. Неужели вместе с городом буря разбила в щепки и твою честь? Я прошу не так уж много. Не заставляй меня гневаться, ибо потом ты об этом горько пожалеешь.

– Зачем я тебе понадобился?

– Вот это уже другой разговор. А как ты думаешь, Вифалий, что мне от тебя нужно? Только то, что ты умеешь лучше всего. Изготовь мне меч.

– Всего лишь? – недоверчиво протянул оружейник.

Павший бог подался вперед:

– Но мне нужен особый меч...

Книга первая. Стылая кровь

И узрел я ледяное копьё, недавно воткнувшееся в сердце земли. Душа его жаждала убивать. Всякий, кто возьмет это копьё, познает смерть. И будет познавать ее снова и снова.

Видение Ханнана Мосага

Глава первая

*Слушай! То шепчут моря,
Правду мечтая поведать
Крошащимся камням.*

Ханталлит из Запруды Рудокопов

Год Запоздалого Мороза

Год, предшествующий Седьмому завершению

(по летерийскому летоисчислению)

Восхождение Пустой Обители

Вот как начиналась сия легенда: под шум приливов, когда великаны преклоняли колени и становились горами. Это было в ту давнюю пору, когда они падали, словно каменные ядра с небес, и не могли противостоять рассвету. Под шум приливов поведем мы разговор об одном из таких великанов, ибо история эта переплетается с его собственной, что явно вас позабавит. Ну так слушайте же...

С наступлением темноты великан закрывал глаза и не открывал их, пока не рассветало. Какой смысл вглядываться во мрак, когда все равно почти ничего не увидишь?

Все было ему в диковинку, в том числе и темнота. Он дошел до края земли и обнаружил, что дальше простирается море. Таинственная жидкость, наполнявшая море, удивила его до глубины души. В тот судьбоносный день изумление возымело над ним особую власть. Великан смотрел, как

вздываются волны, как несутся они к берегу и набрасываются на землю в бессильных попытках овладеть ею. Весь день он следил за игрой волн, будоражимых ветрами. Казалось, вода вот-вот захватит берег, но она неизменно отступала.

Когда пришла ночь, великан закрыл глаза и улегся спать, твердо решив, что завтра снова будет глядеть на море.

В темноте он закрыл глаза.

Ночной прилив добрался до великана. Волны захлестнули и потопили его, а он даже не проснулся. Вода прибывала к мертвому телу песок и камешки, пока сам великан не превратился в скалу – этакий щербатый хребет на морском берегу. И еще тысячи лет накатывали волны, размывая его и сглаживая очертания.

Но им так и не удалось сделать это до конца. И чтобы по-настоящему увидеть великана, нужно заглянуть в темноту. Или сощурить глаза, когда ярко светит солнце. Посмотреть вбок, сосредоточившись на чем угодно, кроме самого камня.

Из всех даров, которыми Отец-Тень наделил своих детей, этот дар – наивысший. Чтобы увидеть, нужно непременно отвести взгляд. Поверьте в это, и вы попадете в мир Отца-Тени, где прячутся все истины.

Отвести взгляд, чтобы увидеть.

Запомнили? Ну а теперь – попробуйте сами.

Мыши бросились врассыпную, торопясь затеряться в полосах синих сумеречных теней. Они неслись, обезумев от страха, но судьба одной из них уже была предрешена. Когти-

стая лапа сжала пушистый комочек, хрустнув нежными мышинными косточками.

Сова приземлилась неслышно и так же неслышно взмыла в воздух с добычей в когтях. Она не стала возвращаться на прежнее дерево у кромки поляны, а опустилась на ближайшее и тут же принялась пировать.

Человек, который вскоре пересек эту поляну, ничего не заметил. Мыши давно скрылись, а снег был достаточно плотным, и следов от их лапок не осталось. Сова затаилась в ветвях ели и пристально следила за медленно бегущим двуногим. Как только он исчез из ее поля зрения, птица возобновила пир.

Сумерки принадлежали охотникам, а эта хищница лишь начала свою обычную охоту.

Воина, бежавшего по схваченной морозом земле, звали Труль Сенгар. В иное время он заметил бы и пирующую сову, и множество других подробностей, но сейчас его мысли находились слишком далеко от окрестного леса. Он даже не остановился, чтобы совершить традиционный ритуал и умиловать Шельтату Всеведущую – Дочь Сумерек, самую любимую и почитаемую из трех дочерей Отца-Тени. Завтра, на закате, он обязательно воздаст ей вдвойне. Точно так же и днем, погруженный в свои собственные мысли, юноша бездумно проскальзывал мимо пятен солнечного света на тропе, не выказывая должного уважения другой дочери Отца-Тени – Сукуль Коварной, Дочери Обмана, которую еще

называли Пятнистой.

Калешское лежбище просто поразило Трулля обилием тюленей. В этом году они явились на свои брачные игры раньше обычного. На время воин даже забыл про зеленый нефрит, куски которого разыскивал в прибрежном песке. Но радость юноши длилась лишь до тех пор, пока он не переместил взгляд в сторону моря и не увидел чужие корабли, явившиеся сюда добывать тюленей.

Корабли принадлежали летерийцам – белокожим людям с юга.

Весь путь до родной деревни молодого воина не оставлял гнев. Трулля представлял, как рассердятся соплеменники, узнав от него эту новость. Летерийцы дерзко вторглись в края тисте эдур и по-воровски били их тюленей, словно бы издеваясь, открыто насмехаясь над давним соглашением.

Конечно, глупцов хватало и среди летерийцев, и среди тисте эдур. Кто-то решил нажиться, думая, что это сойдет ему с рук. Трулля был уверен, что летерийские власти сознательно не пошли бы на столь дерзкий шаг. Зачем? До Великой встречи оставалось всего две луны, и кровопролитие противоречило интересам обеих сторон. Тисте эдур имели полное право атаковать вторгшиеся корабли и уничтожить их. Но это наверняка разозлило бы летерийских посланцев. Сородичи всегда остаются сородичами, даже если они и нарушили чужие законы. Так можно ли после такого рассчитывать на заключение нового договора?

Племя Трулля Сенгара только-только завершило одну тяжелую войну, так что мысли о новой сейчас были особенно тягостными.

Его сородичи-хироты стремились подчинить себе соседние племена тисте эдур. Ни в одном сражении Трулль не посрамил отца и братьев. Его широкий пояс насчитывал двадцать одну кровавую полосу, и каждая означала битву, в которой участвовал молодой человек. Семь полос, окаймленных белой краской, свидетельствовали о количестве поверженных лично им врагов. Только Фэр – старший сын Томада Сенгара – превосходил Трулля количеством трофеев. Но это и неудивительно: Фэр считался среди хиротов непревзойденным воином.

Разумеется, сражения против других племен тисте эдур не особо приветствовались и жестко ограничивались всевозможными правилами и запретами. Раненых хватало, но убитых можно было пересчитать по пальцам. И все равно подчинение соседних племен сильно изнурило хиротов. Однако в битвах против летерийцев тисте эдур не сдерживали никакие законы. Никакого правила «до первой крови». Враг заслуживал лишь одного – убийства. И не важно, был ли это воин с оружием в руках или безоружный. Смерть ожидала каждого. Такая бойня одинаково позорила воинов тисте эдур и их жертв.

Трулль не был кровожадным, и возможность нового сражения его вовсе не радовала. Но эти мысли он будет благо-

разумно держать при себе. А если понадобится, встанет бок о бок с братьями и его меч понесет возмездие незваным гостям. Иного выбора просто не существовало. Стоит оставить одно преступление безнаказанным, как завтра их уже будет целая дюжина.

Труль выбрался на край леса и миновал дубильни с их канавами и особыми ямами, стенки которых были выложены камнями. Заметив его, летерийские рабы побросали работу и почтительно склонили голову, пока он не скрылся из виду. Вскоре юноша выбежал на знакомую поляну, на другом конце которой высилась крепостная стена из толстых кедровых бревен. Над нею поднимались струйки дыма от деревенских очагов. Труль свернул на насыпь, ведущую к воротам. По обе стороны от нее тянулись плодородные черноземные поля. Зима лишь совсем недавно ослабила свою власть, и до начала сельскохозяйственных работ еще оставалось несколько недель. К середине лета на полях появятся всходы почти трех десятков различных растений и трав, дающих племени пищу, целебные снадобья, волокна для веревок и канатов, а также корм для скота. Были у хиротов и цветущие растения, которые специально высевали для привлечения пчел, дабы получать мед и очень нужный в хозяйстве воск. На полях трудились рабы и рабыни. Присматривали за ними женщины из родного племени Трулля. Мужчины, разбившись на небольшие отряды, уходили в лес – охотиться и заготавливать древесину, или садились в кнарри (так назывались у ти-

сте эдур баркасы) и отправлялись за рыбой и морским зверем.

Так бывало в мирные годы. В последние двенадцать лет главным занятием сородичей Сенгара оставались сражения. Хироты, прежде не знавшие голода, впервые столкнулись с нехваткой провизии. Труллю очень хотелось, чтобы все тяготы и лишения войны остались в прошлом. Ханнан Мосаг – король-колдун хиротов – ныне правил всеми шестью племенами тисте эдур. Враждующие племена объединились в Содружество, хотя Трулль прекрасно понимал, насколько этот союз шаткий. В заложниках у Ханнана Мосага находились старшие сыновья всех племенных вождей. Их он сделал своими к'риснанами – когортой магов. Мир, установленный королем-колдуном, держался на острие меча, но все-таки это был мир.

Увидев вышедшего из ворот Бинадаса, Трулль остановился на развилке.

– Приветствую тебя, Бинадас, – сказал он младшему брату.

За спиною у того висело копье. На плече он нес мешок из шкур. Помимо копья Бинадас был вооружен простым длинным мечом в деревянных, отделанных кожей ножнах. Ростом он на полголовы превосходил Трулля. Его лицо, как и одежда из шкур, было хорошо знакомо с природными стихиями. Из троих братьев Трулля Бинадас был самым замкнутым и непредсказуемым, иной раз и не поймешь, что у него на уме.

В деревню он наведывался лишь изредка, предпочитая дикие просторы лесов, что тянулись далеко на запад, или горы, находившиеся к югу от селения. Бинадас редко сражался бок о бок с остальными, но из походов неизменно возвращался с трофеями, ни у кого не оставлявшими сомнений в его храбрости.

– Ты чем-то встревожен, Труль, – заметил Бинадас. – Более того, опечален.

– Летерийцы высадились на Калешском лежбище.

– Тогда не буду тебя задерживать.

Новость заставила нахмуриться и младшего брата.

– Ты надолго уходишь? – спросил у него Труль.

В ответ Бинадас лишь пожал плечами и двинулся по тропе, уводившей на запад.

А Труль Сенгар миновал ворота и оказался в родной деревне.

Сразу за стеной располагались четыре большие кузницы. Каждую из них окружала канава с крутыми стенками. Канавы соединялись с подземным каналом, прорытым из деревни на поля. Несколько лет подряд кузницы работали днем и ночью, изготавливая оружие, отчего в воздухе постоянно висел едкий, зловонный дым. Ветви и кора окрестных деревьев были густо покрыты коркой сажи. Сейчас же работа шла лишь в двух кузницах, да и там рабы трудились с прохладцей.

Дальше тянулись приземистые, похожие на пчелиные соты строения – главные деревенские амбары. Их деревянные

стены для большей прочности были обложены кирпичом. Здесь держали запасы зерна, копченую рыбу и тюленьё мясо, китовый жир и стебли растений, из которых вили веревки. Такие же хранилища были устроены и вне деревень, в глубине лесов, но сейчас большинство из них пустовало. Войны лишь забирали запасы, не оставляя времени для их пополнения.

За амбарами начинались каменные дома ткачей, гончаров, резчиков, оружейников и прочих ремесленников, а также младших писцов. Узнав Трулля, жители приветливо здоровались с ним. Он лишь кивал в ответ, чтобы соблюсти приличия, давая понять, что торопится и времени на разговоры у него сейчас нет.

Молодой воин продолжал быстро двигаться по деревенским улицам. Летерийские рабы называли поселения таких размеров *городами*, но ни один здравомыслящий тисте эдур не видел причин заимствовать чужие слова. Если с самого начала это было деревней, то пусть деревней и останется. И не важно, что сейчас здесь проживает двадцать тысяч тисте эдур и втрое больше летерийских рабов.

Над улицами возвышались два священных места – кумирни Отца-Тени и его любимой дочери Шельтаты. Они располагались на насыпях, окруженные особой породой черного дерева – так называемым живым деревом. Поверхность священных мест покрывали тяжелые каменные диски, испещренные рисунками и письменами. Над ними беспрестанно

сиял Куральд Эмурланн, оживляя камни пляшущими тенями. Днем его свет слабел, а к сумеркам – времени ежедневных приношений – разгорался вовсю.

Трулль выбрался на дорогу, называемую аллеей Колдуна. Она вела к массивной крепости, служившей одновременно храмом и дворцом, в котором жил Ханнан Мосаг, король-колдун. По обе стороны дороги, настолько плотно к друг другу, что даже в самые солнечные дни она тонула в сумраке, стояли древние кедры с черной корой. Говорили, что им никак не меньше тысячи лет. Они возвышались над всей деревней, но ветви сохранялись лишь на самых верхушках.

Крепость и примыкающий к ней обширный квартал окружала дополнительная стена, не столь высокая, как внешняя. Она тоже состояла из черного дерева, и на каждом бревне были вырезаны многочисленные охранительные знаки. Главные ворота представляли собой проход, состоящий из изогнутых древесных стволов. Под их пологом было совсем темно. Проход выводил к мосту через канал, где на волнах покачивались к'ортанские баркасы – быстроходные лодки, пригодные и для морских сражений, и для набегов. По другую сторону моста располагалась просторная мощеная площадь, окаймленная казармами и хозяйственными постройками. Далее тянулись каменные и деревянные дома знати – тех, кто был связан кровными узами с Ханнаном Мосагом. Крыши с коньками из прочного черного дерева покрывала толстая драпка. Продолжение аллеи Колдуна аккуратно раз-

деляло строения на две половины и оканчивалось возле другого моста. Он вел уже непосредственно в крепость.

На площади тренировались молодые воины. Трулль сразу же заметил своего старшего брата Фэра, рослого и широкоплечего мужчину, который стоял рядом и вместе с помощниками пристально наблюдал за упражнениями. Трулль невольно посочувствовал юнцам, вспомнив годы своего обучения. Как и сейчас, Фэр тогда зорко следил за всеми его движениями, не давая родному брату ни малейшей поправки.

Внезапно Трулля окликнули. Он повернул голову в другую сторону. Там самый младший из его братьев – Рулад – упражнялся вместе со своим ровесником Мидиком Буном. Трулля удивило неожиданное усердие Рулада, однако вскоре стало ясно, чем оно вызвано. По площади вместе с четырьмя подругами шла Майена – невеста Фэра. Их сопровождало не менее дюжины рабов и рабынь. Скорее всего, компания направлялась на рынок. Правила хорошего тона (а их у знати тисте эдур существовало более чем достаточно) требовали от девушек хотя бы ненадолго остановиться и понаблюдать за состязаниями. При этом Майена была обязана выказывать одинаковое уважение всем братьям Фэра.

Хотя подобное зрелище было вполне привычным, Труллю почему-то сделалось не по себе. Желание Рулада покрасоваться перед девушкой, которая вскоре станет женой его брата, грозило вот-вот перехлестнуть рамки приличий. Трулль

считал, что Фэр чересчур потекает Руладу.

«Все мы слишком его разбаловали».

Разумеется, на то были свои причины.

У Рулада горделиво покраснелось лицо. Умением он явно превосходил своего друга детства.

– Эй, Труль! – крикнул юнец, размахивая мечом. – Я сегодня уже один раз пролил кровь и жажду еще! Иди сюда! Давай счистим ржавчину с твоего меча!

– Как-нибудь в другой раз, братец! – крикнул в ответ Труль. – Мне нужно срочно поговорить с отцом.

Рулад понимающе улыбнулся. Но в его ясных серых глазах все равно сияло ощущение собственного превосходства.

– Ну что ж, можно и подождать, – промолвил он.

Рулад взмахнул мечом, словно бы позволяя брату идти дальше, и повернулся к девушкам. Но увидел лишь их спины: Майена, ее спутницы и рабы продолжали путь. Рулад раскрыл было рот, намереваясь что-то крикнуть Майене, однако Труль опередил его, заявив:

– Брат, я приглашаю тебя пойти вместе со мной. Я должен сообщить отцу крайне серьезные вести и хочу, чтобы и ты тоже присутствовал при нашем разговоре и сказал свое слово.

Такие приглашения обычно делались опытным воинам, показавшим себя в сражениях. Лицо Рулада зарделось от гордости.

– Сочту за честь, Труль, – коротко ответил он, убирая в

ножны меч.

И, оставив Мидика Буна разглядывать раненное в поединке запястье, Рулад вместе с Труллем поспешил к родному дому.

С внешней стороны стены их жилища были увешаны трофейными щитами, многие из которых насчитывали не одну сотню лет и уже успели выцвести. Под крышей покачивались на легком ветру китовые кости. Вход украшала причудливая арка из тотемов племен, с которыми враждовали хироты. Тут были меховые лоскуты, куски шкур, украшенных бусинами, морские раковины, когти и зубы животных.

Братья прошли в дом.

Внутри было прохладно. Воздух слегка пах кисловатым дымом. По стенам, в нишах между шпалерами и шкурами, горели масляные лампы. Посередине помещения, как того требовала традиция, располагался семейный очаг. Он был наполнен дровами и трупом, но теперь рабы готовили еду в отдельной кухне, чтобы уменьшить опасность пожара. Поскольку внутренних стен в доме не было, он разделялся на комнаты громоздкой мебелью из черного дерева. С веревок, прикрепленных к потолочным балкам, свешивались десятки мечей, копий и кинжалов. Некоторые из них были совсем древними и относились к эпохе исчезновения Отца-Тени, когда тисте эдур на какое-то время утратили секрет обработки железа и делали свое оружие из бронзы. Бронза еще годилась для щитов, но вот бронзовые мечи выглядели совсем

хрупкими.

Позади очага росло живое черное дерево, из которого на высоте, чуть превышающей средний рост тисте эдур, торчала треть лезвия клинка. Это был настоящий эмурланнский меч. Нынешние кузнецы, сколько ни бились, не могли разгадать секрет сплава. Семейное оружие Сенгаров – символ их принадлежности к знатному роду. Обычно такой меч прикрепляли к черному дереву, когда оно было совсем молодым; растение постепенно обволакивало его своей древесиной, и через несколько столетий клинок полностью исчезал внутри. Но ствол дерева в доме Сенгаров искривился и обнажил часть черного с серебристым отливом лезвия. Такое случалось, хотя и очень редко.

Проходя мимо, оба брата протянули руки и коснулись фамильного меча.

Их мать Урута вместе с рабынями трудилась над фамильной шпалерой, завершая последние сцены, изображавшие участие Сенгаров в войне за объединение племен. Она была настолько поглощена работой, что даже не заметила вошедших сыновей.

Томад Сенгар и трое его гостей из числа знати сидели за доской, сделанной из цельного рога какого-то древнего зверя. Игральные кости были вырезаны из моржового бивня и зеленого нефрита.

Трулль остановился возле играющих, опустив правую руку на рукоятку меча. Жест этот означал, что он принес важ-

ные известия, таящие опасность для племени. Рулад встал у него за спиной и быстро глотнул воздуха.

Не поднимая глаз, старейшины одновременно встали, а Томад отодвинул доску с незаконченной партией в сторону. Гости молча удалились. Глава семейства перемешал кости и снова опустился на корточки. Трулль присел напротив:

– Приветствую тебя, отец. К побережью Калешского лежбища подошел летерийский флот. Тюлени в этом году явились на брачные игры раньше обычного. Летерийцы убивают их. Я видел это собственными глазами и сразу же отправился сюда.

Томад кивнул. И спросил:

– Значит, ты без остановки бежал три дня и две ночи?

– Да, отец.

– А летерийцы все это время продолжали бить тюленей?

– Уверен, что так оно и есть. Отец, Менандора, Дочь Зари, наверняка встретила это утро, видя корабли летерийцев, целиком заваленные тюленьими тушами. Когда они отплывут, за каждым судном потянется красная река из тюленьей крови.

– А на место груженных добычей кораблей придут новые! – злобно прошипел Рулад.

Вмешательство младшего сына заставило Томада нахмуриться.

– Рулад, сообщи обо всем, что слышал, Ханнану Мосагу. Особой срочности в этом не было, и повеление отца по-

казывало, что он недоволен Руладом.

Тот вздрогнул, но тут же совладал с собой:

– Как скажешь, отец.

И с этими словами юноша повернулся и покинул дом.

Лицо Томада стало еще сумрачнее.

– Ты пригласил на важный разговор нечистокровного воина?

– Да, отец.

– Зачем?

Трулль предпочел промолчать. Ему не хотелось говорить отцу о том, что Рулад проявляет чрезмерное внимание к невесте Фэра.

Томад вздохнул и принялся разглядывать лежащие на коленях руки – сильные, покрытые шрамами.

– Что-то слишком мягкотелыми мы становимся, – прогремел он.

– Отец, но разве уважительно относиться к тем, с кем мы связаны соглашениями, – это проявление мягкотелости? – рискнул возразить Трулль.

– Конечно. Они ведь уже не впервые нарушают договор.

– Тогда почему король-колдун не отменил Великую встречу с летерийцами?

Темные глаза Томада вспыхнули и буквально вонзились в Трулля. Из всех четырех сыновей Сенгара только Фэр выдерживал отцовский взгляд и имел глаза того же цвета. Трулль невольно поежился.

– Я сморозил глупость и беру свои слова обратно, – произнес юноша, отворачиваясь и желая скрыть овладевшее им смятение.

«Летерийцы явно проверяют нас на прочность, – подумал он. – Их намерения нам неизвестны, но в любом случае это дерзкое нарушение договоренностей. Они ведь прекрасно знают, что мы не оставим сие без ответа. Их дерзость – обоюдоострый меч, который ударит по обоим народам».

– Нечистокровные воины обрадуются возможности показать себя, – сказал Труль через некоторое время.

– Скоро мы доживем до того, что нечистокровные воины будут заседать в совете, – проворчал отец.

– Но разве это не награда, которую нам дарит мир?

Томад оставил вопрос сына без ответа.

– Ханнан Мосаг обязательно соберет совет. Тебе тоже нужно будет пойти туда и рассказать обо всем, что ты видел. Но это еще не все. Король-колдун просил меня, чтобы я разрешил вам четверым выполнить его особое поручение. Не думаю, что твои новости изменят его решение.

– Говоришь, нам четверым? – удивленно переспросил Труль. – А я на подходе к деревне встретил Бинадаса.

– Он уже знает и вернется спустя одну луну.

– А Рулад тоже знает?

– Нет, хотя он и пойдет с вами. Нечистокровный воин – он и есть нечистокровный.

– Как скажешь, отец, – привычно ответил Труль.

– А сейчас иди отдыхать. Перед советом тебе надо как следует выспаться.

Белая ворона вспорхнула с узловатого, покрытого соляным налетом корня и принялась рыться в куче отбросов. Сначала Труллю показалось, что это чайка, решившая чем-нибудь поживиться на речном берегу. Но громкое карканье развеяло его сомнения. Ворона зажала в бледном клюве раковину с мидией и лениво перелетела поближе к воде. День стремительно терял яркость красок, уступая место сумеркам.

Труллю так и не удалось заснуть. Он беспокойно ворочался с боку на бок и в конце концов все-таки встал. До совета, назначенного в полночь, оставалось еще достаточно времени. Какое-то смутное беспокойство выгнало молодого человека из дому, и он, с трудом переставляя гудящие, не успевшие отдохнуть ноги, побрел на север, к устью реки.

Сумерки всегда наступали внезапно. Лениво плескались волны, и на их границе белел силуэт необычной вороны. С каждой волной птица изгибала клюв и опускала свою добычу в воду. И так шесть раз подряд.

«Привередливая тварь», – подумал Трулль, глядя, как ворона отмыла раковину, уселась на ближайший камень и принялась ее расклевывать.

Белый – цвет зла. Это знает любой ребенок. Цвет мертвых костей и ранней зари, ненавистный цвет Менандоры. И па-

руса у летерийских кораблей тоже белые. Ничего удивительного. А сквозь прозрачные воды Калешского залива проглядывает дно, и оно стало белым от костей тысяч убитых тюленей.

Казалось бы, шести племенам тисте эдур сейчас самое время воспользоваться щедростью природы и начать усиленно восполнять запасы, истощенные недавней войной. Но летерийцы их опередили. Мысли Трулля вновь вернулись в тревожное русло:

«До чего же точно эти летерийские наглецы рассчитали время. Их замысел понятен: нанести удар по хрупкому Содружеству племен, чтобы на Великой встрече выторговать себе желаемые условия. Они хотят снова заставить нас смириться с неизбежностью. Те же самые слова мы слышали, когда на Длинной косе появились летерийские деревни. Нам тогда говорили, что Летерийское королевство расширяется и ему требуются новые земли. А нам, дескать, Длинная коса все равно не нужна. В противном случае мы бы не ушли из своих временных лагерей, а превратили бы их в постоянные поселения».

И теперь все больше и больше чужих кораблей начнут рыскать в богатых водах северного побережья: сие *неизбежно*, как выражались летерийцы, очень любившие это слово. Да уж, за всеми не углядишь.

Еще одно красивое слово из языка летерийцев – «равноправие». Только тисте эдур знали, чем оно оборачивается

в действительности. Достаточно вспомнить о судьбе других племен, что жили на границах с Летерией. Все они когда-то поклялись в верности летерийскому королю Эзгаре Дисканару. И что с ними случилось теперь?

«Но мы – не такие, как те племена».

Белая ворона громко каркнула со своего каменного наместа. Швырнув на песок опустошенную раковину, птица взмыла вверх и растворилась в темноте. Вскоре оттуда донеслось ее прощальное карканье. Трулль начертил в воздухе знак, ограждающий злые силы.

По берегу кто-то шел. Обернувшись, юноша увидел старшего брата.

– Приветствую тебя, Трулль, – негромко произнес Фэр. – Твои вести сильно взбудоражили воинов.

– А что сказал король-колдун?

– Пока ничего.

Трулль продолжал следить за игрой темных волн, накатывающихся на берег.

– Нашим воинам не отвести глаз от этих кораблей, – промолвил он.

– Но Ханнан Мосаг умеет смотреть в сторону, – возразил Фэр.

– Он попросил у отца разрешения отправить нас с каким-то поручением. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Фэр встал рядом. Трулль не столько увидел, сколько почувствовал, как старший брат пожал плечами.

– Видения с детских лет управляют жизнью нашего короля, – помолчав, произнес он. – Его память крови простирается очень далеко – вплоть до Темных времен. Отец-Тень сопровождает каждый его шаг.

Услышав о видениях, Трульль поежился. Он не сомневался в их силе, но вот только кому она служит? Темные времена были отнюдь не радостной эпохой. Пора раскола между тисте эдур, чудовищных войн неведомо с кем и безудержного чародейства. Наконец именно тогда исчез и сам Отец-Тень. И хотя племена не утратили магии Куральда Эмурланна, цельность магического Пути была нарушена, а его осколки попали под власть недостойных правителей и ложных богов. Трульль подозревал, что замыслы Ханнана Мосага простирались куда дальше простого объединения шести племен тисте эдур.

– Трульль, я ощущаю в тебе странную неохоту, – вдруг сказал Фэр. – Ты ловко скрываешь ее, но я вижу то, чего не видят другие. Сдается мне, ты предпочел бы вообще не сражаться.

– О сражениях мечтают лишь юнцы, которые их даже не нюхали, – ответил Трульль и тут же добавил: – По числу трофеев в нашем роду я уступаю лишь отцу и тебе.

– Брат, я не сомневаюсь в твоей храбрости. Но мужество – это далеко не самое главное, что нас связывает. Не забывай: мы – тисте эдур. Когда-то мы были повелителями Гончих Тени. Мы владели тронном Куральда Эмурланна. Он и сейчас

принадлежал бы нам, если бы не цепь предательств: вначале соплеменников Скабандария Кровоглазого, а потом и тисте анди, которые вместе с нами пришли в этот мир. Наш народ постоянно пребывает в осаде. Летерийцы – всего лишь один враг из множества. Король-колдун это понимает.

Зеркальные воды залива отражали свет ранних звезд.

– Можешь быть уверен, Фэр: когда понадобится, я без колебаний выступлю против любых наших врагов.

– Замечательные слова, брат. Этого вполне достаточно, чтобы Рулад наконец замолчал.

Услышав подобное заявление, Трулль напрягся:

– Он что, поднимает голос против меня? Этот нечистокровный... щенок?

– Ну, просто если Рулад вдруг видит слабость...

– То, что он видит, сильно отличается от того, что есть на самом деле, – сердито бросил Трулль.

– Так покажи ему истинную картину, – парировал Фэр тихо и невозмутимо.

Трулль молчал. До сих пор он сквозь пальцы смотрел на задиристость Рулада, прощая младшему брату его постоянные выпады. Нечистокровный воин – тот же мальчишка, который по глупости хорохорится. Первое же настоящее сражение быстро вправит ему мозги. Но не это было главной причиной снисходительности Трулля. Он пытался окружить защитной стеной девушку, которой вскоре предстояло выйти замуж за Фэра. Сейчас не время высказывать свои опасения.

Велика опасность, что старший брат истолкует их по-своему, сочтя наветами на Рулада. И потом, Майена была невестой Фэра, вот пусть тот и заботится о защите ее чести.

Все было бы куда проще, если бы Майена сама давала повод к тому, чтобы их младший брат вел себя таким образом. Но она вовсе не искала внимания Рулада и никоим образом не поощряла его. Она вообще даже не глядела в его сторону. Майена была на высоте; держала себя безупречно пристойно, как и полагается девушке из знатного рода, и в особенности той, кому оказана честь стать женой главного оружейника племени хиротов. Труль, в который уже раз, мысленно твердил себе, что все это его совершенно не касается.

– Я не собираюсь ничего доказывать Руладу! Много чести! – Труль наконец выплеснул накопившуюся в душе ярость. – Покамест он ничем не доказал, что достоин моего уважения. Уж не маленький, пора бы ему самому научиться видеть вещи в истинном свете.

– У Рулада пока слишком мало жизненного опыта. Он еще не умеет различать оттенки. Отсутствие у тебя желания воевать видится ему слабостью.

– А почему это должно меня волновать?

– Да потому, что Рулад сейчас похож на слепого старика, оказавшегося у брода через ручей. Без провожатого он поскользнется на первом же камне.

– Интересные у тебя сравнения, Фэр. Сначала ты говоришь, что Рулад не умеет различать оттенки, а потом и вовсе

сравниваешь его со слепцом. Да с какой стати мне опасаться мальчишеской брехни? Любой здравомыслящий воин только посмеется над его рассуждениями.

– Пойми, брат: Рулад – не единственный, кто заблуждается подобным образом.

– Да ты никак хочешь, Фэр, чтобы между сыновьями Томада Сенгара началась вражда?

– Рулад не враг – ни тебе, ни кому-либо из наших соплеменников. Он просто еще очень молод и жаждет поскорее стать чистокровным воином. Ты ведь сам проходил этот путь. Вспомни-ка себя в его возрасте. Сейчас не время наносить раны, чреватые шрамами. А презрение оставляет в душе нечистокровного воина самые глубокие раны.

Труль поморщился:

– Я чувствую правду в твоих словах, Фэр. Впредь постараюсь заботливее нянчиться с Руладом.

Брат как будто и не заметил его колкости. И невозмутимо произнес:

– Совет соберется в крепости. Ты войдешь в Королевский зал рядом со мной?

– Почту за честь, Фэр, – встрепнулся Труль.

Братья повернулись и зашагали к деревне. Ни один из них не заметил силуэта бледнокрылой птицы, парящей над ленивыми водами залива.

Тринадцать лет назад Удинаас был молодым моряком. То-

гда шел третий год его работы по контракту, заключенному с торговцем Интаросом из Трейта – самого северного города в Летерийском королевстве. Китобойное судно «Напористый», на котором плывал Удинаас, возвращалось из плавания к Бенедскому заливу. Шли с богатой добычей, торопясь еще затемно достичь ничейных вод, начинавшихся к западу от Калешского залива. И надо же было такому случиться! Словно призраки, из тьмы вдруг вылетели пять к’ортанских баркасов, в которых сидели воины из племени хиротов. Началась погоня.

Если бы не алчность капитана, их корабль наверняка ушел бы от преследователей. Но этот сквалыга не захотел расставаться с уловом.

Удинаас хорошо запомнил, какие лица были у капитана и офицеров «Напористого», когда тех привязывали к одной из китовых туш, чтобы бросить на съедение акулам и дхэнраби. Матросов хироты забрали с собой. Кроме того, нападавшие взяли все железные предметы, какие только имелись на корабле, а также все, что годилось в качестве трофеев. После этого «Напористого» отдали на растерзание духам Тени, которые быстро изничтожили мертвое дерево летерийского судна. Хироты прихватили также и две китовые туши.

Даже сейчас, вспоминая о судьбе капитана и офицеров, Удинаас не испытывал ни малейшего сочувствия. С какой стати их жалеть? Он уже родился должником, повторяя путь отца и дела. Задолженность и рабство, по сути, означали од-

но и то же. Жизнь в неволе у хиротов не была слишком уж тяжелой. Послушание вознаграждалось: хозяева защищали рабов от врагов, обеспечивали кровом над головой. Пока не началась война за объединение племен, их всегда кормили досыта.

Удинааса, который достался семье Сенгар, приставили к хозяйству. Среди его многочисленных обязанностей была и починка сетей для четырех рыболовных кнарри, которыми владело это знатное семейство. Поскольку Удинаас раньше был моряком, ему не разрешалось отправляться на промысел. Он латал сети и прицеплял к ним грузила, расположившись на берегу речного устья. К морю ему запрещалось даже подходить. Однако Удинаас не испытывал желаний сбежать из плена. В деревне было более чем достаточно рабов, и абсолютно все – летерийцы. Так что он имел возможность общаться с соплеменниками, хотя зачастую это лишь нагоняло на него тоску. Естественно, жизнь в Летерии имела свои привлекательные стороны, но Удинаас твердо знал: случись чудо и вернись он на родину, на него сразу же вновь повесят семейный долг. Кое-кто из рабов тяжело вздыхал, вспоминая о былых временах. Однако сам Удинаас при виде подобных страданий лишь усмехался: да, дома, что и говорить, имелось множество соблазнов, однако они всегда были ему не по карману.

В сумерках на другой берег речного устья пришли двое старших сыновей Томада Сенгара. Они о чем-то оживлен-

но беседовали. Слов Удинаас разобрать не мог, но без труда догадывался о содержании разговора. Летерийские корабли снова вторглись в воды тисте эдур. Весть об этом разнеслась еще раньше, чем молодой Рулад успел добраться до крепости. Как и следовало ожидать, король-колдун созвал совет. Значит, вскоре снова разразится яростное сражение, густо приправленное магией. Удинаас втайне желал, чтобы воины тисте эдур разбили его соплеменников и отняли у тех добычу. Война и так истощила запасы. Если у тисте эдур начнется голод, первыми от него пострадают рабы.

Удинаас хорошо понимал сородичей. Для летерийцев все измерялось золотом. Можно сказать, весь их мир крутился вокруг него. Власть, положение в обществе, уважение окружающих и чувство собственного достоинства – все это можно было купить за деньги. Их королевство, словно паутина, опутывали сети долгов, больших и малых. Долги определяли отношения между людьми, бросая тень на любой замысел, решение и поступок. Дерзкое нарушение договора, самовольная охота на тюленей – это наверняка лишь первый шаг. Летерийцы применяли подобную стратегию ко всем соседям. И до сих пор она не давала сбоев. Неудивительно, что соотечественники Удинааса считали тисте эдур очередным племенем, которое вскоре тоже будет завоевано и покорено.

«И вот здесь, летерийские умники, вы крупно ошибаетесь», – мысленно хмыкнул он.

Чего ждать дальше? Похоже, Великая встреча все же со-

стоится. И скорее всего, король-колдун и его советники, какими бы рассудительными и дальновидными они ни были, позволят летерийцам втянуть их в новое соглашение. Больше всего Удинааса тревожили возможные последствия.

Мимо, неся на плечах тяжелые мешки с водорослями, прошли трое рабов из дома Бунов.

– Эй, Удинаас! – окликнул его один из них. – Сегодня Ведьмино Перышко будет гадать на черепках. Начнет аккуратно в то время, когда соберется совет.

Удинаас принялся развешивать сеть на сушильных распорках.

– Спасибо за известие, Хулад, – поблагодарил он. – Я обязательно приду.

Рабы удалились. Удинаас вновь остался один. Взглянув в северном направлении, он увидел Фэра и Трулля, поднимавшихся по склону к сторожевым воротам внешней стены.

Полностью развесив сеть, Удинаас собрал свои орудия в корзинку, приладил крышку и выпрямил спину.

Сзади послышалось хлопанье крыльев. Он повернулся на звук, удивляясь, какая же это птица отваживается летать после захода солнца. Однако ничего понять не успел: бледный силуэт мелькнул и исчез. Удинаас заморгал, напрягая зрение и пытаясь увидеть птицу снова. Тут явно что-то не так. Ох, похоже, дело нечисто. Он переместился влево, туда, где тянулась песчаная полоса. Присев на корточки, закрыл глаза, мизинцем левой руки быстро начертил призывающий знак, а

двумя пальцами правой коснулся век и прошептал молитву:
– Костяшки брошены. Спаситель, воззришь же на меня из тьмы ночной. Скиталец! Обрати на всех нас взор!

Потом Удинаас опустил правую руку, взглянув на изображенный им знак:

– Сгинь, Ворона!

Ответом были вздохи ветра и шелест волн. А затем издали донеслось карканье.

Весь дрожа, он вскочил на ноги и, схватив корзинку, помчался к воротам.

Королевский зал представлял собой просторное круглое помещение. Потолочные балки из черного дерева придавали ему вид шатра, верхняя часть которого терялась в дыму. По краям зала стояли нечистокровные воины из знатных семей, образуя внешний круг тех, кому дозволялось присутствовать на совете. Далее шли ряды скамеек со спинками, на которых устроились замужние женщины и вдовы. Незамужние и невесты, скрестив ноги, восседали на шкурах. В шаге от них начиналась яма глубиной не более двух локтей. Там на утрамбованном земляном полу сидели воины. В самом центре зала располагался помост шириною в пятнадцать шагов, на котором в окружении пятерых принцев-заложников стоял Ханнан Мосаг, король-колдун.

Пока Трулль и Фэр спускались в яму, чтобы занять свои места среди чистокровных воинов, Трулль украдкой взгля-

нул на правителя. Внешне – ничего примечательного. Среднего роста, обычного телосложения. Самое заурядное лицо, только разве что чуть бледнее, чем у большинства тисте эдур. Вдобавок король был косоглазым, отчего его физиономия всегда казалась удивленной. Ханнан Мосаг не отличался телесной силой. Настоящая его сила таилась в голосе, низком и глубоком. Для того чтобы заставить себя слушать, этому человеку вовсе не требовалось повышать голос или тем более кричать.

Король стоял молча. Казалось, Ханнан Мосаг обрел власть по чистой случайности, а теперь и сам удивляется: как же это он вдруг попал на помост в самой середине громадного зала? Одеждой Мосаг совершенно не отличался от остальных воинов. На его поясе не висели трофеи. Да и к чему они, когда вокруг сидят живые трофеи – пятеро старших сыновей пяти покоренных им вождей?

Но стоило приглядеться к королю-колдуну попристальнее, как всякие сомнения тут же исчезали. Глаза замечали странную тень, отбрасываемую Ханнаном Мосагом. Тень эта принадлежала не столько ему, сколько духу-телохранителю. Внешне тот напоминал рослого воина в доспехах и шлеме, в руках которого застыли два смертоносных меча. Защитник сей всегда бодрствовал. Скользнув по нему взглядом, Трулль поспешно отвел глаза.

Телохранитель короля был порождением собственной тени Ханнана Мосага. Такое удавалось лишь немногим чаро-

деям и требовало изрядного умения обращаться с магической силой Куральда Эмурланна. Молчаливый, недремлющий страж был весь пропитан ею.

Трулль перевел взгляд на королевских к'риснанов. Они не просто представляли здесь своих отцов. Принцы также являлись учениками Ханнана Мосага, которых он обучал премудростям чародейства. Король-колдун взамен прежних имен дал заложникам новые, тайные, связанные с ним особыми магическими заклинаниями. Наступит день, и к'риснаны вернутся в родные племена, чтобы стать там вождями. Но и тогда их верность королю останется безраздельной.

Трулль сидел напротив заложника, происходившего из мерудов. Самое многочисленное из шести племен тисте эдур, оно держалось до последнего. Их насчитывалось сто тысяч, причем сорок тысяч из них были чистокровными воинами или же теми, кому в самом скором времени предстояло сделаться таковыми. Меруды всегда утверждали, что они должны стоять во главе всех тисте эдур. У них больше воинов, больше кораблей, а у их вождя столько трофеев, сколько еще никогда и ни у кого не было. Следовательно, власть должна принадлежать мерудам.

Возможно, так и случилось бы, если бы не исключительное умение Ханнана Мосага черпать магическую силу из доступных ему осколков Куральда Эмурланна. Ханрад Халаг – вождь мерудов – был искусным воином, но по чародейским способностям значительно уступал королю-колдуну.

Только Мосаг и Халаг знали все подробности окончательной капитуляции мерудов. Воины непокорного племени стойко держались против сил хиротов и подчиненных ими племен: арапаев, соллантов, ден-ратов и бенедов. Ритуальные законы ведения межклановых войн трещали по швам. На смену им приходила невиданная прежде жестокость, порожденная отчаянием. Казалось, еще немного – и древние каноны будут окончательно опрокинуты.

В одну из ночей Ханнану Мосагу удалось незамеченным проникнуть в родную деревню вождя мерудов и явиться к нему в дом. С первыми лучами пробудившейся Менандоры Ханрад Халаг и его племя сдались.

Трулль не знал, как относиться к упорным слухам о том, что с тех пор Халаг не отбрасывает тени, ибо сам никогда не видел вождя мерудов. Сейчас он смотрел на старшего сына Халага. Голова к'риснана была обрита наголо – знак того, что он порвал со своим родом. Лицо испещряли широкие и глубокие шрамы. Глаза заложника, внешне спокойные, тем не менее внимательно смотрели по сторонам, словно бы он опасался, что сюда могут подослать убийц.

Масляные лампы под потолком принялись мигать. Разговоры стихли, а глаза собравшихся устремились на Ханнана Мосага.

Королю-колдуну не понадобилось повышать голос; каждое его слово и так было отчетливо слышно в самых дальних уголках круглого зала.

– Минувшим днем Рулад, нечистокровный воин и сын Томада Сенгара, передал мне слова своего брата Трулля Сенгара. Тот побывал на берегу Калешского залива, где собирал зеленый нефрит. Неожиданно для себя Трулль стал очевидцем тревожного события, заставившего его в течение трех дней и двух ночей подряд безостановочно бежать сюда.

Ханнан Мосаг перевел взгляд на Трулля:

– Трулль Сенгар, поднимись ко мне, встань рядом и поведай о том, чему ты был свидетелем.

Сидевшие воины подвинулись в сторону, освобождая проход. Трулль запрыгнул на помост, отчаянно борясь с усталостью: ноги так и норовили подогнуться. Выпрямившись, молодой человек прошел между двумя сидящими к'риснамами и встал справа от короля-колдуна. Прежде чем начать говорить, он оглядел собравшихся. Лица воинов были мрачными от гнева и желания отомстить. Чувствовалось, многие готовы хоть сейчас выступить в поход.

– Я обращаю свои слова ко всем, кто собрался на совет. В этом году тюлени раньше обычного пришли на свое брачное лежбище. Там, где заканчивается мелководье, я видел скопище акул, предвкушавших добычу. Но не эти хищницы насторожили меня. На якорях стояло девятнадцать летерийских кораблей.

– Девятнадцать! – эхом пронеслось по залу.

Слова говорящего на совете полагалось слушать в полном молчании, но Трулль вполне понимал настроение собрав-

шихся. Немного помолчав, он продолжил:

– Низкая посадка кораблей подсказала мне, что их трюмы битком набиты тюленьими тушами. Вода вокруг была красной от крови и внутренностей животных. Возле судов я увидел множество лодок. Оттуда на палубы беспрестанно поднимали десятки, нет, даже сотни новых туш. Еще двадцать лодок стояло на мелководье, пока семьдесят летерийцев на берегу безжалостно били зверей.

– Они заметили тебя? – поинтересовался кто-то из воинов.

Похоже, сегодня Ханнан Мосаг терпимо относился к нарушению правил, ибо даже не одернул спросившего.

– Заметили и на время прекратили бойню. Летерийцы что-то кричали мне, но ветер относил слова в море. Зато я видел их лица. Эти нечестивцы смеялись.

Воины начали в гневе вскакивать со своих мест. Тогда Ханнан Мосаг слегка махнул рукой, и зал успокоился.

– Трулль Сенгар еще не закончил свой рассказ, – напомнил король-колдун.

– Сегодня утром я вернулся в нашу деревню и теперь стою перед вами. Воины, вы знаете, что мое излюбленное оружие – копье. Можете ли вы припомнить, чтобы когда-нибудь видели меня без моего верного друга с железным наконечником? Но домой я явился безоружным. Мое копье осталось в груди летерийца, засмеявшегося первым.

Ответом на эти слова был одобрителный гул голосов.

Ханнан Мосаг дотронулся до плеча Трулля, и тот отступил назад. Король-колдун оглядел собравшихся. Вновь установилась тишина.

– Трулль Сенгар поступил так, как поступил бы любой воин тисте эдур. Его поступок воодушевил меня и наполнил гордостью. Сейчас Трулль Сенгар стоит перед вами. Представляю, как неловко опытному воину оказаться без оружия.

И с этими словами он опустил руку на плечо рассказчика. Рука не была тяжелой, однако Трулль весь одеревенел.

– Получив это известие, я, как и надлежит королю, погрузился в тщательные раздумья, – продолжил Ханнан Мосаг. – Я понял, что должен отодвинуть свою гордость в сторону и смотреть шире и дальше. Необходимо уяснить смысл случившегося. Копье, поразившее насмешника. Убитый летериец. Безоружный тисте эдур. Глядя на лица своих достойных воинов, я вижу тысячу выпущенных копий, тысячу мертвых летерийцев и тысячу безоружных тисте эдур.

Никто не осмелился возразить ему, произнести вслух ответ, который напрашивался сам собой: «Копий у нас хватит на всех».

– Я вижу в ваших глазах жажду отмщения. Летерийских грабителей надобно уничтожить. Убить, невзирая на близящуюся Великую встречу, ибо те, кто послал эти корабли, предвидели нашу реакцию. Это обычные игры летерийцев, в которые те испокон веку играют с нами. Должны ли мы поступить так, как они от нас ожидают? Разумеется, долж-

ны. Ответ на их преступление может быть только один. Наши действия окажутся вполне предсказуемыми и послужат неведомым для нас замыслам, которые непременно откроются на Великой встрече.

Теперь хмурые лица присутствующих сделались озадаченными. До сих пор все было ясно и понятно. Воинам казалось, что дальше разговор пойдет о подробностях грядущего сражения с летерийцами. Но вместо этого Ханнан Мосаг повел их по незнакомому пути.

– Грабители обязательно погибнут, – продолжил король-колдун, – но не вы прольете их кровь. Мы дадим надлежащий ответ, но ответим при этом так, как наши враги и представить себе не могут. Времена битв с летерийцами еще наступят. Позже. Воины, я обещаю вам кровь врагов, однако на сей раз дерзкие захватчики будут лишены чести умереть от ваших рук. Их судьбой займется Куральд Эмурланн.

Труль Сенгар невольно вздрогнул.

Зал затих.

– Мои к’риснаны совершат полное раскрытие магического Пути, – громогласно объявил Ханнан Мосаг. – Никакое оружие, никакие доспехи не спасут летерийцев. Их чародеи будут ослеплены и сломлены. Ни о каком ответном ударе с их стороны не может быть и речи. Захватчиков ожидает ужасная, мучительная смерть. Они будут трястись от страха и громко плакать, точно испуганные дети. И все это запечатлется на лицах врагов и послужит к устрашению тех, кто

найдет их трупы.

У Трулля бешено заколотилось сердце. Во рту у него пересохло. Ничего себе заявление! На какие колдовские силы натолкнулся Ханнан Мосаг? В последний раз полное раскрытие Куральда Эмурланна совершал сам Скабандарий Кровоглазый, легендарный Отец-Тень. Но тогда Куральд Эмурланн еще оставался целым и невредимым. Между прочим, целостность магического Пути не восстановлена до сих пор. Труль подозревал, что это вряд ли вообще можно сделать. Тем не менее одни осколки были крупнее и обладали большей чародейской силой, нежели другие. Так неужели король-колдун нашел новый фрагмент?

Перед Ведьминым Перышком лежала целая россыпь гадательных черепков – блеклых, щербатых, исцарапанных керамических плиток. Когда Удинаас вбежал в пыльный сарай, чтобы сообщить о страшном знамении и отговорить молодую рабыню от гадания, было уже поздно. Слишком поздно. Ведьмино Перышко начала читать то, что говорили ей черепки, принадлежащие к разным Обителям.

Посмотреть на гадание пришло около сотни рабов. Меньше, чем обычно. Остальные не явились по вполне понятной причине: их хозяева готовились к походу на летерийских захватчиков и рабы только успевали поворачиваться. Заслышав шаги, собравшиеся дружно повернули голову к вошедшему. Но сам Удинаас смотрел только на Ведьмино Перыш-

ко.

Ее душа уже путешествовала по Тропе Обитателей. Голова девушки была опущена вниз, и подбородок упирался в острые ключицы. Густые золотистые волосы закрывали лицо. Худенькое, почти детское тело постоянно вздрагивало. Ведьмино Перышко появилась на свет в этой деревне восемнадцать лет тому назад. Летерийские рабыни редко рожали зимой, и еще реже дети их выживали. Но Ведьмино Перышко выжила, а ее магические способности обнаружились, когда малышке не было и четырех лет. Уже тогда ее сны наполнили видения и голоса предков. Последняя летерийская рабыня, умевшая гадать, умерла за несколько лет до ее рождения. Кто-то догадался разрыть ее могилу, достать оттуда гадательные черепки и отдать их ребенку. Однако научить девочку искусству гадания было некому. К немалому удивлению рабов, Ведьминому Перышку и не требовались смертные наставники. Ее учили духи предков.

Будучи служанкой Майены, девушка эта после замужества хозяйки должна была неизбежно переселиться в дом Сенгаров. Это очень радовало Удинааса, поскольку он давно уже любил Ведьмино Перышко.

Правда, увы, любовь его не находила взаимности. Девушку выдадут замуж за летерийского раба более знатного происхождения, чьи предки на родине обладают властью и занимают видное положение. Как ни странно, но подобные различия сохранялись и здесь, в деревне тисте эдур. В глазах ле-

терийцев Удинаас по-прежнему оставался несостоятельным должником и не мог даже мечтать о женитьбе на Ведьмином Перышке.

Хулад, друг Удинааса, слегка коснулся его руки. Удинаас понял его жест и опустился рядом с другими зрителями.

– Что тебя тревожит, приятель? – шепотом спросил Хулад.

– Она уже разложила черепки...

– Да, и теперь мы ждем, когда она закончит странствовать.

– Я видел белую ворону. – (Хулад аж отпрянул в сторону, услышав подобное.) – Там, на берегу. Я воззвал к Скитальцу, но все было напрасно. Ворона лишь посмеялась над моими молитвами.

Его слова услышали, и в толпе зрителей начались перешептывания.

Неожиданно Ведьмино Перышко застонала. Собравшиеся разом смолкли. Теперь все смотрели только на прорицательницу, медленно поднимавшую голову.

Глаза девушки оставались пустыми, цвета льда в горном ручье. Зрачки и радужная оболочка исчезли, словно их никогда и не было. Из глаз Ведьминого Перышка проглядывала Бездна.

Ужас сковал обычно миловидные черты лица молоденькой летерийки. Ужас, какой всегда испытывает смертная душа, оказываясь на пороге небытия. Это место непередаваемого одиночества, ответом на которое может быть лишь

такое же невероятное отчаяние. Но именно здесь родилась мысль о силе, впервые мелькнув над Бездной, еще не имевшей Творцов. Только разум способен проникнуть в глубины прошлого, и только порожденные им мысли способны обитать там. Сейчас гадалка находилась в эпохе, предшествующей созданию миров. Отсюда начиналось ее движение вперед, ко времени появления Обитателей.

Как и любой летериец, Удинаас знал названия символов, изображенных на черепках, равно как и последовательность их возникновения. Вначале появились три черепка из числа Опорных, которых называли Создателями мира. Сперва Огонь – молчаливый поток света, дарованного звездами. Затем Дольмен – унылый, не имеющий корней и потому вечно странствующий сквозь пустоту. Вслед за этими двумя силами возник Скиталец, несущий свои собственные, никому неведомые законы. Он втянул Огонь и Дольмен в яростные войны. Начались бесконечные разрушения, грозящие уничтожить обе силы. Но иногда, очень редко, они уставали сражаться, и наступала полоса мира. Тогда Огонь согревал, не обжигая, а Дольмен прекращал свои странствия и обретал корни.

Затем Скиталец начал создавать сами Обитатели: Обитель Льда, Обитель Драконов, Обитель Азатов, Обитель Зверей. Вместе с ними появились и остальные Опорные черепки: Секира, Костяшки, Клинок, Стая, Искатель Обличий и Белая Ворона.

Постепенно созданный мир обретал все новые и новые очертания, мерцающий свет светил все ярче. Наконец возникла самая последняя Обитель. Правильнее сказать, она была создана прежде других, но до сих пор оставалась невидимой. Пустая Обитель – средоточие верований летерийцев. Она находилась в самой середине мира. Ее Пустой Трон никогда не знал правителя. По ее просторам вечно бродил Странствующий Рыцарь, которого напрасно ждала Возлюбленная, предаваясь мечтам в своей одинокой постели. Здесь жили Свидетель, все видящий и запоминающий, и Ходок, которому никогда не обойти границ Обители. А вместе с ними также Спаситель, напрасно протягивающий руку помощи, и Предатель, чьи ласковые объятия разрушали все, к чему он прикасался.

– Пойдемте же со мной к Обителям, – тихо произнесла Ведьмино Перышко.

Зрители дружно вздохнули, не в силах противиться ее зову.

– Мы стоим на Дольмене. Кругом – каменные обломки: от глыб до каменной пыли. На поверхности Дольмена копошится жизнь, но такая маленькая, что мне ее не разглядеть. Эта жизнь без конца враждует и воюет. Клинок... Костяшки... А теперь мы – в Обители Зверей. Я вижу Костяной Насест, липкий от крови и покрытый призрачными воспоминаниями о тех, кто пытался его захватить. Вижу Старика: он по-прежнему безликий и слепой. Рядом Старуха, уверяющая,

что все пронсящиеся мимо стада принадлежат только ей... А вот и Ясновидец, чьи пророчества падают в равнодушные уши. Теперь я узрела Шамана. Он ищет истину среди мертвых. Вот Охотник, что привык жить настоящим мгновением, не задумываясь о последствиях многочисленных убийств, которые совершает. Вот Следопыт: он занят поиском знаков неведомого, но все его пути ведут к несчастьям. Обитель Зверей занимает обширную долину, хотя в действительности она лишь царапинка на жесткой шкуре Дольмена...

Ведьмино Перышко умолкла. Зрители боялись дышать, ожидая, когда она заговорит снова.

– Костяной Насест пуст. Вокруг – сплошное истребление, и непонятно, кто, с кем и за что воюет. Из яростного вихря поднимаются новые враги, могущественные враги, и бойня продолжается... Эти силы требуют ответа. Возвращается Скиталец, он бросает семя в напоенную кровью землю. Из семени прорастает Обитель Азатов... Вечное пристанище для тиранов. Надо же, как просто их туда заманить. Так восстанавливается равновесие. Но какое же оно хрупкое! Война стало значительно меньше, и все равно они не утихают. Постепенно становятся видны их жестокие причины...

Голос Ведьмино Перышка был подобен магическому потоку. Он завораживал, обволакивал, раскрывал в умах слушателей неведомые пути. Она оправилась от ужаса Начала Времен, и теперь ее слова звучали куда спокойнее.

– Но нить времени сама по себе является тюрьмой. Мы

двигаемся вперед, сами не замечая, как обрастаем кандалами. И тогда вновь приходит Скиталец и появляется Обитель Льда со своими служителями, воюющими против времени. Ходок, Охотница, Кроитель, Носитель, Дитя и Семя. А на Троне Льда восседает Смерть, закутанная в свои ледяные одежды. Она умеет разбивать кандалы земной жизни. Это дар, но холодный и жестокий...

И снова надо вернуть нарушенное равновесие, для чего появляется Обитель Драконов. Хаос обретает плоть, драконью плоть. Обителью этой правит Королева, вынужденная принимать смерть от каждого рожденного ею потомка. Рядом – ее Консорт, любящий только себя самого. Их Вассал – служитель и страж, обреченный на вечные поражения. А вот и Рыцарь. Берегитесь же его меча, выкованного из хаоса!.. Что есть там еще? Врата – дыхание драконов. Вивал – ящер, порождение драконов. А также Госпожа и два ее брата – Кровопийца и Творец Пути. Все они – павшие драконы...

Теперь осталась лишь одна Обитель, самая последняя...

– Пустая Обитель, – вместе со всеми прошептал Удинаас.

Ведьмино Перышко вскинула голову и наморщила лоб.

– Над Пустым Троном кто-то кружит. Мне никак не разглядеть, но я чувствую эти кружения... Что это? Словно отрубленная рука. Она медленно падает вниз, пританцовывая в воздухе... Нет, это...

Девушка замолкла на полуслове и вся как-то странно сжалась. На ее плечах вдруг обозначились раны, и оттуда хлыну-

ла кровь. Дальше случилось то, чего никто не ожидал: Ведьмино Перышко оторвалась от пола и стала подниматься в воздух.

Зрители с криками вскакивали на ноги, пытаясь схватить гадательницу. Но было уже поздно: невидимые когти сжимали ее все крепче, а невидимые крылья молотили пыльный воздух сарая. Крылатое чудовище неспешно взлетало к самому потолку, не обращая внимания на крики жертвы.

Под потолком сарая имелся шаткий настил, куда вела приставная лестница. Расталкивая испуганных зрителей, Удинаас бросился к ней и полез наверх. Неструганое дерево занозами впивалось в его пальцы и ладони. Он не видел и не слышал ничего, кроме отчаянных криков Ведьминого Перышка, которая билась в невидимых когтях.

Только сейчас до Удинааса дошло: гадательницу удерживают отнюдь не вороны лапы!

Выбравшись на помост, он побежал по скрипучим доскам. Оказавшись напротив плененной девушки, взмахнул руками и прыгнул в воздух, пролетев над головой ошеломленных рабов. Удинаас метил туда, где клубилась пыль, и со всей силой ударился о чье-то тело, крепкое и чешуйчатое. Оно было противно-липким, словно бы покрытым слизью, но очень мускулистым. Удинаас обхватил крылатого врага, бившего его своими перепончатыми крыльями. Послышалось громкое шипение, затем в левое плечо летерийца вонзились десятки острых иголок. Они впивались все глубже, словно бы

норовили откусить ему руку.

Так вот кто это пожаловал! Вивал, отродье драконов!

Держась правой рукой за осклизлое тело, Удинаас принялся нашаривать левой рыбацкий крюк, висевший у него на поясе. А ящер все рвал и рвал ему плечо, откуда хлестала кровь.

Наконец Удинаас нащупал потрескавшуюся деревянную рукоятку и вытащил свое оружие. Внутренняя кромка крюка была остро заточена и предназначалась для обрезания узлов на сетях. Летериец стиснул зубы и, пока рука еще действовала, ударил крюком по задней лапе ящера. Крюк с глухим стуком пропорол кожу и вонзился в сухожилия. Вивал издал резкий, какой-то скрипучий крик и... выпустил Ведьмино Перышко. Девушка упала, и десятки рук тотчас же подхватили ее.

Теперь ящер рвал грудь Удинаасу. Преодолевая боль, тот нанес новый удар по лапе противника. Вивал дернулся, ненадолго разжал челюсти, но сейчас же сомкнул их опять на шее дерзкого раба.

Пальцы Удинааса выпустили крюк. Из носа и рта хлынули струи крови. Зрение помутилось. Он слышал, как вивал завопил снова, на этот раз от ужаса и боли. Удинааса обдало жарким дыханием. Челюсти монстра разжались.

Несколько мгновений Удинаас чувствовал, что падает. А потом все ощущения и звуки исчезли.

Полуночное собрание закончилось. Тисте эдур покидали зал.

– погоди, – едва слышно произнес Ханнан Мосаг, касаясь плеча Трулля. – И твои братья пусть тоже останутся.

Трулль смотрел на расходящихся воинов. Лица всех были угрюмы и сумрачны. Многие, не скрывая своей досады и смятения, оглядывались на короля-колдуна и его к'риснанов. Подошел Фэр, за ним – Рулад. Лицо старшего брата хранило бесстрастное выражение. Младшему же не стоялось на месте. Он то и дело вертел головой, а пальцы его теребили рукоятку меча.

Вскоре последний воин покинул зал.

– Посмотри на меня, – обратился к Труллю Ханнан Мосаг. – Хочу, чтобы ты понял. Я не осуждаю твой поступок, ибо на твоём месте и сам бы тоже метнул копье в того летерийского шутника. Знаю: никакому воину не понравится, когда ему напоминают, что он вернулся безоружным. Прими мои извинения, Трулль Сенгар.

– Не стоит извиняться, государь, – ответил Трулль. – Наоборот, я доволен, что вы воспользовались моим поступком как точкой опоры и сумели переменить общее настроение совета.

Король-колдун вскинул голову.

– Как точкой опоры, – повторил он и натянуто улыбнулся. – Хорошо, тогда мы больше не будем говорить об этом, Трулль Сенгар.

Ханнан Мосад перевел взгляд на Рулада и уже более сурово сказал:

– Рулад Сенгар, нечистокровный воин, ты находишься здесь потому, что твой отец – Томад Сенгар, а мне необходима помощь всех его сыновей. От тебя требуется слушать и не раскрывать рта.

Внезапно побледневший Рулад кивнул.

Ханнан Мосаг прошел мимо застывших к'риснанов и повел сыновей Томада к спуску с помоста.

– Насколько я понимаю, Бинадас опять отправился странствовать. Он как лодка, не знающая якоря. Но таков его выбор. Когда брат вернется, вы передадите ему все, что я сегодня вам скажу.

Они пришли в жилые покои правителя. У короля-колдуна не было ни жены, ни рабынь. Ханнан Мосаг жил просто, довольствуясь обществом своего молчаливого телохранителя. Братьев поразили скромность обстановки и суровый порядок, который царил в комнатах.

– Три луны назад, – начал Мосаг, поворачиваясь к ним, – моя душа странствовала во сне. Я оказался на равнине, густо покрытой снегом и льдом. Место это находилось к северо-востоку от земель арапаев, за Голодным озером. В той снежной пустыне никто не живет, только ветры проносятся над нею. Однако там вдруг появилось нечто странное... не знаю, как это лучше назвать... Ледяная игла? Нет, скорее ледяное копьё. Оно возвышалось над снегами, ослепительно

сверкая на солнце. Но что-то темное таилось в его сердце.

По рассеянному взгляду правителя Трулль понял, что мысленно Ханнан Мосаг снова перенесся в те далекие холодные края.

– Это копьё – великий дар. Дар для тисте эдур. Для их короля-колдуна.

Он снова замолчал. Молчали и братья Сенгар.

Неожиданно Ханнан Мосаг протянул руку и сжал пальцами плечо Фэра, глядя ему прямо в глаза:

– Четверым сыновьям Томада Сенгара предстоит отправиться в то далекое место и забрать сей дар. С собой возьмите еще двоих. Видение показало мне следы от шести пар ног.

– Братья Бун: Терадас и Мидик, – не тратя лишних слов, предложил Фэр.

– Одобряю твой выбор, Фэр Сенгар, – кивнул король. – Тебя я назначаю главным. Ты будешь выразителем моей воли, и никто не вправе тебя послушаться. Но запомни: ни ты сам, ни кто-либо другой ни в коем случае не должны прикасаться к дару. Вы извлечете его из ледяного панциря, завернете, если получится, в шкуру и принесете сюда.

Фэр кивнул:

– Мы сделаем все в точности, государь.

– Рад слышать.

Ханнан Мосаг оглядел братьев.

– Многие уверены... может, и вы тоже так думаете... что объединение тисте эдур было моей главной целью. Знайте

же, сыновья Томада: это всего лишь начало.

Тут в королевских покоях появился кто-то еще. Ханнан Мосаг и братья Сенгар повернулись и увидели, что на пороге стоит к'риснан.

Король-колдун кивнул.

– Досталось сегодня рабам, – пробормотал он. – Пойдемте же туда все вместе.

Возле его души толпились призраки Тени. Душа – это все, что у него осталось. Благодаря ей Удинаас видел без глаз, слышал без ушей и ощущал без тела. А хищные духи все кружили и кружили, будто голодные псы, почуявшие обес-силенную добычу.

Они и впрямь были голодны, эти призраки Тени. Однако что-то сдерживало их, не позволяя наброситься на душу Удинааса. Они шумели, делали угрожающие выпады, но не переступали незримую черту.

Потом к нему кто-то приблизился, и призраки с большой неохотой стали разбредаться. Удинааса обдало теплой волной, сулившей защиту.

Ведмино Перышко! На ней не было ни царапинки. Ее лицо сияло, а серые глаза внимательно разглядывали Удинааса.

– Сын долгов, – со вздохом произнесла она, – мне рассказали, что ты спас меня от вивала едва ли не ценой своей жизни. Может, ты думал, что после этого все переменится? Даже не надейся. – Девушка снова вздохнула. – Твоя любовь,

Удинаас, жжет мне глаза. Ну что я могу поделатъ, если это правда?

– Не надо ничего делать, Ведьмино Перышко, – ответил он, дивясь обретенному дару речи. – Я понимаю, что мне бесполезно даже мечтать о тебе. Но я не могу перестать тебя любить.

– Знаю, – печально прошептала юная чародейка.

– Что случилось? Я умираю?

– Ты умирал. Но Урута, жена Томада Сенгара, откликнулась на наше... несчастье. Она открыла Куральд Эмурланн и прогнала вивала. А теперь хозяйка исцеляет нас обоих. Сейчас мы с тобой лежим рядом, и земля под нами обильно полита кровью. Сознание оставило нас. Госпожа очень удивляется, почему мы так не хотим возвращаться в мир живых.

– Разве мы не хотим этого?

– Урута изо всех сил старается исцелить наши раны, а я противлюсь ей... за нас обоих.

– Но почему?

– Мне тревожно. Урута ничего не чувствует. Вернее, она думает, что ее магическая сила чиста. А на самом деле это... не так.

– Я не понимаю. Ты же говорила про Куральд Эмурланн.

– Да. Но магический Путь потерял свою чистоту. Не знаю, в чем причина, но что-то изменилось. Для всех тисте эдур.

– И что же нам теперь делать?

Девушка в очередной раз вздохнула:

– Придется уступить ее воле и вернуться. Поблагодарить Уруту за вмешательство, за исцеление наших искалеченных тел. Она забросает нас вопросами, но мы мало что сможем ей рассказать. Скажем, что и сами толком ничего не поняли. Столкнулись с неведомым демоном. А про то, о чем мы здесь говорили, ни слова. Ты меня понял, Удинаас?

– Понял.

Ведьмино Перышко обхватила его руку своей. По телу Удинааса разлилась теплая волна. Он возвращался к жизни. В ответ на ее прикосновение у него забилось сердце. Потом он услышал биение другого сердца. Пока оно находилось еще далеко, но с каждым мгновением становилось все ближе. И это было отнюдь не сердце Ведьминого Перышка. Удинааса охватил ужас.

Урута поднялась с колен. Складка у нее на лбу постепенно разглаживалась.

– Они возвращаются к жизни.

Трулль смотрел на неподвижно лежащих рабов. Один из них – Удинаас, принадлежал семье Сенгар. Девушка была из служанок Майены – Ведьмино Перышко, известная своими способностями к гаданию на черепках. Одежда обоих была забрызгана кровью, но сами раны уже затянулись. Трулль заметил на груди Удинааса и другую кровь – золотистого цвета. Она до сих пор не застыла и блестела в свете масляных ламп.

– Давно уже пора запретить эти гадания, – проворчал Ханнан Мосаг. – Никто не знает, какие опасности для нас таит магия летерийцев.

– Но, государь, в их гаданиях есть определенная ценность, – возразила королю Урута.

Труль заметил, что мать по-прежнему встревожена.

– И какую же ценность ты усмотрела в них, жена Томада?

– Лучше не отмахиваться от предупреждений, государь.

А летерийские гадания способны предупреждать.

Ханнан Мосаг поморщился:

– На одежде раба я вижу кровь вивала. Как ты думаешь, она попала в его тело?

– Может, и попала, государь. Многое из того, что происходит с душами летерийцев, неподвластно моим магическим способностям.

– Не только твоим, Урута, – сказал король-колдун, назвав женщину по имени и тем самым воздавая должное ее искусству.

Он перевел взгляд на Удинааса и приказал:

– За этим следить постоянно. Если в него попала кровь вивала, рано или поздно она заявит о себе. Кстати, чей он?

– Удинаас – один из моих рабов, – ответил Томад.

Ханнан Мосаг нахмурился. Труль понял, что король-колдун сразу же подумал о том видении, про которое им недавно рассказывал, и, возможно, пожалел о своем решении. Вряд ли это случайное совпадение.

– А эта рабыня... Ведьмино Перышко... она из служанок Майены? – уже более резко осведомился Ханнан Мосаг. – Скажи, Урута: ты чувствовала ее силу, когда исцеляла девушке раны?

Мать Трулля покачала головой:

– Ничего особенного я не ощутила. Разве что...

– Ты что-то заподозрила? – насторожился король.

– Разве что, даже раненная, Ведьмино Перышко умело скрывает свои способности. В таком случае ее сила превосходит мою собственную.

«Немыслимо, – сердито подумала Урута, – чтобы эта девчонка... рабыня и к тому же девственница... была могущественнее меня».

Ханнана Мосага одолевали схожие сомнения.

– На нее напал вивал. Удивительно, как девчонка еще вообще осталась жива. Надеюсь, хоть теперь поймет, что эти ее черепки – вовсе не безобидная забава... Смотрите, она приходит в сознание.

Ведьмино Перышко растерянно оглядывалась, плохо понимая, что происходит вокруг. Однако глаза ее были полны неподдельного ужаса.

– Сейчас от нее мало толку, – вздохнул Ханнан Мосаг. – Оставьте обоих на попечение Уруты и других женщин.

Король-колдун повернулся к Томаду Сенгару:

– Как только Бинадас вернется...

Томад кивнул.

Труль посмотрел на старшего брата. За спиной Фэра, опустившись на колени и упираясь лбом в пол, застыли рабы. В таком положении они оставались со времени прихода Уруты. Казалось, Фэр видит то, что недоступно взорам остальных.

Когда Бинадас вернется, сыновья Томада отправятся в ледяную пустыню.

С губ Удинааса сорвался стон.

Король-колдун даже не взглянул на него. Повернувшись, он направился к выходу. За ним последовали к'риснаны и дух-телохранитель. На пороге этот грозный страж почему-то задержался и оглянулся. Никто не знал, куда обращен взгляд его невидимых глаз.

Удинаас снова застонал. Труль увидел, что раб дрожит всем телом. Сам не зная зачем, Труль обернулся к выходу. Королевского телохранителя там уже не было.

Глава вторая

*Хозяйка этих следов —
Возлюбленная, за которой
Он шел,
И путь его странствий
Меж нас пролегает повсюду.
Сладостный вкус утраты
Питает ручьи в горах
И лед уносит к морям,
Теплый, как кровь;
Силы наши он истончает.
А место, куда он ее ведет,
Давно уж утратило кости.
Тропа у него под ногами —
Лишенная жизни плоть,
А море все позабыло...*

Рыбак Кельтат. Появление древних Обитателей

Она оглянулась назад. В туманной дали поблескивал самый краешек Длиннокосой бухты, где в черных бездонных водах отражались серые небеса. Серена Педак стояла перед каменной тропой, а со всех остальных сторон от нее высились зубчатые горы. Солнце золотило снег на их вершинах. Сюда, в узкую каменную щель перевала, лучи его не попадали.

Ветер пах талым льдом. Серена поплотнее закуталась в меховой плащ и повернула голову в сторону карабкающихся

вверх повозок.

Все три фургона отчаянно скрипели и раскачивались. Возле каждого из них суетились обнаженные по пояс слуги из племени нереков. В отличие от Серены, им было жарко, голые спины блестели от пота. Большая часть нереков, впрягшись в толстые канаты, волокла фургоны вверх, тогда как остальные шли сзади, переставляя тормозные колодки, чтобы в случае чего не дать повозке поползти вниз или, хуже того, опрокинуться.

В этих фургонах помимо прочих товаров ехало девяносто слитков металла – по тридцать в каждом. Разумеется, то не была знаменитая летерийская сталь, торговать которой за пределами королевства строжайше запрещалось. Но металл вполне качественный, должным образом закаленный и чистый, без примесей. Каждый слиток был такой же длины, как рука Серены, и вдвое толще.

На перевале всегда дышалось труднее, чем на равнинах. А тут еще этот обжигающий холод. Однако нерекы, похоже, не ощущали ни холода, ни нехватки воздуха. От их потных спин валил пар. Идущим позади повозок было легче, зато каждый из них знал: если чурбан, выполняющий роль стопора, вдруг не выдержит и фургон начнет сползать вниз, ближайший нерек обязан броситься под колесо и остановить его своим телом.

И за все это Бурук Бледный платил им по два докария в день.

Серена Педак служила у Бурука аквитором – так называли тех, кто сопровождал летерийских посланников и торговые караваны в земли тисте эдур. Всего аквиторов было семь, что определялось последним соглашением между обоими народами. Без сопровождающего ни один купец не смел пересечь границу между Летерией и землями тисте эдур. Чтобы обзавестись аквитором, надо было изрядно раскошелиться. Бурук заполучил Серену, поскольку заплатил за нее больше, чем другие негоцианты. Нет, это вовсе не означает, что женщина стала собственностью торговца. Ее услуги ограничивались лишь сопровождением караванов, о чем хозяин в последнее время, похоже, стал все чаще забывать.

Она вот уже шесть лет работала на Бурука. И по условиям договора оставалось еще четыре года.

«Немало. Если только...»

Подъем заканчивался там, где тянулась кромка деревьев. Серена прикинула расстояние: еще шагов сто. По обеим сторонам петляющей туда-сюда дороги стояли невысокие ели и скособоченные, высотой по колено карликовые дубы. Она знала, что дубам, невзирая на их чахлый вид, несколько сот лет. Среди деревьев торчали замшелые валуны, давным-давно принесенные сюда горными ледниками. В затененных местах еще лежали островки снега, покрытые коркой наста. Ветры дули гораздо выше дороги; их порывы не касались ни еловых лап, ни кривых, лишенных листьев дубовых веток. Здесь ветры могли только бессильно завывать, что они и де-

лали.

Громыхая и скрипя, мимо Серены прокатилась первая повозка. Закрепив колеса, разгоряченные нереки бросились помогать соплеменникам втаскивать остальные две. Женщина прибавила шагу и вскоре добралась до ровной площадки, где и остановился фургон.

Дверца открылась, и оттуда неуклюже выбрался Бурук Бледный. Можно было подумать, что за время поездки он отвык стоять на ногах и теперь расставил их пошире, дабы удержать равновесие. Морщась от студеного ветра, торговец спешно накинул капюшон и устоялся на аквитора:

– Я просто обязан запечатлеть эту картину в самой глубине своего мозга. Разумеется, как и все прежние, досточтимая Серена. Ну надо же, какое величественное зрелище! Коричневый мех плаща, непередаваемая грациозность позы. Лицо хотя и обветренное, но все такое же прекрасное. Серена среди дикой природы. Вот так картина!

Подобные слова Серена слышала не впервые и ответила на них, как отвечала всегда, – равнодушным пожатием плеч.

– Эй, народец! – накинулся на нереков Бурук. – Кто там у вас за старшего? Слушайте мою команду. Привал будет здесь. Пора готовить пищу. Тащите дрова из третьей повозки. Я хочу, чтобы было тепло. Пошевеливайтесь!

Серена Педак скинула с плеч мешок и двинулась вперед. Бурук кричал что-то еще, но ветер относил его слова в противоположную сторону. Пройдя шагов тридцать, женщина

достигла первого из древних священных мест, что находились на этом маршруте. Здесь тропа несколько расширилась, а скалы, наоборот, подходили почти вплотную и вставали отвесными стенами. По обеим сторонам от дороги из плоских камней были сложены... корабли. Длина их, скорее всего, равнялась длине настоящих судов. К носу и корме они сужались, и там высились башенки. На носу каждого из кораблей сохранились какие-то резные изображения. Скорее всего, это были лики Отца-Тени, но дожди и ветры сгладили их черты. Трудно сказать, как изначально выглядели эти святыни. В любом случае они давно уже утратили свое былое значение.

Только стены ущелья, окружавшего корабли, еще хранили часть древней силы: гладкие, черные, полупрозрачные, как дымчатый обсидиан. В глубине валунов что-то двигалось, словно это были окна, показывающие иной мир, загадочный и вечный, а потому совершенно равнодушный ко всему, что происходило вовне. Мир сей жил сам по себе, отгороженный от остальных непроницаемым пространством камня.

Серена уже не раз бывала в этом месте, и всегда обсидиановые стены противились ее желанию разглядеть смутные очертания движущихся фигур. Но женщину непреодолимо тянуло сюда, как будто в ее силах было разгадать древнюю загадку живого обсидиана.

Серена осторожно обошла каменную корму и остановилась возле одной из плит с восточной стороны. Сняв пра-

вую рукавицу, аквитор опустила ладонь на гладкий камень. Его тепло согревало застывшие пальцы, забирая ломоту из суставов. Целительные свойства камня Серена обнаружила случайно, когда впервые, любопытства ради, притронулась к нему. Это был ее секрет, о котором она никому не рассказывала.

Жизнь в здешних суровых краях вытягивала из тела все соки. Кости становились хрупкими, уродливыми и часто ныли. Каждый шаг по камням отзывался в спине болезненным эхом. Племена нереков, жившие тут до перехода под власть летерийской короны, верили, что они являются потомками женщины и змея и что змей до сих пор обитает внутри каждого из них. Просто он затаился в позвоночнике, а голову спрятал в центре мозга. Но горы, считали нерекки, ненавидят змея и стремятся вытащить его наружу, чтобы вновь заставить ползать на брюхе и обвивать камни кольцами своего тела. Горы никак не желали оставить змея в покое, заставляя его извиваться, а вместе с ним сгибалась и спина человека.

Своих мертвецов нерекки хоронили под плоскими камнями. По крайней мере, так было раньше. А потом королевский указ заставил их отринуть обычаи предков и принять новую веру, в Обители.

Нынче нерекки оставляли тела сородичей там, где тех настигла смерть. Даже в брошенных хижинах. Серена до сих пор помнила ужасающую картину, которую увидела в долине, где находились нерекские селения. В любом из них чет-

верть, а то и треть хижин стояли пустыми, превратившись в гробницы. Нереки умирали не только от старости и болезней. Еще сильнее их косили пришедшие из Летерии хмельные напитки, белый нектар и дурханг. Между хижинами бродили голодные и оборванные ребятишки, в большинстве своем – сироты. Их сопровождали стаи расплодившихся горных крыс. Крысы жировали на человеческих трупах, и потому никто не отваживался есть их мясо.

Войдя в состав Летерийского королевства, племена нереков оказались в яме, откуда им было уже не выбраться. Родные места превращались в громадные кладбища, а тех, кто отправлялся в летерийские города, ждали утрата корней, вечные долги и растворение в чужой жизни и чуждых обычаях. Однако нереки не заслуживали сочувствия. Да, законы летерийцев суровы, но они живут правильно, это путь цивилизации. Есть ли тому доказательства? Ну разумеется: Летерийское королевство процветает, тогда как прочие племена слабеют и вырождаются, прозябая в высокомерии и глупости.

Серена Педак забыла о колючем ветре. Тепло камня приятно обволакивало ее. Закрыв глаза, женщина приникла лбом к его гладкой поверхности.

«Кто же они такие, эти неясные силуэты? – думала Серена. – Действительно ли это предки хиротов? Если да, то почему не хотят показаться во всем своем величии и могуществе? И почему беспокойно бродят взад-вперед, как брошен-

ные дети в умирающих нерекских деревнях?»

У нее имелась на сей счет своя собственная теория, пусть и не слишком вдохновляющая, однако Серена все равно упорно за нее цеплялась.

«Эти неясные силуэты – стражи тщетности. Аквиторы нелепости. Они – отражения нас самих, навсегда запертых в ловушке бессмысленных повторений бессмысленных поступков. Вечная неопределенность – единственное, что мы видим, глядя на себя и на свою жизнь. Ощущения, ожидания, воспоминания – вот зловонная почва, куда пускают корни наши мысли. Бледные цветы под пустым небом».

Если бы Серена могла, то просто ушла бы внутрь каменной стены, чтобы вечно бродить среди неясных силуэтов и не видеть ни корявых деревьев, ни мхов с лишайниками, ни случайных путников. Только ветер, воющий ветер, если, конечно, его можно увидеть.

Приближение этого человека Серена почувствовала задолго до того, как он появился в круге красноватых отсветов костра. Звук его шагов разбудил и нереков, расположившихся поближе к огню. Они разом вскочили и повернули голову в ту сторону, откуда доносились звуки.

Серена Педак продолжала глядеть на языки пламени. Ну что за расточительство – тратить столько дров? Однако Буруку Бледному требовалось тепло. Торговец все сильнее пьянел, наливаясь смесью вина и белого нектара и силясь спря-

тать язвительную усмешку. Но как он ни кривил губы и ни морщил лоб, чувствовалось, что его забавляет неминуемая встреча – воссоединение разбитых сердец.

Бурук Бледный вез не только товары. Он ехал с тайными предписаниями и поручениями от других торговцев, влиятельных людей, придворных чиновников и, как подозревала Серена, самой королевской семьи. Скорее всего, они хранились в его голове, а если все это записать, то получился бы внушительный свиток. Выполнение тайных поручений – обычное дело для странствующего торговца такого уровня. Однако нетрудно было догадаться, что подобная миссия медленно, но верно губила этого человека. Бурук всегда любил выпить, но прежде он никогда не добавлял себе в вино разрушительное зелье вроде белого нектара. Новый огонь, которым негоциант теперь распял свою мятущуюся душу, буквально сжигал его изнутри.

Серена вновь вспомнила, что ей осталось служить у Бурука еще целых четыре года.

«Вот только продержится ли он столько времени?»

До нее донесся приглушенный гул голосов. Возбужденные нереди обступили вновь пришедшего человека: для них это было равносильно появлению бога, которому они поклонялись. Серене не требовалось видеть происходящее: она и так живо представляла себе, что творится сейчас рядом, во взбудораженной темноте. Нереди виснут на нем, каждый норовит обнять его или хотя бы схватить за руку. А он... он

добросовестно пытается отреагировать на каждый жест, ответить каждому. Но у него не хватит смелости сказать им, что он недостоин такого поклонения. Как объяснить этим простосердечным нерекам, что на самом деле он средоточие неудач и обманутых ожиданий, в первую очередь своих собственных? Нет, таких слов Халл Беддикт никогда не говорил и не скажет. Здешний мир и так слишком жесток. Халл Беддикт не посмеет ранить и без того израненные души.

– Что там за шум? – нетвердым голосом поинтересовался пьянеющий Бурук. – К нам кто-то идет?

«А то ты не знаешь!» – подумала Серена, но вслух ответила:

– Халл Беддикт.

Торговец облизал губы.

– А-а... Этот... страж-посланник?

– Да. Только советую не называть его этим титулом. Халл Беддикт давно уже возвратил свою Королевскую стрелу.

– И тем самым предал Летерию, – засмеялся Бурук. – Бедняга. Точнее, глупец, помешавшийся на чести. А между прочим, честь требует бесчестия. Забавный парадокс. Ты когда-нибудь видела в море ледяную гору? Она величественно и горделиво покачивается на соленых волнах. А волны потихоньку разъедают ее, упорно грызут, пока не съедят до конца.

Бурук прильнул к бутылке. Серена видела, как с каждым глотком дергается его кадык.

– А у тебя, похоже, бесчестие вызывает жажду? – спросила

аквитор.

Он оторвался от горлышка, сверкнул глазами и криво улыбнулся:

– Ага. Как у тонущего, который жадно глотает воздух.

– Вообще-то, ты глотаешь не воздух, а жидкость.

– Как-то не думал об этом, – пожал плечами торговец.

– Ты делаешь все, чтобы только не думать, – вырвалось у Серены.

– Угу. Знаешь, говорят, что тонущие в последние мгновения жизни видят удивительный танец звезд. Звезды сходят с неба и сопровождают их в морскую пучину.

Похоже, Халл Беддикт уже оказал нерекам достаточно внимания и теперь вступил в освещенный круг. Он был очень высоким мужчиной, ростом почти не уступал тисте эдур. На нем была одежда из меха белого северного волка. Длинные, заплетенные в косу волосы имели такой же цвет. Солнце и пронзительные ветры сделали его лицо смуглым, словно дубленая кожа. Светло-серые глаза Халла Беддикта смотрели на огонь. Вечный странник, которому некогда посидеть у родного очага. Вернее, может, он и не прочь бы там отдохнуть, да вот только у него не было ни дома, ни очага, и Серена хорошо это знала.

– Добро пожаловать, Халл Беддикт, – сказала она. – Располагайся у костра, погрейся.

Он бросил на женщину ничего не выражающий взгляд.

«Ему действительно все равно или же это игра? Трудно

сказать».

Бурук Бледный пьяно засмеялся:

– Никак наш Беддикт разучился говорить? Может, ты голоден, приятель? Или жажда замучила? Хотя что-то непохоже. А может, ты стосковался по женщинам? Я бы уступил тебе одну из своих полукровок. Они у меня в повозке. – Торговец шумно приложился к бутылке и заключил: – Ишь, молчит! По-моему, ему просто не по нутру наше общество.

– Ты ведь шел через перевал? – спросила у Беддикта Серена. – Снега там уже сошли?

Халл Беддикт обвел глазами повозки и с заметным трудом ответил:

– Должно быть.

Чувствовалось, что он уже очень давно ни с кем не разговаривал.

– Куда направляешься? – задала очередной вопрос Серена.

– С вами пойду.

Расхохотавшись, Бурук взмахнул бутылкой и перевернул ее. Последние капли с шипением исчезли в огне.

– Какое приятное дополнение к нашей скромной компании. Не ожидал! То-то нереки обрадуются.

Он поднялся на нетвердые ноги, качнулся, едва не угодив в костер, а потом отшвырнул пустую бутылку и побрел к повозке.

Серена и Халл смотрели ему вслед. Нереки вернулись на

свои спальные подстилки, но не легли, а сели, продолжая поедать глазами бывшего стража-посланника. Халл Беддикт медленно сел и протянул к огню обветренные руки.

Они умели быть нежными, эти сильные руки. Но воспоминание о былых временах не обожгло Серену. Остывший пепел не может обжечь. Заметив оставшееся полено, она швырнула его в пасть ненасытного огня. Костер благодарно взметнул россыпь искр.

– Бурук что, намерен гостить у хиротов до начала Великой встречи? – поинтересовался Халл Беддикт.

– Скорее всего, – пожала плечами Серена. – Поэтому ты и решил сопровождать караван?

– Нынешняя встреча будет совсем не такой, как прежние, – сказал Халл. – Тисте эдур – более уже не шесть разобщенных, соперничающих между собой племен. Теперь ими правит король-колдун, и никто не оспаривает его власть.

– Да, все изменилось.

– И потому Эзгара Дисканар отрядил к хиротам Бурука Бледного.

Серена усмехнулась и носком сапога поддала полено, выкатившееся из костра.

– Неудачный выбор. Да наш Бурук и трезвым-то не бывает. Не представляю, как он станет вынюхивать все, что необходимо королю.

– Семь торговых домов отправили к Калешскому лежбищу двадцать восемь кораблей, – объявил Халл Беддикт, рас-

тирая согревшиеся ладони.

– Знаю.

– Посланники Дисканара, естественно, объявят охоту незаконной и громогласно осудят этот разбой, пообещав сурово наказать виновных. А затем обратят случившееся себе на пользу. Скажут, что прежнее соглашение полно недостатков, а потому нужно поскорее заключить новое. Ну а за убитых тюленей они щедро расплатятся золотом, швырнув его к ногам Ханнана Мосага.

Серена ничего не ответила. Халл Беддикт был прав. Он лучше, чем кто-либо, представлял себе ход мыслей короля Эзгары Дисканара. И настроения, царившие при королевском дворе, что тоже немаловажно.

– Сдается мне, что тут есть еще один нюанс, – заметила женщина.

– Какой именно?

– Думаю, ты вряд ли в курсе, кто возглавит королевское посольство.

– Откуда мне знать? – невесело усмехнулся Халл Беддикт. – Горы об этом молчат.

– Выразителем королевской воли на Великой встрече будет Нифадас.

– Вот и прекрасно. Первый евнух отнюдь не дурак.

– Но бразды правления ему придется делить с наследным принцем Квилласом Дисканаром.

Услышав это, бывший страж-посланник медленно повер-

нулся к собеседнице:

– Ого! В таком случае она высоко поднялась... Или же далеко зашла.

– И то и другое. С тех пор, как ты в последний раз общался с ее сыном... В общем, принц мало изменился. Королева по-прежнему держит Квилласа на коротком поводке, а первый советник кормит его сладкими обещаниями. Ходят слухи, что за дерзкой вылазкой тех семи торговых домов стоит не кто иной, как королева Джаналла.

– Тогда понятно. Первый советник трясется за свою шкуру и боится покинуть дворец, – презрительно усмехаясь, произнес Халл Беддикт. – Вместо себя он посылает на Великую встречу Квилласа. А вот это ошибка. Наследник не способен действовать тонко. Правда, он сознаёт свое невежество и глупость, а потому относится ко всем с неизменным подозрением. В особенности когда они говорят непонятные для него вещи. Какие уж тут переговоры, если принца ненароком поглядят против шерсти?

– Кажется, это не секрет даже для хиротов, – предположила Серена.

Ей не терпелось услышать ответ Халла Беддикта.

– А им плевать, – сказал он и сам плюнул в огонь. – Королева спустила сына с поводка. Если Квилласа понесет, он способен наговорить гадостей прямо в лицо Ханнану Мосагу. Никак Джаналла решила ублажить сыночка? Или им и впрямь нужно развязать войну?

– Не знаю.

– А чьи предписания везет Бурук Бледный?

– Понятия не имею. Но настроение у него постоянно паршивое.

Они снова умолкли.

Двенадцать лет тому назад король решил сделать своего обожаемого прэду Халла Беддикта стражем-посланником. Командиру королевской гвардии предписывалось отправиться к северным границам Летерии, пересечь их и двигаться дальше. В его задачу входило изучение племен, которые обитали в глуши лесов и гор. Халл Беддикт был опытным воином, но в дипломатических делах отличался юношеской наивностью. Он считал, что его сведения помогут лучше узнать быт и нравы тех далеких народов и окажутся первыми шагами к установлению добрососедских отношений. На самом же деле миссия, возложенная на Беддикта, была подготовкой к завоеванию. Его подробные сообщения о жизни нереков, фарэдов и тартеналей интересовали не столько короля, сколько приспешников Трибана Гноля, первого советника. Те внимательно прочитывали каждую строчку, выискивая слабые стороны племен. Когда картина стала достаточно полной, донесения Беддикта легли в основу стратегии захватнических кампаний, отличавшихся невиданной жестокостью.

Халл Беддикт, успевший связать себя кровными узами братства с вождями этих воинственных народов, в ужасе на-

блюдал, во что превращаются его усилия. Все дары, преподнесенные им от имени короля, были объявлены товаром, за который надо платить. Племена поголовно оказались у Летерии в долгу. Ну а поскольку денег у них не было, то в счет уплаты долгов начали отбирать земли. На север потянулись караваны торговцев всех мастей. Воинам племени, их женам и детям навязывали чужеродные вкусы и привычки. Пришельцы с юга вкрадчивыми голосами предлагали аборигенам жидкости, травы и порошки, якобы облегчавшие тяготы суровой жизни, а в действительности – уничтожавшие гордость, независимость и человеческое достоинство. С теми, кто пытался сопротивляться летерийской заразе, жестоко расплаивались. Расширение северных границ королевства велось с таким холодным цинизмом, что ни одна честная и благородная душа не вынесла бы даже простого наблюдения за происходящим беспределом. А что уж говорить о человеке, который был за это в ответе, ибо, считай, сотворил все это безобразия своими собственными руками.

Нереки и по сей день почитали Халла Беддикта как бога. Да и фарэды, от которых осталась лишь горстка оборванцев, с ног до головы опутанных долгами, тоже. А могучие тартенали – ныне спившиеся обитатели трущоб на окраинах летерийских городов – до сих пор с гордостью демонстрировали три полосы, вытатуированные чуть ниже левого плеча. Точно такие же полосы были и у самого Беддикта.

Он молча сидел рядом с Сереной, поглядывая на догора-

ющий костер... Когда все это случилось, Халл Беддикт сложил с себя позорные полномочия стража-посланника. Один из его солдат возвратил двору Королевскую стрелу. В Лете-рию Беддикт больше не вернулся. Он ушел в горы.

Впервые Серена встретила его восемь лет тому назад, в лесу, на расстоянии дневного перехода от Высокой крепости. Тогда он был похож на зверя, питающегося падалью. Серена вернула его в прежнее состояние, но не до конца.

«И все это на самом деле было отнюдь не таким благородным, как мне казалось вначале. Хотя, кто знает, возможно, все пошло бы совсем по-иному, не сделай я Халла орудием для достижения своих корыстных целей».

Серена Педак никогда не отличалась наивностью. Что толку теперь сожалеть о содеянном? Да, в тогдашнем ее поведении не было ни капли благородства, но прошлое не переиграешь. Серена не раз мысленно спрашивала себя: сможет ли Халл когда-нибудь ее простить? А простит ли она сама себя?

– Бурук Бледный знает все, что мне необходимо, – нарушил молчание Беддикт.

– Возможно.

– И он расскажет мне это.

«Только если ты найдешь способ хитростью выведать у него, – подумала Серена. – Добровольно он тебе ничего не сообщит». А вслух сказала:

– Пойми, Халл: при всех тайных предписаниях Бурук в этой игре лишь мелкая сошка. Ну кто он такой? Владелец

торгового дома в пограничном Трейте. Имеет опыт общения с хиротами и арапаями.

«А благодаря мне у него есть законное право доступа в земли тисте эдур», – мысленно добавила она.

– Ханнан Мосаг наверняка пошлет своих воинов в погоню за летерийскими кораблями, – промолвил Халл Беддикт. – Похоже, убытки этих торговых домов королеве даже на руку.

– Я полагаю, она заранее предвидела потери.

В человеке, сидевшем рядом с Сереной, не осталось ни капли прежней наивности. Но он слишком давно покинул мир хитроумных и опасных интриг, составлявших основу жизни летерийцев. Эти интриги почти всегда разворачивались в нескольких плоскостях сразу, переплетаясь между собой множеством едва заметных нитей. Серена чувствовала, с каким трудом Халл Беддикт пытается сейчас вникнуть в замыслы королевского двора.

– Я начинаю понимать, куда клонит королева, – помолчав, объявил он.

В его голосе было столько нескрываемого отчаяния, что женщина не выдержала и отвернулась.

– Наше извечное проклятие: постоянно смотреть только вперед, – продолжил ее собеседник. – Ну почему мы всегда смотрим лишь туда? Как будто дорога впереди чем-то отличается от дороги у нас за спиной.

«Полезное замечание. Пожалуй, стоит вспоминать эти слова каждый раз, когда я оглядываюсь назад. А еще лучше

– вообще перестать оглядываться».

– Пять каменных крыльев – и перед тобой будут лебезить и пресмыкаться, – проворчал лежавший в постели Техол Беддикт. – Тебе это никогда не казалось странным? Естественно, у каждого бога должен быть трон, но разве отсюда следует, что каждый трон, возведенный для бога, уже непременно занят? А если нет, то с какой стати здравомыслящий человек станет поклоняться пустому престолу?

Багг, сидевший на колченогой табуретке, оторвался от вязания. Он придирчиво оглядывал рубаху из грубой шерсти, над которой трудился.

Техол скользнул по слуге глазами:

– Я твердо убежден: моя левая рука имеет почти такую же длину, как и правая. Возможно, они совершенно одинаковы. А что выходит у тебя с рукавами? Увы, мой друг, у тебя нет способностей ни к какому ремеслу. Вероятно, за это я так тебя и люблю, Багг.

– Ровно вдвое меньше, чем себя самого, – заметил старик и вновь принялся за вязание.

– Здесь я не вижу смысла спорить, ибо так оно и есть.

Техол вздохнул и принялся шевелить пальцами ног, прикрытых ветхим одеялом. Ветер постепенно крепчал: приятно прохладный и лишь слегка пропитанный «ароматами» Вонючих отмелей южного берега. Кровать и табуретка были единственной мебелью на крыше дома Техола. Мирясь с ду-

хотой, Багг спал внизу, а сюда поднимался, лишь когда ему для работы требовалось больше света. Молодой человек постоянно твердил себе и слуге, что нужно беречь ламповое масло. Оно теперь невероятно подорожало, поскольку китов становится все меньше.

Техол потянулся к замызганному подносу, на котором лежало с полдюжины сушеных фиг.

– Снова фиги. Значит, мне опять придется совершать унизительное путешествие в общие отхожие места.

Тем не менее он взял один из плодов и стал равнодушно жевать его, попутно глядя на фигурки ремесленников, которые трудились на громадном куполе Дворца Вечности – новой королевской резиденции. Дворец этот находился в самом центре Летераса. По чистой случайности никакие строения не загораживали его от глаз Техола, а окрестные башни и мосты Третьего яруса служили удачным обрамлением монаршему тщеславию.

– И впрямь Дворец Вечности. Вечно недостроенный.

Возведение купола оказалось для королевских зодчих столь непосильной задачей, что четверо из них в ходе строительства покончили жизнь самоубийством, а пятый трагически погиб при загадочных обстоятельствах, угодив в водосточную трубу.

– Семнадцать лет строят, и никакого просвета. Похоже, пятое крыло так и забросят. Как ты думаешь, Багг? Ты ведь у нас знаток по этой части.

Весь строительный опыт Багга сводился к переустройству кухонного очага. Двадцать два огнеупорных кирпича были сложены почти идеальным кубом. Почти, ибо три кирпича слуга позаимствовал с обрушившегося надгробного памятника, и все они оказались разного размера. Должно быть, кладбищенских каменщиков, постоянно соприкасавшихся с брэнностью жизни, такие мелочи просто не волновали.

Услышав вопрос хозяина, Багг поднял голову и прищурился, разглядывая дворец.

Согласно замыслу и чертежам на пергаменте, Дворец Вечности представлял собой величественное здание, пять крыльев которого сходились воедино, увенчанные необыкновенным куполом. Все они, за исключением прибрежного, соединялись между собою четырьмя переходами. У прибрежного крыла успели возвести лишь два перехода, когда обнаружилось, что глина под фундаментом начинает расплзаться во все стороны, словно масло в сжатом кулаке. Пятое крыло грозило провалиться вниз.

– Щебенка, – коротко произнес Багг, вновь берясь за вязание.

– Что? – не понял Техол Беддикт.

– Я говорю, нужна щебенка, – повторил старик. – Надо через каждые несколько шагов проделать в глине глубокие колодцы и хорошенько утрамбовать. Дальше все просто: ставь на тех местах опорные колонны и строй себе это злосчастное крыло. Давления на глину не будет, вот она и перестанет

расползаться.

Техол изумленно уставился на слугу:

– Потрясающе! Скажи мне, ради Скитальца, где ты набрался таких знаний? Только не говори, что подобные соображения случайно пришли в голову, когда ты пытался удержать наш разваливающийся очаг.

Багг хмыкнул:

– С очагом все куда проще. Он же не настолько тяжелый. Но если бы понадобилось, я бы именно так и сделал.

– Ты хочешь сказать, что проделал бы в земле дыру? И на какую глубину?

– До самой коренной породы. Иначе держаться не будет.

– И насыпал бы туда целую пропасть щебенки?

– Конечно. И утрамбовал бы поплотнее.

Техол потянулся за второй фигой. Фрукт был весь в пыли – верный признак того, что Багг опять пробавлялся рыночными отбросами, соперничая с бездомными собаками и крысами.

– Представляю, какой внушительный получился бы у тебя очаг, – заметил Беддикт.

– Это уж точно.

– Ты мог бы стряпать в свое удовольствие, не опасаясь, что очаг вдруг рассыплется. Конечно, если только не случится землетрясения.

– Такой опоре и землетрясения не страшны. Щебенка – она же подвижная.

– Потрясающе, – вновь сказал Техол и выплюнул семечко. – Как ты думаешь, стоит мне сегодня вылезать из кровати?

– Да вроде бы никакой особой надобности нет. – Слуга умолк и задумался. – Хотя погодите-ка, хозяин. Возможно, причина все-таки есть.

– Да неужели? Тогда не тяни понапрасну время. Говори: какая такая причина?

– Утром приходили три женщины.

– Три женщины, – повторил Техол, разглядывая людей и повозки, движущиеся по мосту Третьего яруса. – Не знаю я никаких женщин. А если бы даже и знал, то никогда бы не позвал в гости всех трех сразу. Не хватало мне тут еще стихийных бедствий.

– Этих женщин вы точно не знаете. Ни одну из них. Вряд ли вы с ними прежде встречались. Да и мне их лица тоже незнакомы.

– Уверен? Ты действительно никогда их не видел? Может, на рынке? Или на набережной?

– Нет. Скорее всего, они приехали издалека. Уж больно выговор у них странный.

– И что, эти дамы назвали мое имя?

– Нет. Они поинтересовались, здесь ли живет человек, который спит на крыше.

– Если они задают подобные вопросы, значит наверняка из какой-нибудь занюханной деревни, где жабы квакают в

лужах. А что еще эти незнакомки спрашивали? Ладно, можешь не отвечать. Наверняка какую-нибудь глупость. Слушай, а может, они сестры? Внешне похожи?

– Что-то не заметил. Но с виду все три хорошенькие, это я помню. Молоденькие и пухленькие. Да вот только, сдается мне, вас это не интересует.

– Слуги не должны строить предположения... Хорошенькие, стало быть. Молоденькие и пухленькие. А ты уверен, что это были женщины?

– Вполне уверен. У евнухов не бывает таких больших и красивых грудей, да еще настолько высоких, что девчонкам впору подбородками в них упираться.

Техол вдруг обнаружил, что стоит возле кровати. Молодой человек и сам не помнил, как выбрался оттуда. И тем не менее он стоял, перебирая босыми ногами.

– Багг, ты уже доделал рубаху?

Слуга вновь оглядел свою работу:

– Вроде готова. Только этот рукав надо чуток довязать.

– Наконец-то я могу снова появиться на людях... Закрепи нитки, чтобы не болтались, и давай сюда рубашку.

– Но, хозяин, я еще не принимался за штаны...

– Забудь пока о них, – перебил его Техол.

Схватив одеяло, он трижды обернул его вокруг талии и подоткнул край у бедра. После чего, оглядев себя, страдальчески поморщился:

– Багг, ради Скитальца, не надо пока больше никаких фиг!

Кстати, где сейчас эти красотки?

– В Красном переулке. В заведение к Хальдо отправились.

– В которую часть? В «ямы» или во двор?

– Во двор.

– Хоть это отрадно. Как ты думаешь, Хальдо уже забыл... ну, тот случай?

– Нет, не забыл. Но он днями напролет торчит в Утопляках.

Техол улыбнулся и поковырял пальцем в зубах.

– И как успехи? Выигрывает или наоборот?

– Наоборот.

– Ха-ха-ха! – Молодой человек запустил пальцы в волосы, после чего принял небрежную позу. – Ну, как я выгляжу?

Багг подал хозяину рубаху, заметив:

– Одного понять не могу: как вы умудряетесь сохранять мускулы тугими, целыми днями валяясь в постели?

– Наследие рода Беддиктов, мой дорогой печальный слуга. Ты бы видел Бриса в полном боевом облачении. Но по сравнению с Халлом даже он кажется заморышем. Я же, будучи средним братом, сохраняю безупречное равновесие, ибо обладаю остротой ума, телесным проворством в сочетании с крепостью мускулов, а в придачу – множеством разнообразных способностей, не уступающих моему врожденному обаянию. Но мой главный талант – бездумно проматывать все эти богатства.

– Весьма красноречивое выступление. Я впечатлен, –

одобрительно кивнул Багг.

– Так и должно быть... Ну что ж, мне пора. – Техол направился к лестнице. – И вот что... приберись в доме. Возможно, вечером у нас будут гости.

– Приберусь, если у меня хватит времени.

Беддикт задержался возле обвалившегося куска крыши:

– Да, кстати, насчет брюк. У тебя хватит на них шерсти?

– На одну штанину вполне. Либо могу сделать две, но покороче.

– Насколько?

– Весьма короткие. Вам не понравится.

– Хорошо, тогда пусть лучше будет одна, но длинная.

– Слушаюсь, хозяин. А потом мне нужно будет еще раздобыть нам что-нибудь поесть. И выпить.

Техол повернулся к нему, уперев руки в бока:

– Неужели мы распродали все, кроме кровати и табуретки? Ну ничего, зато теперь тебе будет проще прибираться.

Багг согласно кивнул. И поинтересовался:

– Кстати, что вы хотите на ужин, хозяин?

– Ну состряпай что-нибудь на свое усмотрение. Так и быть, можешь заранее не согласовывать со мной меню.

– Может, с вашей стороны будут какие-то пожелания?

– Меня устроит любое горячее блюдо.

– А как насчет дров?

– Дрова я не ем.

– Зато ими питается очаг.

– Да, ты прав, Багг. Раздобудь дров. Кстати, подумай: а нужны ли этой табуретке три ножки? Когда попросить не у кого, а украсть негде, волей-неволей приходится как-то выкручиваться. Я отправляюсь на встречу со своей трехликой судьбой. Моли Скитальца, чтобы он глядел куда-нибудь в другую сторону.

– Обязательно.

Техол подошел к лестнице и невольно поежился: там оставалась лишь каждая третья ступенька.

Помещение внизу было совершенно пустым, если не считать свернутой ветхой подстилки, на которой спал Багг. На приступке очага скучал опрокинутый котелок, единственный из оставшихся. Невдалеке примостились на полу пара глиняных мисок и две деревянные ложки.

«Даже в этой неприкрытой бедности есть свое изящество», – подумал молодой человек.

Дверной проем был занавешен драной портьерой. Стало быть, дверь Багг уже спалил в очаге. Надо будет напомнить ему, чтобы порылся в золе и достал дверную защелку. Если почистить ее мелким песочком, можно сбагрить Каспу-жестянику за докарий, а то и за два. С этой мыслью Техол вышел за порог.

Он оказался в узком проходе – настолько узком, что ему пришлось пробираться едва ли не боком, на каждом шагу поддевая ногами мусор.

«Пухленькие женщины... хотел бы я посмотреть, как они

тут протискиваются».

Главное – не давать им повод. Внимательно следить за лицом и словами. А то мало ли что эти дамочки вообразят? Ну как позвать прелестниц на обед, когда на четверых – только две миски?

Улица была пуста, если не считать трех нереков – матери и двух детей-полукровок. Они облюбовали себе нишу в стене напротив нового дома и только и делали, что спали. Техол прошел мимо, едва не наступив на прошмыгнувшую крысу. Дальше он был вынужден лавировать между нагромождениями деревянных ящиков. Они стояли поперек улицы, загораживая обзор. Склады торговца Бири были вечно переполнены, и потому он давно сделал этот конец Мешочной улицы и часть набережной канала Квилласа естественным продолжением складских помещений.

Там, где Мешочная улица выходила на Рогожную площадь, стояла скамейка. На ней восседал Шалас, сторож, служивший у Бири. На коленях у него дремала дубинка, рукоятка которой была обтянута потертой кожей. Заслышав шаги, сторож поднял голову.

– Милая у тебя юбочка, – сказал он, щуря вечно воспаленные глаза.

– Спасибо за комплимент, Шалас. Теперь я знаю, что не прогадал с нарядом.

Техол остановился возле скамейки, разглядывая оживленную площадь.

– Город, как всегда, бурлит и процветает, – пробормотал он. – Что-нибудь интересное происходило?

– Ничего... если не считать того случая.

Беддикт слегка поморщился:

– Стоит ли вспоминать такую мелочь?

– А вот Бири думает по-другому. Он до сих пор мечтает засолить твою голову в бочку и бросить ее в море.

– У Бири вечно какие-то странные фантазии.

Шалас хмыкнул:

– Ты, почитай, несколько недель с крыши не слезал. Что за нужда вдруг согнала?

– Свидание у меня. С тремя женщинами сразу.

– Одолжить тебе дубинку?

Молодой человек бросил взгляд на верную спутницу сторожа. Вид у дубинки был внушительный, но ее лучшие дни явно давно уже миновали.

– Пожалуй, не стоит, – вежливо отказался Техол. – Не хочу оставлять тебя безоружным.

– Моей физиономии боятся больше, чем дубинки. Правда, тем нерекам все нипочем. Вот опять прошмыгнули мимо.

– Доставили тебе хлопот?

– Мне-то чего? Но ты же знаешь Бири.

– Даже лучше, чем он сам себя. Напомни ему об этом, Шалас, если Бири вдруг вздумает обижать эту троицу.

– Ладно, скажу.

Техол двинулся дальше. Он пересек людную площадь. За

ней начинался Нижний рынок. Попадая сюда, Беддикт всякий раз поражался не только обилию совершенно ненужных, даже никчемных товаров, но и неистребимому стремлению горожан покупать их. И ведь так продолжается изо дня в день.

«Наше королевство процветает на людской глупости, – думал он, прокладывая себе путь среди пестрой толпы. – Достаточно крупницы ума, чтобы припасть к этой жиле и черпать оттуда все, что пожелаешь». Мысль эта, как и большинство истин, была циничной и удручающей.

Наконец рынок остался позади. Техол пошел по Красному переулку и через несколько десятков шагов остановился перед арочным входом в таверну «У Хальдо». Тенистый коридорчик выводил в залитый солнцем внутренний дворик. Там стояло около десятка столиков, и все сейчас были заняты. Обычно за ними сидели либо приезжие, находившиеся в блаженном неведении относительно существования внутренних помещений, либо те, у кого не хватало денег, чтобы там устроиться. Залы – в просторечии их называли «ямами» – никогда не закрывались. Там удовлетворялись вкусы всех, кто был в состоянии раскошелиться. Утонченный порок, наряженный в удивительные одежды, порою требующие большой выдумки. Еще один пример глупости и абсурда, за которые люди готовы платить.

Трех женщин Техол увидел сразу же. Они сидели в дальнем углу дворика. Кроме них, других представительниц сла-

бого пола здесь не было. Но даже если бы и были, эту троицу ни с кем не перепутаешь. Багт выбрал правильное слово: хорошенькие, и весьма. Но до чего же разные. Если они и были сестрами, то об этом свидетельствовало лишь пристрастие к оружию и амуниции, которая громоздилась рядом со столиком.

Та, что сидела слева, была огненно-рыжей. Пряди волос разметались по покатым плечам. Женщина пила прямо из обмазанной глиной бутылки, либо сознательно игнорируя стоящий рядом бокал, либо не понимая его предназначения. Ее лицо напоминало лик какой-нибудь героической статуи: гладкая, без единой морщинки, кожа, правильные черты и синие глаза, с каменным равнодушием вззирающие на окружающий мир. Рядом с нею, упираясь локтями в поверхность столика, устроилась вторая женщина. В этой, судя по золотистому цвету кожи и легкой раскосости темных глаз, чувствовалась примесь фарэдской крови. Темные, почти черные волосы были стянуты в плотный пучок, и потому круглое лицо «сердечком» оставалось открытым. Их третья спутница, сидевшая справа, привалилась к спинке стула, отставив левую ногу в сторону, а правой елозила взад-вперед. Техол сразу отметил, что ножки у нее крепенькие и стройные, а штаны из беленой кожи плотно и соблазнительно облегают крутые бедра. Голова третьей дамы была наголо обрита и тускло блестела на солнце. Широко посаженные светло-серые глаза оглядывали посетителей и наконец наткнулись на молодого

человека, остановившегося у входа во дворик.

Он улыбнулся ей. Бритая женщина поморщилась.

Из-под навеса показался Уруль, главный распорядитель заведения, и поманил рукой Техола. Тот подошел, но не вплотную, а остановился на некотором расстоянии, что имело вполне объяснимую причину.

– А ты... хорошо выглядишь, Уруль. Скажи, Хальдо здесь?

Об отвращении Уруля к мытью ходили легенды. Делая заказы, посетители дворика не тратили лишних слов и по завершении трапезы никогда не просили подать им еще вина. Лоб Уруля, как всегда, лоснился от липкого пота. Распорядитель стоял, запустив пальцы за свой когда-то белый пояс.

– Хальдо? – переспросил он. – Хвала Скитальцу, его здесь нет. Хозяин сейчас в Утопляках, на Нижней галерее. Техол, ты, случаем, не знаешь этих женщин? Торчат здесь с самого утра. Стоит мне подойти ближе, как они начинают хмуриться. Мне, если честно, даже страшно.

– Предоставь их моим заботам, Уруль, – ответил Беддикт, рискнув потрепать распорядителя по влажному от пота плечу. – Я сам разберусь с этими дамами.

– Ты?

– Ну да. А что тут удивительного?

Не дожидаясь ответа, Техол поправил свою импровизированную юбку, подтянул рукава новой рубахи и направился к столику, где сидели женщины. По пути он позаимствовал

свободный стул, на который и плюхнулся, когда подошел к ним.

– Чего надо? – хмуро спросила лысая.

– Как раз этот вопрос я собирался задать вам, милые дамы. Слуга доложил мне, что нынче утром вы посетили мое скромное жилище. Я – Техол Беддикт... тот самый, который спит на крыше.

Три пары глаз уставились на него.

«Пожалуй, под таким напором дрогнул бы даже закаленный воин... но только не я. Разве что... совсем чуть-чуть».

– Это и правда ты?

Техол удостоил лысую хмурым взглядом:

– Ну почему мне постоянно задают один и тот же вопрос? Да, это и впрямь я. А вы, судя по выговору, прибыли откуда-то с островов. Знакомых у меня там нет. Так что вряд ли нас что-то связывает. Попросту говоря, я вас знать не знаю и не горю желанием познакомиться.

Рыжеволосая с шумом поставила бутылку на стол.

– Мы ошиблись.

– Вполне возможно, – не стал спорить Техол.

– Нет, – возразила лысая. – Это он просто перед нами выкаблучивается. Я так и знала, что его потянет поизгаляться. Городские – они все такие.

– Еще и без штанов явился, – добавила рыжеволосая.

– И руки у него кривые, – разочарованно протянула темноглазая.

– Это не совсем так, – возразил Техол. – Они из-за рубашки кажутся кривыми.

– Не нравится мне этот парень, – заявила темноглазая брюнетка, скрещивая руки на груди.

– Никто и не просит тебя влюбляться в него, – бросила ей лысая. – Мы же не собираемся ложиться с ним в постель, храни нас Скиталец!

– Не повезло мне, – усмехнулся Техол. – Даже не знаю, как я это и переживу.

– Уж поверь, еще хуже было бы, если бы мы решили заняться с тобой любовью, – хищно улыбаясь, парировала рыжая.

– Заняться любовью с ним? – никак не могла успокоиться брюнетка. – На крыше? Да ты никак спятила, Шанда? Я вообще не хочу иметь ничего общего с этим типом! – решительно заключила она.

Лысая, которую звали Шандой, вздохнула и потерла кулаками глаза:

– Вот что, Хиджана, мы здесь по делу. Так что свои «нравится – не нравится» засунь куда подальше. Я ведь, кажется, это тебе уже объясняла.

Темноглазая Хиджана так и продолжала сидеть со скрещенными руками, строптиво качая головой.

– Нельзя доверять тому, кто тебе не нравится, – возразила она.

– Можно! – рявкнула Шанда.

– Личные симпатии и антипатии тут ни при чем. Меня смущает его репутация, – сказала рыжеволосая женщина, имени которой Техол пока еще не слышал. – О нем ведь такое болтают...

– Именно поэтому мы здесь, Риссара! – Шанда снова вздохнула, словно мамаша, уставшая говорить с глупыми дочками. – То, что о нем рассказывают, почти правда.

Техол хлопнул в ладоши, привлекая к себе внимание:

– Прекрасно. Я выслушал вас всех: и рыжеволосую Риссару, и фарэдку Хиджану, и бритоголовую Шанду, которая, судя по всему, у вас за главную. – Он оперся руками о край стола и встал. – А теперь, милые дамы, позвольте откланяться. Я по горло сыт вашими речами. Продолжайте дискуссию без меня. Прощайте.

– А ну, сядь! – Шанда прорычала это так угрожающе, что молодой человек невольно снова опустился на стул. И заметил, что спина у него взмокла. Вероятно, оттого, что рубашка была слишком теплой.

– Вот так-то лучше, – уже дружелюбнее сказала лысая женщина, наклоняясь к нему. – Техол Беддикт, мы всё про тебя знаем.

– Да неужели?

– Мы в курсе, почему случилось то, что случилось. И хотим, чтобы ты сделал это снова.

– Вот как? Ты серьезно?

– Серьезнее некуда. На этот раз у тебя хватит мужества

довести все до конца. Можешь быть уверен.

– Что ты имеешь в виду? – ошалело заморгал Техол.

– А то, что мы – я, Хиджана и Риссара – вдохнем в тебя мужество. На сей раз ты будешь не один. А теперь давайте-ка убираться отсюда, пока этот вонючка не подошел к нам снова. Мы купили в Летерасе дом. Там и поговорим. Хотя бы нос затыкать не понадобится.

– Приятно слышать, – только и сказал Техол.

Женщины встали. Однако он продолжал сидеть.

– Говорила я тебе, что это не работает, – разочарованно произнесла Хиджана, обращаясь к Шанде. – Он ведь уже не тот, что прежде. Погляди сама.

– Еще как работает, – невозмутимо ответила Шанда.

– Увы, Хиджана права, – подтвердил Техол. – Ничего у вас, милые дамы, не получится.

– Мы знаем, куда делись все денежки, – заявила Шанда.

– А я этого и не скрывал. Обстоятельства в одночасье делают богача бедняком. Да, я, увы, потерял деньги.

– Ничего ты не потерял, – замотала головой Шанда. – Я же тебя предупредила: мы всё знаем. И если заговорим об этом...

– Делайте, что считаете нужным, – равнодушно пожал плечами Техол.

– А ведь ты угадал. Мы и впрямь с островов, – вдруг улыбнулась лысая.

– Но не с *тех* островов.

– Разумеется, не с тех. Кто же там бывал? Ведь именно на это ты и рассчитывал.

Техол встал:

– Пять каменных крыльев – и перед тобой будут лебезить и пресмыкаться. Итак, вы купили дом. Надеюсь, не недостроенный Дворец Вечности?

– Тебе все равно придется нам подчиниться, – не отступала Шанда. – Если твои делишки вскроются, Халл тебя убьет.

– Халл? – Теперь и Техолу стало смешно. – Да мой брат вообще ничего не знает об этом.

Он позволил себе насладиться растерянностью, одновременно появившейся на трех лицах.

«Вот так, дорогие мои. Прочувствуйте это на своих шкурах».

– Халл может сильно усложнить ситуацию.

Брис Беддикт был не в силах долго выдержать взгляд человека, стоящего сейчас перед ним. Маленькие глазки неподвижно взирали на него из-под розоватых век... Финадду королевской гвардии казалось, что он смотрит в глаза змеи.

«Ну чисто огнешейка, свернувшаяся посреди прибрежной дороги, уложив голову на собственные кольца. А длина ее, если размотать, втрое превышает человеческий рост. Лежит себе и вроде бы дремлет в пыли. Но горе тому беспечному вознице, который вовремя не заметит ее...»

– Финадд, я хочу слышать ваше мнение.

– Даже не знаю, что вам и ответить, первый евнух. Я очень давно не видел своего брата. И потом, я не вхожу в число сопровождающих королевское посольство.

Нифадас совершенно бесшумно, что было удивительно при его росте и массивной фигуре, прошел к креслу с высокой спинкой. Своими размерами оно вполне соответствовало громадному письменному столу, стоявшему посреди просторного кабинета Нифадаса. Неторопливо, не делая лишних движений, первый евнух опустился в кресло.

– Не волнуйтесь, финадд Беддикт. Я глубоко уважаю вашего брата Халла. Я восхищаюсь... твердостью его убеждений и всецело понимаю причины его тогдашнего решения.

– В таком случае, первый евнух, вы продвинулись гораздо дальше меня самого. Я совершенно не понимаю своего брата... вернее, их обоих. Так было всегда.

Нифадас кивнул, сонно моргая своими змеиными глазками:

– Родственные взаимоотношения имеют немало особенностей и даже странностей. Естественно, в силу своего положения я не могу судить обо всех тонкостях семейной жизни. И в то же время это позволило мне с большей беспристрастностью наблюдать за всеми ее хитросплетениями и тяготами. – Глазки Нифадаса вновь застыли на Брисе. – Вы позволите поделиться с вами кое-какими наблюдениями?

– Может быть, в другой раз? Я не располагаю достаточным временем.

– Понимаю, финадд. Наверное, это даже к лучшему. Не стоит поддаваться самонадеянности и думать, будто твои наблюдения интересны кому-то еще... Вам известно, что приготовления к отправке королевского посольства сейчас в полном разгаре. День Великой встречи неумолимо приближается. Мне сообщили, что Халл Беддикт присоединился к каравану Бурука Бледного, который вместе с Сереной Педак держит путь в земли хиротов. Насколько я могу предполагать, Бурук нагружен множеством различных поручений. Добавлю, что среди них нет ни одного, полученного им от меня. Иными словами, велика вероятность того, что все эти предписания и распоряжения не только не отражают истинные интересы нашего правителя, но и напрямую им противоречат. – Первый евнух несколько раз моргнул, медленно и размеренно. – Все это может... создать нежелательные предпосылки для грядущей встречи. Теперь вы понимаете мою озабоченность. Если Халла введут в заблуждение...

– То есть мой брат может подумать, что король Дисканар наделил Бурука определенными полномочиями.

– Вот именно, финадд.

– И попытается так или иначе помешать торговцу. – (Нифадас кивнул.) – Если так случится, действия моего брата вовсе не обязательно должны идти вразрез с королевскими интересами, – продолжил Брис.

– Верно. Сам того не подозревая, Халл может действовать в желательном для его величества направлении.

– Если только вы, первый евнух, будучи полномочным представителем короля и номинальным главой посольства, сами не вознамеритесь схлестнуться с Буруком и разоблачить его перед тисте эдур как самозванца.

Маленькие узкие губы Нифадаса тронула едва заметная улыбка.

Но Брису было вполне достаточно и этого. Он отвел глаза от собеседника. За оконным стеклом, мутным и пузырчатым, угадывались очертания облаков.

– Вы располагаете большей силой, чем Халл, – промолвил Брис.

– Рад, что мы поняли друг друга. Скажите, финадд, а что вам известно об аквиторе Бурука – Серене Педак?

– Я слышал об этой женщине только блестящие отзывы. Кажется, у нее есть в столице свой дом, хотя я, признаться, что-то не припоминаю, чтобы о ней говорили в Летерасе.

– Она редко бывает здесь. В последний раз Серена приезжала в Летерас шесть лет тому назад.

– Так или иначе, репутация у нее без единого пятнышка, – заключил Брис.

– Именно это меня истораживает. Ведь не слепая же она. И умом, думаю, не обделена.

– Я тоже так думаю. Случайные люди в аквиторы не попадают.

– Разумеется... Ну что ж, спасибо вам, финадд, за то, что уделили мне время. – Первый евнух стал подниматься, давая

понять, что их беседа окончена. И напоследок произнес: – А позвольте поинтересоваться, вы уже свыклись с положением королевского защитника?

– В достаточной мере.

– Для такого молодого и сильного человека, как вы, эта миссия не может быть трудной.

– По правде говоря, она нелегка, но я не жалуясь.

– Скажем так: ноша не слишком удобная, но посильная.

– Очень справедливые слова, первый внуч.

– А вы честны, Брис. Как один из королевских советников я удовлетворен своим выбором.

«Однако почему-то напоминаешь мне об этом. Почему?»

– Поверьте, первый внуч: я высоко ценю доверие короля и ваше, естественно, тоже.

– Рад слышать. Не смею вас больше задерживать, финадд.

Брис коротко поклонился и покинул владения Нифадаса.

Часть души финадда Беддикта тосковала по прежним дням, когда он был всего-навсего офицером дворцовой гвардии. Он не имел тогда никакого политического веса, а короля всегда созерцал лишь на расстоянии, стоя с сослуживцами в почетном карауле на аудиенциях и приемах. Конечно же, первый внуч позвал его на этот разговор не из-за новой должности, а в силу принадлежности к роду Беддиктов. Брис думал об этом, идя по дворцовым коридорам на другую встречу.

Затем его мысли переключились на Халла. Воспоминания

о старшем брате, словно призраки, неотступно следовали за Брисом повсюду. Перед глазами вновь всплыл образ: Халл Беддикт в форме королевского стража-посланника, с Королевской стрелой у пояса. Сам Брис был тогда еще мальчишкой, и эта картина, врезавшись в память, оставалась там и поныне, неподвластная времени. Вот и сейчас он видел себя стоящим рядом с Халлом, словно бы на семейном портрете. Взрослый мужчина и восторженный ребенок. Не хватало лишь благородной желтизны холста и пыли, скопившейся на нем за эти годы. Но Брис никогда не ощущал себя тем наивным юнцом с широко распахнутыми глазами. Воспоминание действительно было для него живописным полотном, а он – зрителем. В очередной раз посмотрев на картину, Брис неизменно переводил взгляд на себя нынешнего. Мальчишка осуществил заветную мечту: теперь он служит при дворе и у него почти такой же красивый мундир, какой некогда носил брат.

А по сути, они с Халлом тогда оба были слепы. Сам он – в силу возраста и глупых детских мечтаний, а старший брат... в силу своих собственных мечтаний. Если не глупых, то весьма наивных.

Брис сказал Нифадасу, что не понимает Халла. Но это была неправда: на самом деле он хорошо понимал его. Даже слишком хорошо.

Как и Техола, хотя того, пожалуй, и в меньшей степени. Безмерные богатства, которые стяжал средний брат, оказа-

лись... холодными. Горячим было лишь желание обладать ими. Золото. Техол всей душой жаждал золота – то был единственный бог, которому поклонялись все летерийцы. Он мечтал размахивать золотым мечом собственного могущества и славы. А потом в сердцевине этого оружия вдруг появилась трещина. И тогда Техол бросился на меч, чтобы изящно истечь кровью. Возможно, брат и видит в этом какой-то особый смысл, однако на самом деле все напрасно. В тот день, когда он умрет, никто даже и не посмотрит в его сторону. Просто не осмелится. Наверное, поэтому с лица Техола не сходила эта дурацкая улыбка.

Братья Бриса достигли своих вершин уже давно и, как оказалось, слишком рано, и теперь оба, каждый своим путем, двигались к забвению и смерти.

«А я? – спросил себя Брис. – Меня провозгласили королевским защитником. Такого звания удостаивались лишь самые лучшие, непревзойденные воины королевства. Стало быть, и я достиг своей вершины?»

Дальше думать не хотелось.

Коридор, по которому шел Брис, уперся в другой. Свернув вправо, он через десять шагов заметил лучик света, выходящий из приоткрытой боковой двери.

– Финадд? Заходи поскорее.

Брис улыбнулся про себя и вошел. В комнатке с низким потолком пахло пряными травами. Изобилие светильников делало помещение похожим на звездное небо. Несколько

столов были завалены свитками, книгами, писчими принадлежностями и посудой для алхимических опытов.

– Сэда, вы где?

– Да здесь я. Иди полюбуйся, что за штуку я сварганил.

Брис обогнул тяжеленный книжный шкаф, стоявший поперек стены. За шкафом, взгромоздившись на высокий табурет, восседал королевский маг. Наклонная столешница его письменного стола была завалена кружочками полированного стекла.

– С тех пор как тебя сделали королевским защитником, у тебя изменилась походка.

– Я и не знал, – ответил Брис. – Вы, сэда, первый говорите мне об этом.

Главный придворный маг Куру Кан повернулся на своем табурете и поднес к лицу странный предмет – два стеклянных кружочка, прочно скрепленных проволокой. Стекла сильно увеличивали и без того крупные черты лица сэды. Затем Куру Кан нацепил эту конструкцию себе на нос (проволока делала посередине изгиб) и закрепил ее с помощью двух тесемок, которые связал на затылке. Глаза чародея сразу сделались огромными. Моргая, он уставился на Бриса:

– Ага, именно таким я тебя и представлял. Впечатляет, ничего не скажешь. Размытые очертания уменьшали твою импозантность, а резкость, наоборот, усиливает ее. Ясное зрение – потрясающая штука. То, что я вижу, мне теперь важнее того, что я слышу. Восприятие изменяется. Весь мир

трансформируется... Нет, ты просто великолепен, финадд. Воистину великолепен.

– Так, значит, увеличительные стекла вернули вам зрение? Сэда, это же замечательно!

– Принципиально было найти такое решение, где можно обойтись без колдовства. Созерцание Пустой Обители почти лишило меня зрения. Увы, вернуть его посредством магии я не мог. Но это не слишком важно. Хорошо бы, чтобы и впредь таковым не стало.

Куру Кан отличался тем, что, начав говорить на какую-то одну тему, непременно перескакивал на множество других. Иначе он просто не умел. Как-то сэда сам признался в этом Брису. Многих подобная его манера раздражала, однако младший Беддикт, напротив, находил в этом определенное очарование.

– Сэда, неужели я первый, кому вы показываете свое изобретение?

– Ты способен оценить его значимость лучше других. Будучи воином, умеющим четко рассчитывать место, время и расстояние, ты понимаешь самую суть. Мне нужно будет еще кое-что доработать.

Куру Кан снял свое приспособление и склонился над столом. Умелые руки мага ошупью нашли маленькие щипчики. Он стал что-то подгибать в проволочном креплении. Брис решил уже, что старик забыл о его присутствии, когда сэда вдруг сказал:

– Ты побывал у первого внуха и имел с ним не слишком приятную беседу. Но в данный момент это не особо важно.

– Сэда, меня еще ждут в Тронном зале, – вежливо напомнил Брис.

– Знаю, тебя туда вызвали. Но никакой срочности нет. Прэда может не беспокоиться. Скоро ты будешь там. А первый внух, стало быть, расспрашивал тебя насчет старшего брата?

Брис вздохнул.

Куру Кан широко улыбнулся:

– Тебя выдал пот. Его запах чуть изменился, приобрел иной оттенок. Да уж, Нифадасу прямо как вожжа под хвост попала.

Сэда вновь нацепил на нос свое изобретение. Глаза мага улыбались, но за улыбкой его Брис уловил тревогу.

– К чему шпионы, когда все можно узнать посредством собственного носа? – спросил чародей.

– Надеюсь, новое изобретение не лишит вас прежних способностей?

– Да уж, ты настоящий воин, от внимания которого не ускользает никакая мелочь. Знал бы ты, какое наслаждение мне доставляет беседовать с тобой. Воистину неизмеримое! Да, кстати, есть кое-что измеримое, и это я сейчас проверю.

Куру Кан сполз с табурета и подошел к столу, где громоздились склянки. Взяв пустую, он налил туда из реторты какой-то прозрачной жидкости, взболтал и стал наблюдать за

колебанием ее уровня.

– Ага, что я говорил! Это и впрямь измеримо!

Брис терпеливо ждал от мага объяснений. Куру Кан вылил содержимое склянки назад в реторту и причмокнул губами.

И объявил:

– Но тебя сейчас донимают мысли не об одном, а об обоих братьях.

– Да, сэда. Я как раз думал о них, когда шел к вам.

– Вполне естественно. Когда прэда отпустит тебя... не думаю, чтобы все это продлилось долго... возвращайся сюда. Хочу дать тебе задание. Вернее, не совсем так: есть одно дело, которым мы оба займемся.

– Хорошо, сэда. Я вернусь.

– Ну вот, опять надо дорабатывать! – Куру Кан снял приспособление для улучшения зрения и потянулся к щипчикам. – Не забудь. Без тебя мне не справиться, – добавил он.

– До встречи, сэда, – промолвил Брис и торопливо вышел из комнаты.

Хотя Нифадас и Куру Кан и недолюбливали друг друга, но, будучи приспешниками короля Дисканара, поневоле принадлежали к одному лагерю. Брису, ненавидевшему всевозможные интриги, очень хотелось, чтобы лагерь этот оказался единственным.

Зал, куда явился финадд, называли Тронным лишь по привычке. Вот во Дворце Вечности парадный зал был не чета прежнему, и потолком ему служил знаменитый дворцовый

купол. Если бы не трещины в кровле, переезд завершился бы еще в прошлом году. Но теперь, когда все дыры залатали, а следы протечек скрыли под слоем новой росписи, в новую резиденцию торжественно перенесли королевский трон. Из атрибутов прежнего величия в старом зале оставалось лишь несколько шпалер, старинный ковер перед помостом и арка над тем местом, где прежде стоял трон.

Войдя в помещение, Брис увидел там только своего бывшего командира – прэду Уннуталу Хебаз. Ростом она превосходила многих женщин и была всего на полголовы ниже самого Беддикта. Хотя Уннутале шел уже сороковой год, тем не менее эта белокожая светловолосая женщина со светло-кариими глазами ничуть не растеряла своей удивительной красоты. Как ни странно, морщинки на лбу и под глазами лишь добавляли ей очарования.

– Опаздываешь, финадд Беддикт, – с легкой укоризной сказала Уннутала Хебаз.

– Мне сперва пришлось побеседовать с первым евнухом. А затем еще по пути заглянуть к сэде...

– У нас остается совсем немного времени, – прервала она объяснения Бриса. – Займешь свое обычное место у стены. Теперь, когда убрали канделябры, света здесь совсем немного. Вряд ли тебя кто-нибудь узнает. Обычный гвардеец в карауле. Что бы ни случилось, веди себя так, будто ты по-прежнему находишься под моим командованием. И не раскрывай рта.

Нахмурившись, Брис прошел к столь знакомой нише и встал, оглядываясь по сторонам. Почувствовав на плече давящую тяжесть, он обернулся и увидел рядом Уннуталу. Прэда выразительно поглядела на него, кивнула и указала глазами на дверь, находившуюся в дальнем конце зала, за помостом.

«Значит, другой лагерь все-таки существует, и сейчас я увижу, кто к нему принадлежит».

Дверь стремительно распахнулась. Сначала Брис узрел руку в кольчужной перчатке, а затем в зал вошел мужчина в шлеме и доспехах гвардии его высочества наследного принца. Воин напряженно озирался, словно ожидал обнаружить здесь засаду. Меч его оставался в ножнах, однако Брис знал: финадду Мороху Невату требуется лишь одно мгновение, чтобы выхватить его оттуда. Знал он и то, что на должность королевского защитника принц Квиллас прочил Невата, своего телохранителя.

«Пожалуй, он бы лучше меня подошел для этого. Изрядный опыт в сочетании с внушительной внешностью...»

Нарочитая резкость манер Невата раздражала Бриса, но в чем-то он откровенно завидовал этому человеку.

Финадд быстро оглядел зал и, заметив в одной из ниш одинокого гвардейца, особо вглядываться не стал: наверняка решил, что это кто-то из людей Уннуталы Хебаз, не более того. Наконец Морок сосредоточил внимание на самой прэде. Слегка кивнув ей, он отошел и встал там, где, согласно

этикету, должен был находиться во время подобных встреч.

В зал вошел принц Квиллас Дисканар в сопровождении первого советника Трибана Гноля. Затем появились еще двое участников встречи, что заставило Бриса насторожиться: королева Джаналла и Турудал Бризад, ее первый консорт (таким титулом именовался официальный любовник).

«Скиталец меня помилуй – все осиное гнездо в сборе. Или змеиное».

Квиллас, словно цепной пес, оскалил зубы на Уннуталу.

– Ты передала финадда Геруна Эберикта в свиту Нифада-са, – плаксиво произнес принц. – Я требую вернуть его назад. Найди Нифадасу кого-нибудь другого.

– Ваше высочество, вы напрасно волнуетесь. Герун Эберикт – безупречный командир. Насколько мне известно, первый евнух доволен этим выбором, – спокойно, словно нянька капризному ребенку, ответила Уннутала.

Тон первого советника Трибана Гноля был столь же невозмутимым:

– Как вы слышали, прэда, у его высочества иное мнение на сей счет. Вам надлежит уважать суждения престолонаследника.

– Суждения принца меня не касаются. В данном случае я выполняла волю его отца, которому служу. Учитывая это, я настоятельно предлагаю вам, первый советник, отказаться от требования, с которым вы сюда явились.

Морох Неват что-то прорычал сквозь стиснутые зубы и

шагнул вперед.

Уннутала Хебаз резко взмахнула рукой, но не потому, что попыталась загородиться от телохранителя принца. Ее жест предназначался Брису, уже наполовину выступившему из ниши. Рука королевского защитника сжимала рукоятку меча, который он беззвучно выхватил из ножен.

Морох скользнул глазами по Брису и не смог скрыть удивления. Его собственный клинок был извлечен из ножен только наполовину.

– Теперь понятно, почему прэда ограничилась лишь одним гвардейцем, – криво улыбнулась королева. – Подойди ближе... защитник.

– В этом нет необходимости, – все тем же ровным тоном возразила Уннутала.

Брис кивнул и вернулся в нишу, убрав меч.

Джаналла взглянула на рослую светловолосую прэду и наморщила лоб:

– Дорогая Уннутала Хебаз, ты изрядно превышаешь свои полномочия.

– Ваше величество, я действую так, как велит мне Устав. А там сказано, что королевская гвардия выполняет только приказы короля, и больше ничьи.

– Прости, если я позволила себе выпад против этих... ветхих от старости принципов, – взмахнула худенькой ручкой Джаналла. – На пергаменте все эти уставы и положения выглядят незыблемыми. А в действительности... всякая сила

постоянно рискует ослабеть.

Королева приблизилась к сыну:

– Послушайся материнского совета, Квиллас. Глупо кидаться на прэду, пока пьедестал ее еще крепок и не превратился в песок. Прояви терпение, дорогой мой.

Трибан Гноль вздохнул:

– Мудрый совет ее величества...

– Заслуживает всяческого уважения, – передразнил его Квиллас. – Как скажешь, мамочка! Как вам всем будет угодно! Морох, пошли отсюда!

Принц Квиллас и его телохранитель удалились.

– Прэда Уннутала Хебаз, мы искренне просим простить нас, – виновато улыбаясь, сказала королева. – Мы не хотели этой встречи, но мой сын настаивал. По дороге сюда мы с первым советником делали все, чтобы отговорить его.

– Увы, принц не желал слушать никаких доводов, – снова вздохнул Трибан Гноль.

– Стало быть, встреча закончена? – без тени улыбки осведомилась Уннутала.

Джаналла в молчаливом предостережении поднесла палец к губам, а затем взяла под руку первого консорта, и они направились к выходу.

Трибан Гноль немного задержался.

– Примите мои поздравления, прэда. Герун Эберикт – превосходный выбор.

Уннутала Хебаз ничего ему не ответила.

Вскоре они с Брисом вновь остались в зале одни.

– Ну до чего же ты проворный, защитник! – восхитилась она. – Я даже не слышала, как ты выхватил меч. Только почувствовала. Не вмешайся я, Морох был бы уже мертв.

– Возможно, прэда. С его стороны было ошибкой не заметить меня с самого начала.

– А Квилласу было бы некого винить, кроме себя.

Брис промолчал.

– Напрасно я тебя остановила, – заключила прэда и двинулась к выходу.

Брис проводил Уннуталу взглядом.

«Ох, Герун Эберикт, и вляпался же ты, бедняга».

Вспомнив, что сэда дожидается его возвращения, Брис тоже покинул бывший Тронный зал, в котором на сей раз удалось избежать кровопролития.

Он знал, что Куру Кан ощущает радость в каждом его шаге.

Сэда ждал Беддикта за дверью, аж пританцовывая от нетерпения.

– Пришлось пережить несколько тяжелых мгновений? – не поднимая головы, спросил маг. – Ничего, пустяки. По крайней мере, сейчас. Идем.

Миновав полсотни каменных ступеней вниз, они прошли через пыльные коридоры. Брис начал догадываться, куда ведет его сэда, и у него, как у мальчишки, замерло сердце. Об

этом месте он только слышал, но никогда прежде там не бывал. Похоже, королевского защитника допускали туда, куда скромному финадду вход был воспрещен. Брис хотел было спросить об этом у мага, но не решился.

Куру Кан привел его к замшелым дверям, обитым позеленевшими медными листами. На тяжелых створках не было ни замочной скважины, ни каких-либо запоров. Сэда приналег на одну створку, и двери с громким скрежетом открылись.

Они попали в круглое помещение. Узкие ступеньки обрывались возле некоего подобия мостика, висящего на прикрепленных к потолку цепях. Мостик вел к возвышению в центре комнаты. Пол был устлан выложенными в форме спиралей мерцающими плитками. Язык не поворачивался называть их гадательными черепками.

– Что, финадд? Трепет охватывает? Ты заслужил путешествие сюда.

Куру Кан подвел Бриса к началу мостика, который угрожающе качнулся.

– Тут важно удерживать равновесие, – пояснил сэда и развел руки в стороны. – Ты должен почувствовать, с какой скоростью надо двигаться, а это непросто, поскольку нас здесь двое.

Брис последовал примеру старика и тоже раскинул руки.
– Осторожнее. На плитки не смотри. Мы с тобой пока еще не готовы. Вначале нужно достичь возвышения... Ну, вот и

выбрались. Вставай рядом со мной, финадд. Давай вместе посмотреть на первую плитку спирали. Что ты видишь?

Брис внимательно разглядывал переливающуюся холодным светом плитку. Она была почти квадратной: две пяди в длину и чуть меньше в ширину.

Обители. Сэданса. Святая святых Куру Кана, где он и осуществлял свои прорицания. Гаданием на черепках и толкованием того, что скажут Обители, занимались по всей Лете-рии. Но черепки гадателей не превышали размеров игральных костей, да и раскладывали их обычно где придется. Таким сокровищем, как этот круглый зал, обладал только главный королевский маг. Брис сразу обратил внимание, что светящиеся плитки постоянно меняют облик.

– Я вижу могильный холм во дворе, – ответил Брис на вопрос сэды.

– Что ж, все правильно: Курган. Ты молодец. Это сразу позволяет определить, спокоен ли у человека разум. Видения беспокойного ума наполнены страхом и злобой. Курган, третья плитка в Обители Азатов, если считать с конца. А какие ты испытываешь ощущения?

– Беспокойство.

– Верно. И смятение, согласен?

– Да, пожалуй.

– Но Курган силен. Он не поддается никакому смятению.

Причина тут в другом. Беспокойство исходит снизу, из-под земли. Помнится, в прошлом месяце, как ни приду сюда,

спираль неизменно начиналась с этой плитки.

– Или заканчивалась ею.

Куру Кан вскинул голову:

– Возможно. Ум воина способен к неожиданным выводам.

Насколько важно твое наблюдение? Узнаем, и очень скоро... Начинается или заканчивается. Но если Курган неподвластен смятению, тогда почему эта плитка с таким упорством оказывается в одном и том же месте? Возможно, нам еще предстоит увидеть, что это значит. Скорее всего, беспокойство касается грядущих событий. Это предупреждение.

– Сэда, а вы бывали на месте Азатов?

– Да. Башня и подземелье пребывают в прежнем состоянии. Обитель сохраняет прочность и цельность... Теперь, финалд, давай смотреть дальше. Что ты видишь на следующей плитке?

– Ворота, образованные развернутой пастью дракона.

– Врата, пятая плитка в Обители Драконов. Как она соотносится с Курганом Азатов? Врата предшествуют Кургану или следуют за ним? Впервые за всю свою жизнь я столкнулся в раскладе с плиткой из Обители Драконов. Мы являемся очевидцами... или же вскоре станем таковыми... чего-то необыкновенного.

Брис перевел взгляд на мага:

– Мы приближаемся к Седьмому завершению. Если верить летописям, нас ожидают грандиозные события. Должна возродиться Первая империя. Преображение ждет и короля

Дисканара. Он перейдет в сонм Взошедших и примет древний титул первого императора.

Куру Кан обхватил руками плечи. И заметил:

– Распространенное верование. Но истинное пророчество, финадд... оно весьма неясное.

Слова сэды встревожили Бриса. До сих пор он не сомневался в таком истолковании Седьмого завершения.

– Неясное? И в чем же это выражается?

– В пророчестве сказано: «Король, правящий к моменту Седьмого завершения, должен преобразиться, равно как должно произойти возрождение Первой империи». Но тут сразу начинаются вопросы. Как именно преобразиться? Каким образом возродиться? Во плоти? Ведь Первая империя вместе с ее правителем были уничтожены не тут, а далеко отсюда, на другом континенте. Здешние поселения оказались брошенными на произвол судьбы. Мы очень долго жили в отрыве от остального мира. Понимаешь, финадд? Гораздо дольше, чем ты думаешь.

– Я знаю. Это длилось около семи тысяч лет.

– Язык со временем меняется, – улыбнулся сэда. – Прежние значения и понятия искажаются. При каждом очередном переписывании появляются новые ошибки. Даже верные стражи точности – цифры – могут по чьей-то небрежности в один момент трансформироваться до неузнаваемости. Хочешь, я поделюсь с тобой своими мыслями на сей счет? Что бы ты сказал, узнав, что несколько нулей попросту ис-

чезли? Допустим, это произошло в начале нынешнего Седьмого завершения.

«Неужели наша обособленность от мира длилась семьдесят тысяч лет? Или... целых семьсот тысяч?»

– А теперь опиши мне следующие четыре плитки.

Испытывая легкое головокружение, Брис заставил себя вернуться к созерцанию спирали.

– Эта мне знакома. Предатель из Пустой Обители. За ним идет... Белая Ворона из... как же их называют... Опорных плиток, то есть черепков. Вот что изображено на третьей, ума не приложу. Похоже на острые куски льда, торчащие из земли и отражающие свет. Такое ощущение, что они растут.

Куру Кан со вздохом кивнул:

– Это Семя – последняя плитка в Обители Льда. Еще одна редкая гостья, которую я никогда прежде здесь не видел. Ну а четвертая?

Брис пожал плечами:

– Мне кажется, она пустая.

– Так оно и есть. Здесь гадание заканчивается. Возможно, ему препятствуют события ближайшего будущего, поскольку выбор, который направит их в то или иное русло, пока еще не сделан. Или же эта плитка указывает на начало чего-то только-только появившегося. И концом цепи событий должна стать последняя плитка – Курган. Удивительный расклад. Просто не знаю, что и сказать.

– Сэда, а этот расклад видел еще кто-нибудь? Вы с кем-

нибудь говорили про эти... странности?

– Первый евнух знает. Я сообщил ему, что представляю, с какими неожиданностями он может столкнуться во время Великой встречи. Ну, теперь еще и ты это увидел. Получается, всего трое.

– А почему именно я удостоился такой чести?

– Да потому, что ты королевский защитник. Твоя обязанность – охранять жизнь правителя.

– Король почему-то держит меня на расстоянии, – вздохнул Брис.

– Я напомню ему еще раз, – пообещал Куру Кан. – Дисканару пора уже отказаться от своей любви к уединению. А когда он смотрит в твою сторону, никто не должен загораживать ему обзор... Теперь расскажи, к чему королева подстрекала своего сына в старом Тронном зале.

– Подстрекала? Я бы назвал это совсем другим словом.

– Не имеет значения. Расскажи, что видели твои глаза и слышали твои уши. Но важнее всего, Брис Беддикт, что шептало тебе твое сердце.

Брис опять уставился на пустую плитку.

– Халл может сильно усложнить ситуацию, – сдавленно произнес он.

– Это прошептало тебе сердце?

– Да.

– Осложнения могут возникнуть во время Великой встречи?

Беддикт кивнул.

– Каким образом?

– Боюсь, сэда, как бы мой брат не убил принца Квилласа.

Прежде этот двухэтажный дом принадлежал плотнику. На первом этаже помещалась его мастерская, а на втором – несколько неказистых жилых комнат. Наверх вела крутая скрипучая лестница. Фасадом дом выходил на канал Квилласа. Судя по причалу напротив, весь материал плотнику доставляли по воде.

Бывшая мастерская была достаточно просторной. Особенно теперь, когда отсюда вывезли верстаки и прочие необходимые приспособления. Там, где они прежде крепились, теперь чернели в полу дырки. На стенах оставались крюки, куда вешали плотницкие инструменты. Их силуэты и сейчас еще были ясно различимы, ибо стены покрывал слой пыли от опилок. В помещении до сих пор сохранялись запахи свежей стружки и разных жидкостей, которыми протравливали и покрывали древесину. Слева от двери во всю стену тянулся еще один рабочий стол, по какой-то причине оставленный здесь бывшим хозяином. Фасадная стена была устроена так, что при необходимости часть ее снималась, позволяя без труда заносить материалы или выносить готовую продукцию.

– И зачем только плотнику понадобилось продавать этот дом? – недоверчиво спросил Техол Беддикт, поглядывая на

трех женщин, стоявших возле лестницы. – Место бойкое, расположение удобное.

– Нам он сказал, что ему здесь тесно, – ответила Шанда. – Дескать, дело расширяет. Да и семья увеличилась.

– Прямо на канале... Такой домик задешево не купишь.

– Две тысячи третьяшек выложили. Мы ведь купили еще и почти всю мебель наверху. И вдобавок заказали стол. Вчера вечером его как раз притащили.

Шанда обвела рукой пространство первого этажа:

– Это твое. В смысле, пара тех стен. Проход от двери к лестнице, само собой, останется общим.

– А эта труба тоже моя? – уточнил Техол, указывая на обломок глиняной трубы, спускавшейся сверху и исчезающей в полу.

– Это кухонный слив. У них кухня была наверху. Но мы приказали все там сломать. Думаем, твой слуга прокормит нас четверых... Отхожее место на заднем дворе, опорожняется прямо в канал. Там же есть холодный погреб с ледником. Ледник, между прочим, устроен на совесть. И просторный – в нем запросто поместится целое семейство нереков.

– Богатый, видать, был плотник, – заметил Беддикт. – И рукастый.

– Еще бы! – усмехнулась Шанда. – Иначе гнул бы спину в каком-нибудь подвальчике. Идем наверх. Там и поговорим.

– Как-то мне это не нравится, – вздохнул Техол.

– Что именно тебя смущает? – удивилась лысая.

– Похоже, у вас все уже решено заранее. Зато представляю, как обрадуется Багг, когда узнает. Думаю, вы любите сушеные фиги.

– Если желаешь, можешь занять крышу, – одарив Техола лучезарной улыбкой, сказала рыжая Риссара.

Беддикт нерешительно переминался с ноги на ногу и все не торопился подниматься на второй этаж.

– Хотел бы я наперед понять, что к чему. Вы угрожаете разболтать все мои жуткие секреты, а в обмен на свое молчание требуете, чтобы я принял участие в каком-то деле. Я не имею даже смутного представления, о чем идет речь. Иными словами, вы считаете мои тайны благодатной почвой, в которую глубоко пустила корни ваша, несколько не сомневаюсь, сумасбродная затея.

Шанда нахмурилась.

– Давайте отколошматим его, чтобы стал сговорчивее, – предложила Хиджана.

Но Шанда не откликнулась на предложение подруги.

– Все проще простого, – сказала она Беддикту. – У нас есть тридцать тысяч третьяшек. Ты должен помочь нам заработать десять.

– Еще десять тысяч третьяшек?

– Десять верхушек.

Техол изумленно воззрился на лысую женщину:

– Десять верхушек? Но это же... десять миллионов третьяшек! И что вы намерены делать с такой пропастью денег?

– Нам надо, чтобы ты скупил оставшиеся острова.

Техол запустил пальцы в волосы, а затем принялся расхаживать взад-вперед.

– Ты, должно быть, спятила. Я начинал с жалкой сотни докариев и едва не откинул копыта, пока сколотил всего одну верхушку.

– А все потому, Техол Беддикт, что ты ленив и время утекало у тебя сквозь пальцы. Эту верхушку ты сколотил за год, а работал не больше одного-двух дней в месяц.

– Зато как я выкладывался в те дни! Я поминутно рисковал свернуть себе шею.

– Врешь! Ты никогда не ступал наугад. Ни разу. Ты юлил, лавировал, заставляя других идти за тобой по пятам. А они поклонялись тебе, точно богу.

– Пока ты не расправился со всеми, – добавила Риссара, улыбка которой стала еще лучезарнее.

– Юбку свою попридержи, не то сейчас упадет, – заметила Техолу Хиджана.

Он потуже затянул одеяло, служившее ему юбкой.

– Что значит «расправился со всеми»? Кто внушил вам такую дикость? Да, я сколотил себе верхушку. Но я был отнюдь не первым, кто это сделал. Просто у меня получилось куда быстрее, чем у других.

– Однако изначально ты располагал лишь сотней докариев, – усмехнулась Шанда. – Да тут даже сотни ровняшек будет мало, что уж говорить о докариях! Девчонкой я зараба-

тывала сто докариев за три месяца, собирая оливки и виноград. Никто еще не сколачивал кругленькие суммы, начав с докариев. Только ты один такой уникам.

– А теперь мы даем тебе тридцать тысяч третьяшек, – сказала Риссара. – Тряхни стариной, приятель. Приумножь эти денежки, Техол Беддикт. Тебе и десять миллионов верхушек сделать – раз плюнуть.

– Если вы думаете, что это так просто, чего же тогда сами не займетесь приумножением капитала?

– У нас нет должной ловкости и смекалки, – призналась Шанда. – Зато мы наблюдательные и упорные, нас не собьешь с пути. Натолкнувшись на твои следы, мы пошли по ним, и, как видишь, они привели нас к тебе.

– Не оставлял я никаких следов.

– Это ты другим рассказывай. Говорю тебе, мы умеем быть наблюдательными.

Техол продолжал мерить шагами пыльные доски пола.

– Обменная гильдия оценивает все богатства Летераса в сумму от двенадцати до пятнадцати верхушек. Возможно, есть еще пять неучтенных, так сказать тeneвых.

– И одна из этих пяти твоя?

– Не забывайте, моя была списана.

– Ага, пока не пролилось целое море кровавой мочи. К докариям на дне канала было прицеплено десять тысяч проклятий, и на всех – твое имя.

– Ты серьезно, Шанда? – встрепенулась Хиджана. – Мо-

жет, нам нужно было пошустрить там?

– Поздно, красавица, – ответил ей Техол. – Их уже заграбастал Бири.

– Мы и про Бири все хорошенько разузнали, – невозмутимо сказала Шанда. – Он, как у вас говорят, подставное лицо. Вполне может и не знать, что работает на тебя.

– Если так, то мне еще нужно со всем этим разобраться.

– Зачем? – спросила Шанда.

Техол пожал плечами, потом резко остановился и повернулся к лысой женщине:

– Ты никоим образом не могла разузнать об этом. Ни при каком раскладе.

– Ты прав, – не стала спорить она. – Я просто догадалась.

Глаза Техола удивленно распахнулись.

– Да с таким чутьем, Шанда, тебе сколотить десять верхушек – плевое дело. Зачем я вам сдался?

– Ты не делаешь ложных шагов, Техол Беддикт. Потому тебе всегда и удавалось дурачить людей. Да никому и в голову не придет, что на самом деле ты припрятал свою верхушку. Ясное дело, что ты разорился, иначе не жил бы сейчас, как крыса, у которой нет ничего, кроме собственного хвоста. Ты потерял свои денежки! Где? Этого никто не знает. Но где-то потерял. Потому с тебя и списали всю сумму. Что, скажешь, не так?

– Деньги – это всего лишь фикция, фантазия, ловкость рук, – кивнул ей в ответ Техол. – А вот если у вас появятся,

скажем, бриллианты, тогда деньги уже перестают быть абстракцией. Если желаете, я расскажу вам про изнанку этой игры. Все проще простого. Поймите: даже намек на деньги – это уже сила. Да вот только она ненастоящая. Обещание силы, скажем так. Но вполне достаточно и обещания, пока все верят в него. Перестанут верить – и оно разлетится в прах.

– Если только у тебя в руках не было бриллиантов, – задумчиво сказала Шанда.

– Точно. Тогда это реальная сила.

– Стало быть, ты догадался об этом? И решил проверить. И сперва все было замечательно, а потом рассыпалось. Оказалось на грани краха.

– А теперь представь, какое я пережил потрясение, – улыбнулся Техол.

– Да не было никаких потрясений, – оскалила зубы лысая. – Ты просто увидел, какой опасной может стать идея, попав в дурные руки.

– Все руки дурные, Шанда. Включая и мои собственные.

– И потому ты ушел со сцены?

– Ага, и возвращаться обратно не намерен. Запугивать меня бесполезно. Делайте что угодно. Можете сообщить правду Халлу, пусть он обо всем узнает. Можете трезвонить на каждом углу, рассказать обо мне каждому встречному и поперечному. Но то, что по закону списано, невозможно законным образом восстановить. Такого Обменная гильдия не допустит. Так что, пожалуйста, поднимайте шумиху. Все лишь

облегченно вздохнут, узнав, что их обвели вокруг пальца и что никакой кругленькой суммы на самом деле не было и в помине.

– Нам не нужна шумиха, – поморщилась Шанда. – Ты до сих пор не понял. Когда мы скупили оставшиеся острова, то сделаем то же, что сделал в свое время ты, Техол. Десять вершушек... вдруг исчезнут.

– Но тогда вся экономика Летерии рухнет.

– Вот именно! – Все три женщины радостно закивали.

– Вы что, сумасшедшие?

– Даже еще хуже, – заверила его Риссара. – Мы мстительницы.

– Вы ведь все полукровки? – Молодой человек не нуждался в их ответах. Он и так знал, что далеко не всегда полукровки внешне отличаются от чистокровных летерийцев. – Хиджана, я так понимаю, фарэдка. А Шанда и Риссара, наверное, из тартеналей?

– Да, ты угадал, – кивнула лысая женщина. – Летерия уничтожила нас, и теперь мы намерены уничтожить Летерию.

– А ты покажешь нам, как это делается, – добавила Риссара, одарив Техола еще одной улыбкой.

– Я? – изумился он. – Но почему?

– Да потому, что ты ненавидишь своих соплеменников, – пояснила Шанда. – Всех этих хладнокровных хищников и мерзавцев. Техол, нам очень нужны оставшиеся острова. Мы ведь знаем: ты переселил остатки племен на те, что купил.

Они живут там, не высовывая носа. И пытаются заново построить то, что потеряли. Но этого мало. Пройдись по улицам Летераса – неприкрытая правда на каждом шагу. Гордые воины превратились в спившихся оборванцев и попрошайек. Ты ведь сделал это для Халла. Я и не подозревала, что твой старший брат ничего не знает про твою затею. Признаться, ты меня очень удивил. По-моему, тебе нужно все ему рассказать.

– Зачем?

– У него душа изранена и нуждается в исцелении.

– Я не могу, – ответил молодой человек.

Шанда подошла к нему и положила руку на плечо. У Беддикта аж ноги подкосились от столь неожиданного проявления сочувствия.

– Ты прав, пока не можешь, – сказала лысая женщина. – Мы ведь оба понимаем: этого недостаточно.

– Твой брат должен быть в курсе наших замыслов, – встала Хиджана. – А тебе, раз уж ты теперь все знаешь, пора уже перестать упираться и начать нам помогать. У тебя есть вторая попытка: на этот раз сделай все правильно.

Техол высвободился из-под руки Шанды и слегка отступил назад. Он изумленно смотрел на женщин: да уж, с такой напористостью можно горы свернуть.

– Не знаю, чем Халл прогневал Скитальца, но, похоже, мой брат обречен вечно ходить по одним и тем же тропам, не в силах свернуть с них. А что касается вашей троицы... Вы

шли по следу, не позволяя себе ни единого взгляда в сторону. Похвальное свойство. Но у него есть и обратная сторона: вы не замечаете, как меняется окружающий мир.

– Ты это о чем толкуешь? – не поняла Шанда.

– Да о том, что Летерия находится на грани падения, и отнюдь не из-за моих действий. Разыщите Халла и спросите у него сами. Уверен, он бродит где-то на севере. Поговорите с ним, и вас многое удивит. Халл храбро сражался за ваших соплеменников. За все племена, поглощенные Летерией. И сейчас мой брат готов биться снова. Только на сей раз он будет сражаться за Летерию. Знаете почему? А потому, дорогие мои подружки, что тисте эдур оказались достойными противниками. И вовсе не мы их, а они нас намерены поработить.

– С чего это ты взял? – недоверчиво спросила лысая женщина. – Или, может, опять решил задурить нам голову?

– Нет, Шанда. Мне нет смысла этим заниматься. Тисте эдур, как и мы, играют не по правилам. Вернее, они сами устанавливают правила и сами меняют их, когда понадобится.

– А если ты ошибаешься?

– Не стану отрицать, я вполне могу и ошибаться. Но в любом случае грядущие события будут весьма кровавыми.

– Тогда мы должны помочь тисте эдур.

– Шанда, твои разговоры пахнут государственной изменой, – усмехнулся Техол.

Женщина поджала губы.

– Дурень! – раскатисто засмеялась Риссара. – А чем мы, по-твоему, занимаемся?

«Скиталец меня возьми! Они правы».

– Пожалуй, тисте эдур и не мечтали о таких союзницах! Вряд ли они сами справились бы с этим лучше вас.

– Плевать нам на то, кто бы справился лучше или хуже, – отрезала Шанда. – Мы говорим об отмщении. Подумай о Халле, обо всем, что с ним случилось. Пора действовать, Техол Беддикт!

«Сомневаюсь, что Халлу происходящее видится под таким углом, – подумал Техол. – Он сильно изменился, причем уже давно».

– Послушайте, мстительницы. Я столько времени возвращал в себе равнодушие к жизни, безразличие к любым событиям. Мне казалось, я добился в этом определенных успехов.

– Ага, кое-чего добился. Стоишь рядом с тремя красивыми женщинами, а из-под твоей юбочки ничего не выпирает.

– Я имею в виду, что растерял деловые навыки.

– Не болтай чушь, Техол Беддикт. Талант и интуицию не задавишь. Просто они дремали и ждали своего времени. Час настал. Итак, с чего начнем?

Техол вздохнул, как вздыхает человек, уставший противиться судьбе:

– Перво-наперво мы сдадим внаем нижний этаж. Бири не хватает места под склады. Он охотно клонет.

– А как же ты?

– Мне нравится мое жилище, и я не намерен его покидать... Теперь слушайте дальше. Никто не должен знать, что я ввязался в игру. Никому ни единого намека. Поняли? Иначе мы все провалим. На виду будете только вы. И уберите подалее свои мечи и кинжалы. Мы затеваем куда более опасную войну, где воюют другим оружием. Напротив моего дома притулились бездомные нереки: мать и двое детей. Мать возьмете к себе кухаркой и прачкой, а ребяташки будут у вас на посылках. Затем приоденьтесь и отправляйтесь в Обменную гильдию. Пусть вас там запишут по всем правилам. Скажете, что занимаетесь недвижимостью, строительством и перевозите грузы. Этого пока хватит. Сейчас можно дешево купить семь строений вблизи пятого крыла Дворца Вечности.

– Слыхали, – поморщилась Шанда. – Земля там плышет.

– Верно. А мы все исправим и сделаем так, что здания будут стоять, как на скале. И когда это случится, ждите, что к вам пожалуют королевский землемер и толпа обнадеженных зодчих. Вот так вы начнете богатеть.

«Хотите, чтобы пятое крыло дворца не проседало? Предлагаем надежный способ старины Багга. Пятое крыло простоит... нет, не века. Но по крайней мере до тех пор, пока кровавые потоки не сметут весь наш мир».

– Техол, купить тебе что-нибудь из одежды? – вдруг предложила Шанда.

– Зачем? – удивленно заморгал он.

Серена глядела вниз. Зубчатка леса спускалась в долину. Там в редких просветах между деревьями поблескивала вода. Тисте эдур называли эту реку Т'ис-форундаль – «кровь гор». Железная руда придавала ее водам красноватый оттенок.

Эта река еще не раз пересечет им дорогу.

На берегу застыл воин тисте эдур. Казалось, он появился прямо из красновато-коричневых вод. Постояв еще какое-то время, воин выбрался на дорогу и пошел вверх, по направлению к каравану.

«Словно бы заранее знал, что мы здесь», – подумала Серена.

Бурук Бледный не очень-то спешил. Вскоре после полудня он велел остановиться, а спуск в долину перенес на завтра. Трудно сказать, что было тому причиной: излишняя предосторожность или пьяное безразличие. В любом случае остаток дня, вечер и ночь они проведут здесь.

Халл стоял рядом с женщиной. Они оба следили глазами за приближающимся тисте эдур.

– Серена?

– Что?

– Ты плакала ночью.

– Я думала, ты спишь.

Халл ответил не сразу.

– Твой плач всегда меня будил.

«И это все, что ты решаешься мне сказать?»

– Жаль, что твой никогда не будил меня, – парировала она.

– Разбудил бы, если бы я умел плакать.

«Только стало бы мне от этого легче?» – подумала Серена и резко переменяла тему:

– Тебе знаком этот тисте эдур?

– Да.

– От него можно ждать беды?

– Едва ли. Думаю, он будет нашим провожатым в земли хиротов.

– Он из числа их знати?

– Да, – кивнул Халл. – Его зовут Бинадас Сенгар.

Серена помешкала, но все-таки спросила:

– Ты совершал с ним ритуал братания?

– Да. Мы оба надрезали себе запястья.

Серена Педак поплотнее закуталась в плащ. Ветер оставался безжалостно холодным и пронизывающим насквозь, а из долины вдобавок тянуло гнилью и сыростью.

– Халл, тебя страшит грядущая Великая встреча?

– Чтобы увидеть, что ждет нас впереди, достаточно оглянуться назад.

– Ты так уверенно об этом говоришь?

– Мы купим мир, но для тисте эдур он будет тяжким.

– И тем не менее это мир.

– Аквитор, я не собираюсь скрывать от тебя свои замыслы... Я намерен сорвать переговоры и склонить тисте эдур к войне с Летерией.

Серена ошеломленно уставилась на собеседника.

– А теперь, когда ты знаешь правду, можешь делать что угодно, – сказал Халл Беддикт, поворачиваясь к ней спиной.

Глава третья

*Лицом к Свету,
Преданный Тьмою,
Лежит Отец-Тень
И кровью исходит.
Закреты глаза,
И сам он невидим,
Пока его дети
На путь не вернуться
И снова его не разбудят.
Молитва тисте эдур*

Плотная тишина была под стать густому, непроницаемому туману и казалась совершенно естественной. Гребцы извлекли весла из вязкой, словно кровь, воды, и она стекала по черному дереву сначала ручейками, а потом каплями и высыхала, оставляя на блестящей поверхности соляной налет. Прохладный воздух замер. Теперь оставалось только ждать.

Дочь Зари Менандора с самого утра преподнесла зловещее знамение – труп бенедского воина. Распухшее тело, опаленное магией и изуродованное морскими хищниками, выбросило на берег. Покойника обнаружили рабы. Сognaв с него рой наглых черных мух, они отнесли труп в деревню.

Воина убило летерийской магией. Он был без доспехов и оружия. Этот человек явно отправился порыбачить. А нашел свою смерть.

Вскоре из речного устья вышли в море четыре быстроходных к'ортанских баркаса. На переднем плыли Ханнан Мосаг, его к'риснаны и семьдесят пять чистокровных воинов, а в остальных – еще триста воинов.

Какое-то время суда несла сила отлива. Потом она иссякла. Ветер так и не появлялся. Тисте эдур спустили треугольные паруса и налегли на весла. Гребли до тех пор, пока король-колдун не приказал остановиться.

Туман плотно окутывал все четыре баркаса, ограничивая видимость двадцатью весельными ударами. Трулль Сенгар сидел позади Фэра, сжимая в руках новое копьё, подаренное отцом.

Трулль чувствовал: летерийские корабли где-то поблизости. Как и их собственные баркасы, покачиваются на волнах. Правда, в отличие от к'ортанских судов, они не имели весел. Безветрие делало их неподвижными. Но ветра в ближайшее время не будет. Так сказал Ханнан Мосаг, а королю-колдуну виднее.

Над палубой витали духи Тени, чьи когтистые руки тянулись во все стороны. Им не терпелось скорее покинуть незримые границы. Такого скопления призраков Трулль еще не видел. Столько же их кружилось над палубами остальных трех баркасов? Но не им предстояло стать истребителями летерийцев. Для этого король-колдун вызвал иную силу.

Трулль ощущал ее присутствие где-то поблизости, в морских глубинах. Сила эта была исполнена безграничного тер-

пения.

Ханнан Мосаг прошел на нос баркаса и медленно поднял руку. Глядя туда, куда указывал король, Труль разглядел борт летерийского судна. Силуэт вражеского корабля становился все отчетливее. Паруса на мачтах безжизненно обвисли. Вокруг фонарей застыли круги тусклого желтого света.

Вскоре из тумана появилось и второе судно. С первым его связывал толстый канат. Возле обоих кораблей сновали акулы.

И вдруг акулы плавники исчезли. Все до единого.

Что-то медленно и неотвратно поднималось на поверхность. Вода вокруг кораблей забурлила. Еще мгновение – и воздух наполнился пронзительными криками.

Бросив копье, Труль плотно зажал уши. Так же поступали и другие воины, ибо страшные вопли, несущиеся из глоток беззащитных летерийцев, слышать было невыносимо.

Туман осветился короткой вспышкой магического огня.

Летерийские корабли теснились со всех сторон, но глаза тисте эдур не видели происходящего на их палубах. Там все было окутано клубами тумана, ставшего черным. Сквозь него прорывались только крики, превратившиеся теперь в вопли ужаса и отчаяния.

Сколько бы Труль ни зажимал уши – звуки вонзались ему в мозг. Сотни голосов. Нет, тысячи.

И вдруг воцарилась тишина. Абсолютная тишина, давящая своей тяжестью.

Ханнан Мосаг опять взмахнул рукой. Завеса тумана мгновенно исчезла.

С голубых небес ярко светило солнце. Подувший ветер поднял легкую зыбь. Туман разошелся и над летерийскими кораблями. Фонари на их мачтах погасли.

– Весла на воду!

Труллю показалось, что голос Ханнана Мосага раздался совсем рядом, едва ли не над самым его ухом. Но раздумывать над этой странностью было некогда. Вместе с остальными воинами он обеими руками схватился за весло, опустив его за борт.

Баркас понесся вперед.

Вскоре король-колдун велел прекратить грести. Весла оставались в воде. Баркас причалил к одному из вражеских кораблей. Духи Тени ринулись на залитую кровью палубу.

Труль заметил, что посадка судна изменилась. Казалось, его трюмы внезапно опустели.

– Фэр, что это такое случилось с кораблем? – шепотом спросил Труль.

Брат повернулся к нему. Его лицо было совсем бледным. От неожиданности Труль даже вздрогнул.

– Нас это не касается, – произнес Фэр, снова поворачиваясь спиной.

«Да неужели? И кого же это тогда касается? И зачем в таком случае мы вообще сюда плыли?»

Вокруг летерийского корабля виднелись мертвые акулы.

Казалось, хищниц разорвало изнутри. Вода была красной от их крови и осклизлых внутренностей.

– Мы возвращаемся, – объявил Ханнан Мосаг. – Воины, разверните паруса по ветру. Мы узрели это своими глазами. Теперь пора возвращаться.

«Во имя Отца-Тени, да что же такое мы видели?»

На летерийских кораблях лопались надутые ветром паруса.

«Теперь духи Тени поглотят их, – подумал Трулль. – Клянусь сумерками, Ханнан Мосаг не просто показал летерийцам нашу силу. Он... бросил им вызов».

Вызов был настолько дерзким, что намного превосходил наказание, которое заслужили летерийцы, явившиеся сюда бить тюленей. Пока Трулль смотрел, как воины разворачивают парус, его обожгла новая мысль: «Кто же послал сюда эти девятнадцать летерийских кораблей, заранее зная, что они обречены? И почему матросы согласились плыть навстречу собственной гибели?»

Трулль не раз слышал, что ради золота летерийцы готовы на все. Но кто в здравом уме отправится за богатством туда, где его ждет верная смерть? Они наверняка знали, что в случае чего им не уйти.

«А если бы я не наткнулся на них? – следом подумал Трулль. – Ведь я мог отправиться за нефритом и на другое побережье, и тогда...»

Впрочем, что за высокомерные рассуждения? Если бы

не он, то кто-то другой обязательно увидел бы летерийских захватчиков. Преступление никогда не остается незамеченным. И это правильно.

И все же Труллю, как и другим воинам, было не по себе. Что-то пошло наперекосяк, причем не только у летерийцев. У тисте эдур, включая их короля-колдуна Ханнана Мосага, тоже.

«Наши тени пляшут – тени летерийцев и тисте эдур. Они явно исполняют какой-то ритуал, но движения мне незнакомы. Не гневайся, Отец-Тень, но мне страшно».

Девятнадцать мертвых кораблей плыли на юг. А четыре к'ортанских баркаса отправились на восток, неся на борту почти четыре сотни молчаливых воинов тисте эдур.

Приготовлениями к погребению занимались рабы. Труп бенедского воина отнесли на площадку напротив одного из строений, примыкающих к крепости, где опустили на песчаное ложе и оставили, давая воде вытечь.

Рабы очистили глазницы, уши, ноздри и широко раскрытый рот убитого и заполнили все это мягким воском. Раны и телесные изъяны скрыли под слоем глины, перемешанной с маслом.

Шесть вдов тисте эдур следили, как в особой канаве на углях разогревается тяжелый железный противень с монетами. Ими покроют все тело покойника. Монеты были медными. Они шипели и потрескивали, отдавая жару последнюю

влагу.

Удинаас примостился на корточках возле канавы, внимательно следя, чтобы ни одна капелька его пота ни в коем случае не упала на монеты. Подобное считалось у тисте эдур святотатством, и раба, проявившего небрежность, убивали на месте. Монеты нагревались и постепенно темнели. Затем в середине каждой появилась светящаяся точка. Ловко орудуя щипцами, Удинаас принялся вытаскивать монеты, укладывая их на подносы из обожженной глины. Подносов было шесть – по числу вдов, участвующих в церемонии.

Одна вдова, опустившись на колени, своими щипцами (они были меньше и тоньше) подхватила монету, после чего склонилась над трупом.

Первая монета легла в левую глазницу убитого. Воск зашипел, вверх поползли колечки дыма. Женщина прижимала монету до тех пор, пока та не вплавилась в кожу. Теперь можно не опасаться, что она сдвинется с места или упадет. Вторую монету вдова опустила на правую глазницу. Затем настал черед ноздрей, лба и щек. Здесь монеты ложились впри-тык, соприкасаясь между собой.

Когда они покрыли всю переднюю часть тела, бока, руки и ноги, труп полили расплавленным воском. Воску дали застыть, после чего убитого перевернули на живот. Церемония повторилась. Единственными местами, свободными от монет, были ладони и пятки.

Одевание мертвеца в монетный панцирь длилось почти

весь день и закончилось незадолго до наступления сумерек. Только тогда Удинаас разогнул затекшую спину. Он стоял наклонив голову, а прохладный ветер сдувал с кожи капельки пота. Летериец стал отплевываться, пытаясь удалить изо рта тошнотворный привкус жженой плоти и еще более отвратительный запах горелых волос. Увы, зловоние осело в его порах. Как ни отмывайся, сколько благовонного масла ни втирай себе в кожу, оно все равно останется. Удинаас не впервые готовил покойников к погребению и знал, что полностью этот жуткий запах исчезает лишь через несколько дней.

Он стоял, уставившись на землю у себя под ногами. Плечо все еще болело после магического исцеления Уруты. С той проклятой ночи ему так и не представилось случая поговорить с Ведьминым Перышком.

Хозяевам своим Удинаас почти ничего не сказал. По правде говоря, они особо и не донимали раба, вполне удовлетворившись его довольно бессвязными объяснениями. Он знал, что Урута потом расспрашивала также и Ведьмино Перышко. Интересно, отнеслась ли она к ответам девушки с таким же безразличием, как и к его собственным? Тисте эдур редко уделяли внимание своим невольникам и еще меньше понимали особенности жизни летерийцев. Обычное поведение хозяев. А извечная судьба рабов – страдать от их равнодушия.

Однако не так-то просто раздавить личность. Она сохра-

нялась, только пряталась где-то глубоко внутри. Свобода виделась Удинаасу чем-то вроде грязной сети, накинутой на клубки и клубочки взаимоотношений, одни из которых человек наматывал сам, тогда как другие создавались без его участия. Убери эту сеть – и мало что изменится; разве что исчезнет ложное самоуспокоение. Хороша свобода, когда ты с рождения опутан долгами!

«Твоя ли это воля, Скиталец, что мы представляем собой этакое причудливое переплетение клеток и все, что бьется и порхает внутри каждой из них, знает лишь одну свободу – смерть?»

Завоеватели всегда думают, будто вместе с властью над телами поработенных народов они получают также и власть над их умами и душами. Еще они полагают, что могут подавить личность, растворить ее в своем укладе жизни. Но на самом деле это не так, личность можно убить лишь изнутри, да и то далеко не всегда. Сколько же с этим связано заблуждений...

За спиной Удинааса раздалась скорбная песня: «Хаанн, хаанн, хаанн...» Она доносилась из строения, где теперь находились вдовы. Эти заунывные звуки всегда леденили лете-рийцу кровь. Он почему-то сразу представлял себе отчаявшегося человека, который устал биться о стену, но все равно продолжает это делать. Голоса были похожи на стоны душ, пребывающих в вечной ловушке. А мир обрушивал на них свои вечные истины. Тисте эдур не столько оплакивали по-

гибшего, сколько горевали о том, что все мы смертны.

Наверное, им, живущим сотни лет, никак не свыкнуться с мыслью, что иногда жизнь бывает скоротечной и обрывается раньше срока.

Вдовы покинули дом и теперь окружили труп бенедского воина, прислоненный к особому столбу. Нижняя часть тела убитого скрывалась в клубящихся тенях. Человек из медных монет. Погребение – единственное, на что тисте эдур использовали деньги. В зависимости от положения умерший обретал «доспехи» из медных, латунных, бронзовых, железных, серебряных или золотых монет.

«В этом тисте эдур, по крайней мере, честны, – думал Удинаас. – Они платят деньги смерти. Летерийцы же на деньги покупают жизнь. Впрочем, не совсем так. Скорее они покупают иллюзию жизни. Богатство – доспехи жизни, цепь ее крепостей, армия, всегда готовая к сражению. Но всем этим врага не обманешь. Враг знает, что на самом деле ты беззащитен».

«Хаанн, хаанн, хаанн...»

Наступил час Шельтаты Всеведущей – Дочери Сумерек. Пора, когда мир теряет свои очертания и определенность. Свет уходит, воздух утрачивает прозрачность. Раскрываются все потаенные стороны, все изъяны света и тьмы, столь тщательно скрываемые в иное время. И тогда оказывается, что трон... пуст.

«Почему бы не уверовать в деньги и не поклоняться им?»

Награды для принявших эту веру очевидны и приходят почти сразу же».

Удинаас мысленно усмехнулся. Такое простое объяснение не соответствовало летерийской действительности. В столь грубом и откровенном виде культ денег существовал лишь для нищих. У остальных поклонение имело куда более утонченные проявления и облекалось в пышные одежды этических принципов и правил, созданных для приумножения богатства. Летерийцы говорили не о стремлении загрести побольше, а об усердии и порядке, трудолюбии и надеждах на светлое будущее. Слава и успех всегда имели имена, что делало стремление к богатству еще более притягательным. Но у каждой добродетели была своя порочная противоположность: лень, расхлябанность, мрачные воззрения на грядущий день. И естественно, провалы и бесславие, которые стыдились огласки. Мир достаточно жестко отделял одно от другого, не оставляя места сомнениям и просто заблуждениям. Вера нередко становилась прагматичной, а прагматизм – бог с холодным сердцем.

«Скиталец, сделай нас богами с холодным сердцем, дабы мы действовали, ничего не стесняясь». Эти слова вполне могли бы стать летерийской молитвой, хотя никто не отважился бы произнести их вслух. Ведьмино Перышко утверждала, что каждый наш поступок является молитвой и потому в течение дня мы молимся и служим разным богам. Вино, белый нектар, дурханг и подобные им зелья – это молитва

смерти. Так говорила юная ведьма. Любовь она называла молитвой жизни, месть – молитвой демонам справедливости. Помнится, кто-то спросил ее, чем является договор, скрепленный печатью. Ведьмино Перышко слегка улыбнулась и ответила, что это – тоже молитва, но, как она выразилась, «нашептывающему иллюзии». Добавление к числу потерь и лишений еще одного, внешне выглядящего как приобретение. Взаимный обман, сплетенный руками обеих сторон.

«Хаанн, хаанн, хаанн...»

Удинаас поежился. Стоять на ветру в мокрой от пота одежде было холодно.

Со стороны моря донесся боевой клич. Это возвращались воины, поутру отплывшие на к'ортанских баркасах. Удинаас пересек площадь, направляясь к дому Сенгаров. Навстречу ему попались Томад и Уруга. Летериец поспешно опустился на колени, прижался головой к земле и стоял так, пока хозяйка не прошли. Затем он вскочил и двинулся к входу, предназначенному для рабов.

Погребальный обряд тисте эдур отличался продолжительностью. С наступлением темноты воина в «доспехах» из монет уложат в выдолбленный ствол черного дерева, концы которого плотно забьют толстыми дисками из кедра. Через шесть дней покойника отнесут в одну из священных рощ, где и похоронят. А пока, все эти шесть дней, вдовы будут по очереди петь над ним заунывные погребальные песни, не умолкая ни на мгновение.

Удинаас вошел в свою тесную каморку, где его ждала спальная подстилка. Он лег и представил себе, как в неясном сумеречном свете к причалу один за другим подходят к'ортанские баркасы. Воины вернулись с победой. Иного от них и не ждали. На девятнадцати летерийских кораблях в живых не осталось никого. И никого из нарушителей договора не взяли в рабство. Стоя по обоим берегам канала, зная тисте эдур сейчас приветствует своих воинов. Но молча, поскольку в деревне совершается погребальный обряд.

«И не только поэтому, – вдруг подумал Удинаас. – Стучилось что-то... ужасное».

Он лежал, впериw взгляд в косой потолок и чувствуя в горле комок. А потом вдруг услышал в шуме крови, бегущей по жилам... странный звук, который слабым эхом отдавался у него в сердце. Точнее, чередование звуков: «Хаан-ханн, хаан-ханн, хаа-хаа, хаан-ханн, хаан-ханн, хаа-хаа...»

– Кто ты? – испуганным шепотом спросил Удинаас. – Чего ты ждешь? Что тебе надо от меня?

Труль выбрался на берег. Тупой конец его копья, окованный железом, чиркнул по каменным плитам, выбив искры. Труль встал рядом с Фэром. Напротив них, в пяти шагах, стояли Томад и Урута. Рулада нигде поблизости видно не было.

Как не было среди присутствующих и Майены.

Украдкой взглянув на старшего брата, Труль заметил,

что тот шарит глазами по толпе встречающих. Потом Фэр шагнул навстречу отцу. В лице его ничто не изменилось.

– Майена вместе с другими девушками сейчас в лесу, – сказал Томад, предвидя вопрос сына. – Собирают листья мброка. Их охраняют Терадас, Мидик и Рулад.

– С возвращением, сынок.

Урута подошла ближе, взглядываясь в лицо Фэра. В ее глазах был немой вопрос: «Что он сделал?»

Фэр понял, о чем спрашивает мать, и покачал головой.

– Они умирали в бесчестии, – промолвил Трулль. – Мы не видели, чья рука принесла им смерть, но это было... чудовищно.

– А добытые ими тюлени? – поинтересовался Томад.

– Их, отец, забрала та же рука.

В глазах Уруты вспыхнул гнев.

– Значит, это было не полное раскрытие магического Пути, а... призывание демонов.

Трулль нахмурился:

– Мама, о чем ты говоришь? Там были тени...

– И тьма, – вмешался Фэр. – Тьма из глубин.

Урута скрестила руки и отвернулась. Трулль впервые видел мать столь подавленной.

И в его сердце также нарастало смятение. Молодой человек знал, что для атаки на летерийские корабли Ханнан Мосаг задействовал едва ли не всю доступную ему силу Куральда Эмурланна. Сила Тени проявлялась по-разному. Из

четырёх сыновей Уруты только Бинадас пошел тропой магии. И тем не менее слова матери имели смысл и для Трулля. Они пробудили в нем понимание, общее для всех тисте эдур, независимо от того, насколько те причастны к чародейству.

– Получается, магия Ханнана Мосада управлялась не Куральдом Эмурланном!

Слова эти вырвались у Трулля против его воли. До него только сейчас дошло то, что Фэр понял еще в море, а Урута безошибочно прочитала по лицу старшего сына.

Трулль досадливо поморщился.

– Простите мне эти глупые слова, – торопливо промолвил он.

– Глупо было лишь произносить их вслух, – сказала Урута. – Фэр, бери Трулля и Рулада. И отправляйтесь к Каменной чаше.

– Не сейчас. – Голос Томада звучал сурово, а взгляд его был мрачен. – Сыновья вернутся в дом и будут дожидаться меня. А ты, Урута, помоги вдовам. Павшему воину положено встречать свои первые сумерки в окружении соплеменников. И нужно сделать щедрое приношение Шельтате Всевидящей.

Трулль рассчитывал услышать от матери возражения, но Урута молча поджала губы, кивнула и направилась к вдовам.

Фэр подозвал брата, и они пошли домой, оставив отца одного на берегу канала.

– Непростые времена наступают, – заметил Трулль.

– По-твоему, есть нужда вставать между Руладом и Майеной? – вдруг спросил Фэр.

Труль стиснул зубы. Вопрос застал его врасплох, и он не знал, что тут можно сказать.

Фэр истолковал его молчание как положительный ответ. И уточнил:

– И за кем же из них ты следишь?

– Я... прости, Фэр. Ты так неожиданно спросил. Я понимаю, о чем ты. Ты хочешь знать, нужно ли это? Не знаю. Но у меня правда не было никаких задних мыслей.

– Ясно.

– Просто меня раздражает, когда Рулад распускает хвост перед Майеной...

Фэр ничего не сказал.

Братья молча подошли к дому.

– Фэр, а что это за Каменная чаша такая? Я прежде о ней не слышал.

– Не важно, – коротко ответил Фэр и вошел в дом.

Труль остановился на пороге. Сам не зная зачем, он провел рукой по волосам, а затем оглянулся назад. Воины и встречающие уже разошлись. Ханнан Мосаг и его к'риснаны тоже ушли. Только Томад все еще стоял на берегу канала.

«Неужели мы настолько отличаемся от других? – подумал Труль. – Выходит, что да, иначе король-колдун не решил бы послать сыновей Томада на поиски таинственного ледяного копья. Ханнан Мосаг сделал нас своими служителями. Но

действительно ли хозяин – он сам?»

Удинаасу снилось, что он стоит на коленях среди пепла. Его руки и ноги были все в порезах и кровоточили. Пепел набивался в раны, будто хотел отведать крови. Тяжесть в горле заставляла судорожно глотать воздух. Кое-как молодой человек сумел подняться на нетвердые ноги. Небо над ним гудело и полыхало.

Огонь. Огненная буря.

Удинаас закричал и вдруг обнаружил, что опять стоит на коленях. Вокруг было тихо, он слышал лишь свое сбивчивое дыхание. Буря миновала.

По равнине брели какие-то путники, и пыль шлейфом вилась за их ногами. Кто они? Воины, изуродованные в бою? У многих вместо рук болтались обрубки с торчащими наружу жилами. Невидящие глаза; лица, искаженные страхом. Страхом собственной смерти. Не замечая Удинааса, они брели мимо.

А у него внутри нарастало и поднималось ощущение безмерной потери. Ощущение горя, сменившееся едва различимыми словами о предательстве.

«Кто-то за все это заплатит, – звучало в мозгу Удинааса. – Кто-то непременно заплатит... Кто-то... Кто-то...»

Слова были чужими, равно как и мысли; однако голос его собственный – в этом не было никаких сомнений.

С Удинаасом поравнялся высокий и чернокожий мертвый

воин, которому мечом снесло почти все лицо. Из зияющей раны торчали растрескавшиеся обломки костей. Раб надеялся, что и этот увечный тоже пройдет мимо, не обратив на него внимания. Но незнакомец едва заметно взмахнул закованной в металл рукой и... ударил Удинааса в голову. Брызнула кровь. Удинаас рухнул в пепел, морщась от обжигающей боли.

Затем он почувствовал на левой лодыжке хватку железных пальцев. Его бесцеремонно дергали за ногу. А потом изуродованный воин куда-то его поволок.

– Куда ты меня тащишь? – закричал Удинаас.

«Госпожа сурова», – прозвучал в мозгу ответ чернокожего воина.

– Какая еще госпожа?

«Та, что сурова».

– И она ждет там, куда ты меня несешь?

«Она не из тех, кто ждет».

Удинаас с трудом повернул голову, оглядываясь назад. За ними, уходя к самому горизонту, тянулась широкая борозда. Она напоминала свежую рану, заполненную черной кровью.

«Сколько времени он уже меня тащит? И кого я ранил?»

Послышался грохот копыт.

«Она приближается», – сообщил воин.

Удинаас перевернулся на спину, слясь приподнять голову.

Раздался пронзительный крик. Неведомо откуда взяв-

шийся меч перерубил чернокожего воина пополам. Рука, пленившая Удинааса, откатилась в сторону. Совсем рядом, громыхая копытами, пронеслась лошадь.

От всадницы исходило ослепительное сияние. Меч в ее руке сверкал, как молния. Другая рука сжимала обоюдоострый боевой топор, с лезвия которого капал расплавленный металл. Конь женщины... был не чем иным, как конским скелетом, облаченным в пламя.

Незнакомка осадил скакуна и развернула его. Лицо ее походило на золотую маску. Вместо волос над головой поднимались золотистые чешуйки. Обе руки застыли с поднятым оружием.

Удинаас встретился со всадницей глазами. Ему захотелось спрятаться, зарыться в пепел. Но вместо этого он вскочил на ноги и побежал прочь.

За спиной тяжело стучали копыта огненного коня.

Менандора! Дочь Зари...

Впереди валялись распростертые тела воинов, недавно проходивших мимо Удинааса. На их ранах плясали языки пламени, источая вялые струйки дыма. Никто не шевелился. Летериец догадался: они умирают. Снова и снова. Они непрестанно умирают.

Он побежал дальше.

Удар был сильным. Стена из острых костей обрушилась на его правое плечо. Удинаас взмыл в воздух, потом шумно рухнул на землю и покатился, пытаясь руками и ногами

остановить вынужденное кувыркание.

Позади него клубилась пыль. Казалось, все небо пришло в движение. Затем из пыли кто-то появился... Сапог с грубой подошвой придавил Удинаасу грудь.

Раздавшийся голос был похож на шипение тысячи змей:

– Кровь ящера, вивала локви... и вдруг в теле раба. Какое сердце ты выбрал, смертный?

Удинаасу было не вздохнуть. Сапог все сильнее давил ему на грудь, угрожая смять ребра. Летериец вцепился в сапог, понимая всю тщетность своих усилий.

– Прежде чем ты умрешь, пусть твоя душа ответит.

«Я выбрал... то, чему служил всегда».

– Это ответ труса.

«Да».

– У тебя есть мгновение, чтобы изменить ответ.

Пространство вокруг Удинааса начинало заволакивать черным. Грязь, набившаяся ему в рот, имела привкус крови.

«Ящер! Я выбираю вивала!»

Сапог сдвинулся в сторону. Рука в кольчужной перчатке потянулась к веревке, служившей рабу поясом. Железные пальцы подняли его вверх. Удинаас раскачивался, словно тряпичная кукла, а окружающий мир то и дело переворачивался вверх тормашками. Выше, еще выше, пока он не оказался между разведенными в стороны ляжками женщины.

Ее пальцы расстегнули на нем одежду и сорвали прочь на-

бедренную повязку. А затем эти же холодные пальцы обхватили его за плечи.

Удинаас застонал.

Чудовище в женском обличе втокнуло его член себе в лоно.

Вся кровь Удинааса вспыхнула огнем. Чресла отозвались нестерпимой болью. Придерживая летерийца за плечи одной рукой, она все запихивала и запихивала в себя его член... пока он не излил семя.

Пальцы разжались. Удинаас, весь дрожа, повалился на землю.

Он не слышал, как исчезло чудовище. Он не слышал ничего, кроме стука двух сердец, бьющихся внутри. Они бились все громче и громче.

Рядом с ним кто-то опустился на корточки:

– Должник.

«Кто-то непременно заплатит», – вспомнил Удинаас и едва не засмеялся.

Ему на плечо легла чья-то рука.

– Удинаас, где мы?

– Не знаю.

Он повернул голову и увидел испуганные глаза Ведьмино Перышка.

– А что тебе говорят гадательные черепки?

– У меня нет при себе черепков.

– Тогда представь их. Мысленно сделай расклад.

– Что тебе известно о подобных вещах, Удинаас?

Он медленно сел. Боль прошла. На теле – ни единой царапины. В пепле вокруг – ни одного следа.

Молодой человек потянулся за одеждой, прикрыв обнаженную промежность.

– Ты и без гадания знаешь, что случилось, – сказала Ведьмино Перышко.

– Да, – горько улыбнулся он. – Менандора. Дочь Зари, которую тисте эдур боятся сильнее остальных дочерей Отца-Тени. Она была здесь.

– Боги тисте эдур не навещают летерийцев.

– А вот я удостоился. – Удинаас отвел глаза. – Она пользовалась мною.

Ведьмино Перышко встала:

– В тебе говорит кровь вивала. Ты отравлен видениями, должник. Безумием. Тебе кажется, что ты видишь недоступное другим.

– Тогда взгляни на тела вокруг нас. Это Дочь Зари их полосовала.

– Они уже давным-давно мертвы.

– Но даже мертвые, они шли. А один из них схватил меня и долго волок. Видишь, какую борозду прочертил я в пепле? А вот этих потоптали копыта коня Менандоры. Посмотри сама!

Но Ведьмино Перышко смотрела лишь на него.

– Это мир, порожденный твоим воображением, Удина-

ас, – сказала она. – Твой разум переполнен видениями.

– Раскинь свои черепки.

– Нет. Это мертвое место.

– Зато кровь ящера живая. Понимаешь, Ведьмино Перышко? Именно она связывает нас с тисте эдур.

– Такое невозможно. Вивалы – порождения элейнтов. Дикие полукровки, с которыми и самим драконам не справиться. Их принадлежность к Обители Драконов еще ни о чем не говорит.

– В ту ночь я увидел на берегу белую ворону. И со всех ног побежал в сарай. Надеялся успеть раньше, чем ты начнешь гадание. Я пытался прогнать птицу, но она только посмеялась надо мной. Когда на тебя напали, я решил, что это Белая Ворона. Неужели ты не понимаешь? У Менандоры – Дочери Зари – бледное лицо. Как раз об этом Опорные черепки и пытались нам поведать.

– Должник, я не желаю, чтобы твое безумие поглотило и меня тоже.

– Ты просила меня солгать Уруте и другим тисте эдур. Я исполнил твою просьбу, Ведьмино Перышко.

– Но теперь тобою овладел вивал. Вскоре он убьет тебя, и даже тисте эдур не сумеют ему помешать. Едва только хозяйева поймут, что ты отравлен, как сами вырвут твое сердце.

– Ты боишься, что я тоже стану ящером? Думаешь, это моя судьба?

Девушка покачала головой:

– Пойми, Удинаас: это не просто поцелуй, что ты получил от одиночника. Это болезнь, которая угрожает твоему мозгу. Она отравляет чистое течение твоих мыслей.

– А где мы с тобой сейчас, Ведьмино Перышко? Неужели здесь, в моем сне?

От этого вопроса тоненькая фигура юной ведьмы вдруг стала прозрачной, задрожала и исчезла, как будто ее и не было.

Удинаас снова был один.

«Неужели я никогда не проснусь?» – вдруг подумал он.

А затем краешком глаза уловил какое-то движение в небе и повернул голову.

Драконы. Их было не менее двух десятков. Они летели высоко, несомые невидимыми потоками воздуха. А вокруг, словно комары, вились вивалы.

И вдруг Удинаас понял.

Драконы летели на войну.

Труп бенедского воина был густо покрыт голубыми листьями мброка. Через несколько дней листья начнут гнить, придавая янтарному воску синеватый оттенок. И тогда возникнет ощущение, будто тело помещено внутрь ледяной глыбы. Еще один панцирь в дополнение к первому, из медных монет.

Бенедский воин получит вечную тень. Пристанище для скитающихся духов, которые наверняка поселятся внутри

выдолбленного ствола.

Труль стоял возле покойника. Саркофаг для него все еще делали в строении, примыкающем к крепости. Работа велась впотьмах: обычай запрещал зажигать факелы или масляные лампы. Живое дерево противилось рукам, что изымали его сердцевину. Но черное дерево любило смерть и поддавалось уговорам и увещаниям.

Вдалеке слышались крики тех, кто возносил заключительную молитву Дочери Сумерек. Совсем скоро на мир опустится тьма. Эти часы называли пустыми. Сейчас даже сама вера должна была неподвижно замереть. Время ночи принадлежало Предателю. Когда-то, в момент наивысшего триумфа, он попытался убить Отца-Тень и почти осуществил свой замысел.

В это время запрещались любые серьезные разговоры. Во тьме легко прокрасться обману; можно запросто вдохнуть его в себя и не заметить, как отравы разольется по всему телу.

В пустые часы нельзя было закапывать меч под порогом дома, где жила невеста, ибо брак, скрепленный в часы тьмы, обречен. Ребенка, родившегося от такого союза, надлежало сразу же убить. Возлюбленные не имели права касаться друг друга; любые их ласки могли быть отравлены ядом предательства.

Но вскоре взойдет луна, и в мир вновь вернуться тени. Мир выйдет из тьмы, как когда-то вышел из нее Скабандарий Кровоглазый. Предателя ждет поражение. По-другому и

быть не может, иначе все вокруг превратилось бы в хаос.

Трулль глядел на плотный ковер листьев, покрывавший тело воина. Он сам вызвался нести караул в первую ночь. Ни один покойник тисте эдур не должен оставаться без призора в часы тьмы, ибо тьма не разбирает, живое тело перед нею или хладный труп. И потому мертвец не менее опасен, чем живой человек, задумавший недоброе. Мертвецу и не нужно самому говорить или двигаться; найдутся те, кто и скажут за него, и обнажат кинжал.

Ханнан Мосаг объявил это величайшим изъязном тисте эдур. Старики и мертвецы готовы первыми произнести слово «возмездие». Они стоят возле одной стены, но только покойники смотрят смерти в лицо, тогда как старики пока что обращены к ней спиной. За стеной этой лежит небытие. И те и другие говорят о конце времен; те и другие ощущают необходимость вести молодежь прежними дорогами, какими шли сами. Да и цель у них тоже одна: придать значение всему, что они узнали и совершили, убедить самих себя, что жизнь была прожита не напрасно.

Но король-колдун знал, насколько губительны междоусобицы и вражда племен друг с другом. Ханнан Мосаг запретил кровную месть. Отныне повинные в таких преступлениях обрекали на позорную казнь не только себя, но и весь свой род...

Трулль вдруг увидел Рулада. Младший брат свернул с тропы в лес. Сейчас, когда властвовала тьма, движения Рулада

были осторожными. Он не шел, а крался, словно призрак. Трулль догадался, куда направляется брат: сначала в лес, затем на северную тропу.

Северная тропа вела на кладбище, где предстояло похоронить бенедского воина. Там сейчас в одиночестве, как того требовал обычай, совершала бдение девушка.

«Что это? – с тревогой подумал Трулль. – Попытка, обреченная на провал? Или же... очередная встреча, одна из многих?»

Майена, как и все женщины, была для него непостижима. Зато побуждения Рулада были Труллю вполне понятны. Младший брат не сражался на войне за объединение племен – возрастом не вышел. Его пояс не имел кровавых отметин. Парень избрал иной способ утвердиться в своей зрелости.

Трулль начисто забыл о покойнике. Рулад вдруг занял все его мысли.

«Откуда у брата такая уверенность, что он всегда должен побеждать? Всегда и во всем. Он провозгласил победу острием своей жизни. Ну почему вся жизнь видится ему полем состязаний? Настоящие они или существуют лишь в его мозгу – Руладу требуется, чтобы весь мир каждое мгновение восхищался его победами».

Трулль чувствовал, что начинает злиться. А тут еще эта непонятная забота со стороны Фэра, боящегося ранить Рулада насмешками и пренебрежением. Лучше бы старший брат задумался о другом. Этому юнцу все достается без борьбы.

Если он с чем и сражается, так только с собственными сомнениями. Но и тех совсем немного. Рулад полагает, что воины бьются ради победы, ради славы. Ему до сих пор невдомек, что сражения происходят в силу необходимости. А слава – она сама находит тебя, когда ты о ней не думаешь...

Самоуверенный мальчишка надеется одержать легкую победу? Как бы не так! Труль представил гнев в глазах Майены и ее резкую отповедь в ответ на дерзкие притязания Рулада... А если нет? Вдруг их руки переплетутся в объятиях и они оба, разгоряченные страстью, повалятся в траву? Двойное предательство.

Труль умел бесшумно передвигаться по лесу. Рулад ничего не заподозрил бы. Но... он тоже обязан совершать свое бдение. Нести караул возле тела безымянного бенедского воина...

Как и требовал обычай, Фэр изготовил меч. С этим мечом он явился к Майене и встал перед нею, держа оружие на вытянутых руках. А девушка на виду у всех подошла к нему, приняла дар и унесла меч в дом. С того мгновения она стала невестой Фэра. Ровно через год (теперь до этого дня оставалось менее пяти недель) Майена должна будет вынести меч из своего жилища, вырыть его лезвием яму перед порогом и закопать туда подарок Фэра. Железо и земля. Оружие и домашний очаг. Мужчина и женщина, которые отныне станут мужем и женой.

А ведь пока Фэр не преподнес Майене меч, Рулад ее даже

не замечал. Может, считал, что его достойна только первая красавица? В знатных семьях были девушки гораздо привлекательнее Майены, однако Рулад не пытался ухаживать ни за одной из них. А после сватовства Фэра он вдруг обратил внимание на невесту старшего брата и начал всячески красоваться перед нею.

И теперь этот желторотый юнец готовился одержать победу. Если уже не одержал ее.

Труль вполне мог бы на время уйти со своего поста. В конце концов, бенедский воин – это не хирот. Обезображенный труп, покрытый не золотом, а простыми медяками. Никто и не узнает, что караульный на время отлучился.

Да вот только зачем? Чтобы смутные догадки превратились в уверенность, которая вгрызется в его сердце острыми зубами? А дальше что? Часы тьмы – опасное время.

И вдруг...

Вначале Труль Сенгар решил, что ему померещилось. А затем глаза его широко распахнулись от изумления, а сердце бешено заколотилось. Из леса кто-то вышел.

Незнакомец приблизился. Его рот был в запекшейся черной крови, а бледная кожа, похожая на тусклую луну, скрытую пеленой облаков, перепачкана землей и плесенью. С обоих боков свисали пустые ножны из полированного дерева. Доспехи незнакомца были в лохмотьях. Довольно высокий, он почему-то сильно сутулился, словно бы ему мешал собственный рост.

На Трулля смотрели глаза цвета догорающих углей.

– Ну-ка, поглядим, кто это тут разлегся, – произнес пришелец.

Он говорил на языке ночи, который был понятен Труллю, хотя и отличался от языка тисте эдур.

Преодолевая дрожь, Сенгар заставил себя шагнуть вперед. Обеими руками он сжимал копьё, острое которого подрагивало над покойником.

– Он не для тебя, – ощущая в горле непривычную сухость и сдавленность, сказал Трулль незнакомцу.

Глаза того на мгновение вспыхнули.

– А ты знаешь, тисте эдур, кто я?

– Знаю. Ты – призрак тьмы. Предатель.

Черный рот раздвинулся в усмешке, обнажив желтые зубы. Предатель сделал еще один шаг. Воин напрягся, приготовившись обороняться.

– Уходи прочь, – потребовал он.

– А если не уйду? Что ты сделаешь?

– Подниму тревогу.

– Начнешь кричать? Вот этим голосом, который не громче шепота? Твое горло сдавлено. Ты и дышишь-то с трудом. Успокойся, тисте эдур. Я достаточно странствовал по свету и не позарюсь на доспехи этого воина. – Предатель выпрямился. – Если хочешь вернуть себе свободу дыхания, отойди от тела.

Трулль не шевельнулся. Воздух с шипением проникал в

его сомкнутое горло. Он чувствовал, как слабеют руки и подкашиваются ноги.

– Что ж, тисте эдур никогда не отличались трусостью. Продолжай нести свой караул.

Призрак повернулся и вновь шагнул к лесной кромке.

В легкие Трулля хлынул благословенный воздух. Голова кружилась. Молодой человек воткнул копье в землю и оперся на древко.

– Постой! – крикнул он Предателю.

Тот остановился.

– Послушай, такого... никогда еще не было. Этот караул...

– На подобные караулы, воин, нападают лишь голодные подземные духи, – сказал Предатель. – Говоря более возвышенным языком, духи выхолощенных черных деревьев, каковые погружаются в мертвую плоть, дабы... Впрочем, к мертвым они относятся точно так же, как и к живым. Мир кишит разнообразными силами, хотя большинство из них правильнее было бы называть слабостями, ибо они слабы, тисте эдур.

– Но ведь Отец-Тень пленил тебя...

– Да, я и по сей день остаюсь у него в плену. – Предатель одарил Трулля еще одной жуткой улыбкой. – За исключением того времени, когда сплю, – продолжал призрак. – Вынужденный подарок Матери-Тьмы. Своего рода напоминание о том, что она не забывает и сам я тоже должен всегда

ПОМНИТЬ.

– Только я-то сейчас не сплю, – возразил Трулль.

– Все разбилось вдребезги, – сказал Предатель. – Давно. Очень давно. Осколки разлетелись по всему полю битвы. Неужели они могут кому-то понадобиться? Зачем? Эти осколки невозможно собрать. Каждый из них ныне замкнут в себе самом. Вот я и пытаюсь понять: что же он сделал с ними?

Призрак шагнул в лес и пропал.

– Нет, я не сплю, – прошептал Трулль. – Это вовсе не сон.

Удинаас открыл глаза. В ноздрях, во рту и особенно в горле до сих пор сохранялось зловоние опаленной мертвой плоти. Над ним темнел знакомый скошенный потолок его каморки. Летериец лежал неподвижно, прикрытый ветхим тряпьем.

Далеко ли еще до зари?

В доме было тихо, однако тишина эта мало что говорила рабу. Часы перед восходом луны всегда проходят в тишине. И время, когда все спят, тоже. А Удинаасу не спалось. С утра ему предстоит чинить сети и плести веревки.

«Должно быть, это и есть свидетельство безумия, – думал Удинаас. – Ум, желая доказать себе, что здоров, начинает нанизывать, словно бусины на нить, десятки обыденных дел. Нужно починить сети. Надо сплести новые веревки. Если я что-то делаю, значит еще не потерял смысла жизни».

Кровь вивала не была горячей или холодной. Она не бурлила от ярости. Удинаас не ощущал в теле вообще никаких изменений.

«Но чистое течение моих мыслей замутнено. Заражено той кровью».

Летериец откинул тряпки и сел на подстилке.

«Есть определенный путь, и мне суждено оставаться на нем, пока... не придет то мгновение, когда...»

Какое именно мгновение должно наступить, Удинаас не знал. А пока он будет выполнять свои повседневные обязанности: чинить сети и плести веревки.

«И не только. Мне велели вырыть могилу для бенедского воина. Если бы у него были глаза и он сейчас открыл бы их, то увидел бы не черноту монет, мешающих смотреть. И не синеватый воск, не потемневшие и ставшие влажными листья морока. Вместо всего перечисленного он увидел бы... нечто совсем иное...»

А ведь те вивалы так и вились вокруг драконов. Удинаас не придумал это. Он сам видел. Совсем как охотничьи псы, которые ждут не дождутся, когда хозяин спустит их с цепи.

«Я знаю, почему все так случилось и почему я там оказался. И я знаю ответ, который ночь еще не успела прошептать. Вернее, не прошептать. Нет, она громко выкрикнет его. Сама Тьма отдаст приказ начать погоню».

Удинаас вдруг понял, что находится среди врагов. Разумеется, тисте эдур и так не были его друзьями, но ощущение,

нахлынувшее на него сейчас, отличалось от чувств летерийца, обреченного на пожизненное рабство. Опасность, которую ощущала его новая кровь, исходила не от тисте эдур и не от Куральда Эмурланна.

«Ведьмино Перышко объяснила бы это лучше меня, но даже в таких делах пути Матери-Тьмы остаются невидимыми».

Удинаас встал и, тихо ступая, вышел в главный зал, где... лицом к лицу столкнулся с Урутой.

– Раб, сейчас неподходящее время, чтобы расхаживать по дому, – сказала она.

Удинаас привычно упал на колени, притиснувшись лбом к истертым половицам. Он успел заметить, что хозяйка вся дрожит.

– Приготовь Фэру, Руладу и Труллю плащи для ночного странствия, – раздалось у него над головой. – Ты должен управиться до восхода луны. И не забудь собрать им еду и питье. – Молодой человек торопливо вскочил, чтобы исполнить повеление Уруты, но она протянула руку, задержав его. И добавила: – Удинаас, все это ты сделаешь один. И никому ни слова.

Он кивнул.

Из леса выползли тени. В небе поднялась луна – тюрьма для настоящего отца Менандоры, который там находился. Древние битвы Отца-Тени сотворили нынешний мир, кото-

рый имеет множество обличий. Скабандарий Кровоглазый стойко сражался против всех, кто обладал убеждениями, и не важно, была ли их вера сиянием ослепительного Света или мраком всепоглощающей Тьмы. Он сумел расправиться с Братом-Тьмой, отправив его в подземный мир, и с Братом-Светом, который теперь пребывал далеко на небесах. И означенные победы явились дарами, преподнесенными не только тисте эдур, но и всем, кто рождался и жил, чтобы однажды умереть.

Дары свободы. Воля, не имеющая цепей, пока люди сами не приладят к ней цепи и не наденут на себя вместо доспехов. А цепи эти состояли из отдельных звеньев – нескончаемых, вечно соперничающих между собой предложений, каждое из которых неизменно обещало избавить от всего неизвестного и неопределенного.

Подобные цепи Трулль Сенгар видел на летерийцах. Точнее, непроницаемую сеть, звенья которой неизвестно где начинались и заканчивались, переплетаясь между собой самым чудовищным образом. Он понимал, почему летерийцы поклоняются Пустому Трону. Знал Трулль и то, как эти люди оправдывают все свои действия. Какие слова чаще всего повторялись в их языке? «Прогресс» и «рост». Первое они считали необходимостью, а второе приносило им прибыль. Взаимная выгода – удел глупцов; долги – вот связующая сила каждого народа, любой цивилизации. Долги являлись у летерийцев ключевым понятием; можно сказать, что они об-

щались друг с другом на особом языке: чего стоят все эти «заимодавец», «возмещение», «поручительство»... Было у них еще много других хитроумных слов, значения которых Трулль толком не представлял, но чувствовал, что они помогают ушлым летерийцам еще сильнее затуманивать правду.

Пустой Трон. Наверняка он у них стоял на вершине горы из золотых монет.

Отец-Тень стремился создать такой мир, где неопределенность отравляла бы существование тех, кто избрал своим оружием непримиримость и воевал с мудростью; где каждая крепость рано или поздно разрушалась бы изнутри от тяжести навешенных на нее цепей.

Трулль мысленно спорил с Предателем, который тысячи лет назад вознамерился убить Скабандария Кровоглазого. Любая определенность уже сама по себе есть Пустой Трон. Те, кому известен лишь один путь, рано или поздно начнут обожествлять его, даже если он и заведет их на край пропасти. Тисте эдур говорил горячо, однако призрак молчал, абсолютно равнодушный к его словам. Неожиданно Трулль спохватился и понял: да он и сам разглагольствует, стоя у подножия Пустого Трона.

Скабандарий Кровоглазый так и не создал *свой* мир. Он пропал в *этом* мире, затерялся на одной из троп, которую никому не найти.

Трулль Сенгар продолжал нети караул над трупом, скрытым под толстым слоем гниющих листьев. До чего же тяже-

ло и одиноко было у него на душе. Перед ним открывалось множество путей, но все они были насквозь пропитаны отчаянием.

Звук приближающихся шагов заставил Трулля повернуться.

К нему шли Фэр и Рулад, оба в плащах. Фэр нес в руке также и плащ для Трулля. За спиной у старшего брата висел небольшой мешок.

Лицо Рулада буквально пылало румянцем: может, от беспокойства, а может, от возбуждения.

– Приветствую тебя, Труль, – произнес Фэр, подавая брату плащ.

– Куда мы отправляемся?

– Отец проводит эту ночь в храме. Молится о помощи свыше.

– Мы пойдем к Каменной чаше, – сверкая глазами, сообщил Рулад. – Нас посылает туда мать.

– Зачем?

Рулад лишь пожал плечами.

– Что это за место такое – Каменная чаша? – обращаясь к Фэру, спросил Труль. – Я никогда про него не слышал.

– Каменная чаша очень древняя. Она находится в Кашанской впадине.

– Рулад, ты про нее знал?

Младший брат покачал головой:

– Понятия не имел, пока нынче вечером мама не расска-

зала. Разумеется, все мы бывали у кромки Кашанской впадины. Но там такая темень. Кто же мог предположить, что внутри находится священное место!

– Священное место? В кромешной темноте?

– Трулль, не торопись. Вскоре ты сам многое поймешь, – сказал Фэр.

Они двинулись по тропе, ведущей на северо-запад. Старший брат шел впереди.

– Фэр, а прежде мать говорила с тобой о Каменной чаше? – не унимался Трулль.

– Я ведь главный оружейник, – ответил Фэр. – Есть ритуалы, которые нужно соблюдать.

В памяти Трулля хранились все битвы, которые когда-либо вели тисте эдур. Странно, почему он подумал об этом сейчас, словно бы в ответ на слова Фэра. Какие тайные звенья стремится обнаружить его ум и почему он их не различает?

Братья шли дальше, тщательно огибая островки лунного света, которые не пересекала ни одна тень.

– Но ведь отец запретил нам это путешествие, – вдруг вспомнил Трулль.

– В делах магии мать превосходит отца, – промолвил Фэр.

– Так это связано с магией?

Рулад у него за спиной прыснул со смеху:

– Не ты ли недавно плавал вместе с королем-колдуном и кое-что видел?

– Кое-что видел, – растерянно повторил Трулль и обра-

тился к старшему брату: – А Ханнан Мосаг одобрил это путешествие?

Фэр промолчал.

– Брат, ты полон сомнений, и они удерживают тебя, – сказал Трулль Рулад.

– Зато тебя, Рулад, похоже, ничто не удерживает. Я видел, как ты скользнул на тропу, которая ведет к кладбищу. К тому, что избрали для погребения бенедского воина. И было это в ту пору, когда сумерки покинули мир, а луна еще не взошла.

Если в лице Фэра что-то и изменилось, Трулль этого все равно не видел. Старший брат продолжал невозмутимо шагать по тропе.

– Ну и что в этом особенного? – с нарочитой небрежностью промолвил Рулад.

– Брат, я спросил тебя серьезно и хочу услышать серьезный ответ.

– Я знал, что Фэру некогда. Он следил за тем, чтобы все оружие вернули в арсенал. Но час был уже поздний. Я почувствовал зловещие шаги тьмы и решил, что мой долг – охранять невесту Фэра. Она ведь была совсем одна на кладбище. Пусть я и нечистокровный воин, но не лишен храбрости. Знаю, Трулль, ты полагаешь, будто моя неопытность служит почвой для корней ложного мужества. Думай, как тебе угодно, но мужество у меня настоящее. А свою неопытность я считаю невспаханной почвой, где нет вообще никаких кор-

ней. Я стоял в карауле вместо брата, но Майена об этом даже не догадывалась, ибо не видела меня.

– Говоришь, ты почувствовал зловещие шаги тьмы? И кто же, по-твоему, мог угрожать Майене?

– Если бы я знал кто, то не стал бы скрывать это от тебя. Но я только почувствовал опасность.

– Фэр, а разве ты сам ни о чем не хочешь спросить Рулада? – удивился Трулль.

– Не хочу, – сухо ответил старший брат. – В этом нет надобности... когда ты рядом.

Трулль сжал зубы. В крошечной темноте никто не увидел, как вспыхнуло его лицо, и за это он был благодарен ночи.

Какое-то время все трое шли молча.

Тропа устремилась вверх, змеясь между гранитными скалами, поросшими лишайником. Братьям то и дело приходилось перелезать через поваленные деревья и карабкаться вверх. Лунный свет начинал терять яркость. Скорее всего, рассвет они встретят на самой верхней точке тропы.

Далее их путь лежал на восток, по местности, усеянной поваленными деревьями и обломками каменных глыб. В многочисленных ямах чернела вода. Небо над головой постепенно светлело.

В каком-то месте Фэр свернул с тропы и повел братьев на север, по каменистой осыпи, где росли низкие скрюченные деревья. Вскоре путники подошли к Кашанской впадине.

Склоны ущелья, которое напоминало обширную колотую

рану, нанесенную скалам, отличались невероятной крутизной. По ним зигзагами неслись воды горной речки. Она вытекала из Хасанского залива, находящегося на западе, на расстоянии половины дневного перехода отсюда, а затем продолжала свой путь по дну ущелья и еще через день пути уходила вглубь скал. Место, куда вышли братья Сенгар, было самым широким во всем ущелье – двести с лишним шагов. Противоположный берег ничем не отличался от этого: такие же валуны (казалось, чья-то гигантская рука выбросила их со дна) да чахлые скрюченные деревья, которые сгубило невидимое дыхание, поднимавшееся из глубины Кашанской впадины.

Фэр расстегнул плащ, снял с плеч мешок и подошел к бесформенной груде камней. Когда он убрал оттуда весь сор и сухие ветки, Трулль увидел, что это не просто нагромождение булыжников, а древняя гробница. Фэр отодвинул верхний камень, запустил руку в выемку и извлек моток толстой узловатой веревки.

– Снимите плащи и оружие, – велел братьям Фэр, а сам понес веревку к краю обрыва.

К одному концу веревки он привязал мешок, плащ, меч и копье. Затем добавил туда же одежду и оружие братьев. После чего начал медленно опускать груз.

– Трулль, возьми другой конец и отнеси его в такое место, где тень не исчезает даже днем.

Средний брат подчинился. Он заметил большой, кри-

во стоящий валун. Едва веревка оказалась в тени, как десятки невидимых рук жадно схватили ее. Трулль отошел в сторону и увидел, что веревка крепко натянута.

А Фэр тем временем уже начал спускаться. Рулад стоял у кромки ущелья, глядя вниз.

– Нам нужно дождаться, пока Фэр доберется до самого дна, – пояснил Рулад подошедшему Труллю. – Потом он трижды дернет за веревку. Фэр велел, чтобы следующим спускался я.

– Ладно, так и сделаем.

– До чего же сладостны ее губы, – пробормотал Рулад. Он повернулся к Труллю, и их глаза встретились. – Что, брат, наверное, таких слов ты ждал от меня? Тебе хочется, чтобы твои подозрения подтвердились?

– Не стану скрывать, братец, у меня много всяких подозрений, – промолвил Трулль. – У каждого из нас есть мысли, опаленные солнцем, и мысли, поглощенные тьмой. Но только мысли тени способны двигаться незаметно, подбираясь к самой границе соперничающих миров. Зачем они это делают? Чтобы узреть то, что надлежит увидеть.

– А если они совсем ничего не увидят?

– Такого, Рулад, просто не бывает.

– А как же различные иллюзии? Что, если мысли тени видят не действительность, а плоды собственного воображения? Например, ложную игру света? Или какие-то силуэты во тьме? Разве не так подозрение превращается в отраву? В

яд, подобный белому нектару: после каждого глотка тебе хочется еще и еще.

Трулль ответил не сразу.

– Не так давно мы с Фэром кое-что обсуждали. Он утверждал: то, что человек воспринимает при помощи чувств, отличается от действительности. И зачастую по своей силе превосходит ее. Восприятие способно изменять истину, как волны сглаживают даже самые острые камни.

– Трулль, что тебе от меня надо? – не выдержал Рулад.

– Перестань распускать хвост перед Майеной, – глядя ему в глаза, потребовал Трулль.

Лицо юноши тронула странная улыбка.

– Ладно, как скажешь.

От удивления Трулль едва не разинул рот. Он ждал, что брат, как обычно, начнет препираться.

Снизу Фэр трижды дернул за веревку.

– Мой черед! – Рулад крепко ухватился за веревку и исчез из виду.

«Как-то подозрительно быстро он согласился», – подумал Трулль. И глубоко вздохнул, продолжая гадать, что означала странная улыбка младшего брата: была ли она порождением боли? Или уязвленной гордости?

От мыслей о Руладе Трулль перешел к своим собственным ощущениям. До чего же погано на душе. Вроде бы ничего определенного, и тем не менее...

«Отец-Тень, прости меня, но я чувствую, будто внутри

весь испачкан...»

Веревка снова дернулась три раза.

Труль ухватился за нее. Волокна были щедро смазаны воском, чтобы предотвратить гниение. Без узлов, служащих опорой для рук и ног, спуск оказался бы делом рискованным. Прежде чем начать его, Труль наклонился и глянул вниз. Ничего, кроме темноты. Его старший и младший братья уже на дне ущелья. Скоро внизу окажется и он сам.

Совсем рядом между скал струилась вода. По обе стороны от ручейков тянулись красноватые полосы. Через потоки бойко перескакивали какие-то насекомые, похожие на блох. На веревке блестели следы, оставленные Фэром и Руладом. Каменный склон был сплошь в глубоких трещинах.

С каждым узлом тьма вокруг становилась все гуще. Влажный воздух делался все прохладнее. Наконец ноги Труля соприкоснулись с мшистыми камнями. Братья протянули к нему руки, не давая поскользнуться.

Труль напрягал зрение, силясь разглядеть хотя бы силуэты Фэра и Рулада.

– Зря мы не взяли фонарь, – проворчал он.

– Здесь достаточно света, – сказал Фэр. – Он исходит от Каменной чаши. Это Кашан, один из древних магических Путей.

– Путь, о котором ты говоришь, мертв, – возразил Труль. – Отец-Тень уничтожил его собственной рукой.

– Дети его мертвы, но магия живет. Твои глаза уже обвык-

лись? Различаешь камни под ногами?

Теперь Труль и в самом деле видел нагромождения камней и поблескивающую воду, что струилась между ними.

– Да, – кивнул он.

– Тогда идите за мной, братья.

Они стали удаляться от стены. Из-за того что камни были скользкими, приходилось ступать медленно. Кое-где валялись сухие ветки. На мху росли причудливые грибы. Какой-то зверек, похожий на бледную лысую крысу, юркнул в расщелину и торопливо подтянул длинный хвост.

– Мир Предателя, – пробормотал Труль.

Фэр хмыкнул:

– На самом деле не все так просто, брат.

– Там, впереди... я что-то чувю, – шепотом сообщил Рулад.

По обе стороны от них высились какие-то непонятные нагромождения. Каменные столбы, на которых не было ни единого островка мхов и лишайников. Странная поверхность камней напоминала кору черного дерева. Из-под основания каждого столба тянулись толстые изогнутые корни, переплетаясь с соседними. Дальше начиналась впадина, откуда, словно клубы белесого тумана, исходил свет.

Фэр провел братьев между странными каменными столбами и остановился на краю впадины.

Корни уходили вниз. Между ними белели кости. Их было многие тысячи. Труль разглядел черепа кашанов – древних врагов тисте эдур, о которых ходили страшные легенды.

Ящероподобные морды и сейчас скалились острыми блестящими зубами. Рядом лежали кости тисте эдур. Были здесь и другие – изогнутые, принадлежавшие вивалам. На самом дне белел громадный череп дракона. Его лобная кость, широкая и плоская, была вдавлена внутрь ударом гигантской кольчужной рукавицы.

На склонах впадины росли кустарники. Живые они или тоже мертвые, сказать было трудно; их серые, плотно переплетенные между собой ветви совсем не имели листьев. Присмотревшись, Трулль застыл от удивления: «кустарники» были каменными, но росли не так, как растут кристаллы, а подобно живому дереву.

– Кашанская магия рождалась от звуков, не слышимых ухом, – заговорил Фэр. – Эти звуки складывались в слова, обладавшие удивительной способностью разрушать внутренние связующие силы и саму суть вещей, лишая их земной опоры. При помощи чародейства кашаны могли растягивать и изгибать луч света, дробить его, подобно тому как приливная волна разлетается на брызги возле берега. Они строили каменные крепости, способные летать по воздуху, и даже подчинили Тьму, наделив ее неукротимым голодом. Тьма стала пожирать саму себя. Всякий, кто приближался к ней, не мог противостоять этому всеобъемлющему голоду. – Голос Фэра, обычно звонкий, сейчас звучал глухо. – Кашанское колдовство, словно моровое поветрие, проникло в магический Путь Матери-Тьмы. Это вынудило запечатать

все врата, ведущие из Куральда Галейна в иные миры. Мать-Тьму заставляли отступать в самые глубины Бездны. Там ее окружали неумолимые вихри Света, которые она поглощала... и поглощает до сих пор. И когда исчезнет его последняя искра, Мать-Тьму ждет уничтожение. Кашаны, которые сами давным-давно исчезли, втянули Мать-Тьму в страшный ритуал. Он окончится ее убийством. Весь Свет исчезнет. Нечему будет отбрасывать Тень, а потому и она тоже обречена на погибель.

Когда Скабандарий Кровоглазый узнал о ритуале кашанов, было уже слишком поздно. Увы, вспять ничего не повернешь. Страшный конец неизбежен, и предотвратить его невозможно. С тех пор все миры повторяют этот путь, начиная с мельчайших царств, невидимых нашим глазам, и заканчивая самой Бездной. Всю Вселенную кашаны сделали смертной, таким образом отомстив ей. Возможно, их ритуал был порожден отчаянием. Или же самой яростной ненавистью, какую только можно вообразить. Будучи свидетелями собственного уничтожения, они заставили всех повторять их судьбу.

Братья молчали. Негромкое эхо слов Фэра быстро гасло.

– Что-то я не вижу признаков приближающегося конца света, – наконец протянул Рулад.

– Гибель мира еще очень далека от нас. Гораздо дальше, чем мы в состоянии представить. Но однажды роковой час непременно наступит.

– А какое отношение рассказанная тобой история имеет к тисте эдур? – поинтересовался Рулад.

– Наше вторжение в мир кашанов и толкнуло их на этот ритуал. Отец-Тень приобрел множество врагов – в лице каждого древнего бога, каждого Взошедшего. Все знали, что из-за кашанского ритуала вечная игра между Тьмой, Светом и Тенью однажды прекратится, а с нею закончится и существование всех миров. – Фэр повернулся к братьям. – Я передаю вам сие тайное знание, чтобы вы лучше осознали произошедшее здесь и его последствия. Теперь вам станет ясно, почему Ханнан Мосаг говорит о врагах куда более могущественных, нежели смертные летерийцы.

Первые капли понимания обожгли Трулля, словно раскаленное железо. Его взгляд сосредоточился на дне впадины. На том месте, где лежал череп дракона.

– Они его убили, – прошептал Труль.

– Да. Они уничтожили его тело и заточили душу.

Рулад мотнул головой, будто не желал верить ни словам Фэра, ни своим собственным глазам.

– Но Скабандарий Кровоглазый не мог погибнуть. Это не его череп!

– Его, – тихо возразил Фэр. – Нашего бога убили.

– Кто? – сердито спросил Рулад.

– Они все: древние боги и элейнты. Древние боги не пожалели для этого собственной крови. А драконы породили настоящего монстра, который и выследил Скабандария Крово-

глазого. Отец-Тень был повержен. Древняя богиня по имени Кильмандарос проломилла ему череп. Затем они заточили дух Кровоглазого в темницу вечной боли, нестерпимой и неутихающей. И оставаться ему там до тех пор, пока существует Бездна... А теперь Ханнан Мосаг намерен отомстить за нашего бога, – заключил старший брат.

Трулль нахмурился:

– Фэр, древние боги давно покинули наш мир. Равно как и элейнты. А Ханнан Мосаг повелевает лишь шестью племенами тисте эдур и фрагментом магического Пути.

– Тисте эдур всего четыреста двадцать тысяч, – подхватил Рулад. – Сколько мы ни искали в других осколках Куральда Эмурланна, нигде не обнаружили соплеменников. Мысли Ханнана Мосага лишились ясности. Да, он вполне способен противостоять распространению летерийского господства. Призвав на помощь демонов, причем если понадобится, то и силой оружия. Но неужели нам теперь придется воевать со всеми богами этого мира?

Фэр медленно кивнул:

– Вы стоите в Кашанской впадине. Вы слышали все, что известно мне самому. Но я привел вас сюда не затем, чтобы вы становились на одно колено и восхваляли имя короля-колдуна. Братья, Ханнан Мосаг ищет силу, поскольку отчаянно в ней нуждается. Однако ему все равно, каковы будут источники этой силы, он и не слишком тревожится о возможных последствиях.

– Твои слова отдают изменой, – заметил Рулад, и Трулль уловил в голосе младшего брата какое-то странное удовлетворение.

– Да неужели? – спросил Фэр. – По воле Ханнана Мосага мы должны отправиться в опасное путешествие. Нам предстоит доставить и вручить королю дар, который он узрел в своем видении. А вы не задумывались, братья, откуда взялся этот дар? От кого он?

– Мы не вправе отказаться, – сказал Трулль. – Это в любом случае бесполезно. Вместо нас король-колдун пошлет других. А нас подвергнет изгнанию из племени или еще худшему наказанию.

– Разумеется, Трулль, мы не станем отказываться. Но мы и не должны идти исполнять его повеление, как безропотные слепцы.

– А Бинадас? – вдруг вспомнил Рулад. – Что ему известно об этом?

– Всё, – ответил Фэр. – Возможно, даже больше, чем нашей матери.

Трулль снова бросил взгляд туда, где лежал покрытый плесенью череп дракона:

– А почему ты так уверен, что это череп Скабандария Кровоглазого?

– Потому что его принесли сюда вдовы. У наших женщин эти знания передаются из поколения в поколение.

– А Ханнан Мосаг знает?

– Нашей матери известно, что он бывал в здешних местах. Как король докопался до правды – полная загадка. Мама была в отчаянии, потому и рассказала нам с Бинадасом про Каменную чашу. А так бы и она тоже помалкивала.

– С какой стати нашей матери вдруг впадать в отчаяние? – не понял Труль.

– Дело в том, что король-колдун играет с очень опасными силами. Его мысли утратили ясность, а намерения – чистоту. Уж не знаю, каким был Ханнан Мосаг прежде, но сейчас, увы, все обстоит именно так.

Труль продолжал глядеть на череп. Сколь же зловещей силой нужно обладать, чтобы оставить такую вмятину! И какая ужасная смерть!

– Будем надеяться, что древние боги действительно покинули наш мир, – прошептал он.

Глава четвертая

Один прилив на поверхности,

А еще дюжина – на глубине.

Поговорка тисте эдур

Нереки считали тисте эдур потомками демонов. И верили, что их кровь отравлена пеплом, недаром ведь они такие серокожие. Стоит только посмотреть тисте эдур в глаза, как весь мир потемнеет, солнце померкнет и тебя коснется дыхание ночи.

При виде медленно приближавшегося Бинадаса нереки завyli и застонали так, словно бы к ним шла сама смерть. Они попадали на колени, отчаянно молотя себя кулаками по груди и лицу. Взбешенный Бурук Бледный расхаживал между ними, взывая к порядку, однако нереки оставались глухи ко всем его упрекам и увещаниям. Наконец торговец сдался. Он подошел к стоявшим неподалеку Серене и Халлу и вдруг засмеялся.

– Не волнуйся, Бурук, – сказал ему Халл Беддикт. – Рано или поздно это у них прекратится.

– Когда именно, хотел бы я знать? Может, и мир к тому времени уже прекратит свое существование? И ветер смерти понесет нас, будто прах, неведомо куда? Но нам будет уже все равно. Сколько же можно кривляться! Ну почему я не нанял фарэдов?

Внимание Серены по-прежнему было занято тисте эдур, приближавшимся к каравану. Охотник. Воин, умеющий убивать. Скорее всего, долгие странствия в одиночестве сделали его молчаливым. Такие, как он и Халл, могут весь вечер и ночь просидеть у костра, не сказав и десятка слов. И тем не менее их обоих связывает крепкая дружба. На каком фундаменте она возникла, чем питалась? Здесь Серена, подобно всем женщинам, становилась в тупик перед загадкой мужской природы. Представители сильного пола умеют молчать и при этом чувствовать общность путей, которыми идут. Иной раз достаточно двух-трех пустячных слов, чтобы между ними родилось глубокое взаимопонимание. Серена ощущала эти связующие силы, а порой и ясно видела их, но была не в силах постичь, что неизменно порождало в ее душе недоумение, подавленность и даже недоверие к мужской части человечества.

Женщин связывали слова, целые клубки слов. Сюда же вплетались жесты, эмоции и многое другое, из чего ткалась шпалера женской дружбы. В отличие от настоящей шпалеры, нити этой всегда рвались только в одном направлении, ибо единственным врагом ее была злоба.

Чем больше слов, тем прочнее ткань.

Но бóльшую часть своей жизни Серена Педак провела среди мужчин. В родном Летерасе она бывала лишь изредка, наездами, и каждый раз знакомые женщины с трудом узнавали ее. Вокруг нее возникал барьер сомнений и подозритель-

ности, словно бы она занималась чем-то недостойным. Да и сама Серена, попадая в общество представительниц слабого пола, ощущала неловкость и скованность. Их жизненные «шпалеры» были вытканы иными нитями и имели совсем другие узоры, значительно отличавшиеся от ее собственных. Серена вдруг становилась неуклюжей, косноязычной и предпочитала отмалчиваться. Долго она так не выдерживала и в буквальном смысле слова сбегала прочь. Из города, из своего прошлого. И от женщин тоже.

Сейчас, когда двое мужчин встретились и обменивались банальными приветствиями, не обращая на аквитора ни малейшего внимания, ей пришлось отойти в сторону и молча наблюдать за происходящим. Вроде бы все как прежде: вокруг были все те же камни и скрюченные деревья, та же стылая земля; и тем не менее что-то неуловимо изменилось.

Легче всего было бы тайком усмехнуться и сказать себе, что мужчины устроены проще, чем женщины. Добавить, что эти двое, окажись они незнакомы, бегали бы кругами, как два пса, а потом стали бы нюхать друг у друга под хвостом. Далее последовали бы приятные для женского самолюбия выводы о незатейливости мужской природы и успокоительные обобщения. Но эта встреча двух друзей буквально разнесла в щепки все обобщения, а заодно и высокомерие, их питавшее, что неизбежно привело бы в ярость любую женщину. Более того, Серена вдруг ощутила неистовое желание встать между Халлом и Бинадасом.

«Когда мужчина идет по берегу, он видит сначала один камешек, потом другой, следом третий, – думала она. – А мы видим... россыпь камней. Нет, это слишком упрощенное объяснение. Скажем так: мужчине свойственна единичность, а женщине – множественность. Скорее всего, в каждом человеке есть кусочки того и другого. Просто мы не любим себе в этом сознаваться».

Тисте эдур был выше Халла едва ли не на целую голову. Темные, почти черные волосы заплетены в тугие косы. Цвет глаз напоминает мокрый песок. Кожа – пепельно-серая. Лицо молодое, хотя широкий рот окружен морщинами.

Бинадас. Серена где-то слышала это имя. Возможно, даже видела его родичей, когда трижды сопровождала летерийских посланников в деревню Ханнана Мосага.

– Приветствую тебя, хиротский воин, – заглушая стенания нереков, произнес Бурук Бледный. – Добро пожаловать, и будь нашим гостем. Меня зовут...

– Я знаю, как тебя зовут, – перебил его Бинадас.

При этих словах нерекы как по команде умолкли. Теперь в воздухе слышались лишь завывания ветра да шуршание ручейков талой воды.

– Я везу хиротам слитки железа, – продолжил Бурук.

– Какой толщины сейчас лед? – не обращая внимания на торговца, спросил Халл.

– Погода повернула на весну, – ответил тисте эдур. – Лед весь в трещинах. Тут кое-кто самовольно пожаловал к нам

за тюлениями. Ханнан Мосаг не оставит это безнаказанным.

Серена смотрела на торговца. Вино, белый нектар и жестокий ветер сделали свое дело: на носу и щеках Бурука отчетливо проступили кровеносные сосуды. Глаза у него были мутными, с красными полукружиями воспаленных век. Похоже, слова Бинадаса нисколько не удивили негоцианта.

– Печально слышать. Остается лишь сожалеть, что среди моих собратьев по торговому ремеслу находятся нарушители договора. Ключнули на золотую приманку. Тут не каждый выстоит. Бывает, что иной раз и не удержишься.

– Бывает и другое: кое-кто иной раз не удержится от возмездия, – как бы невзначай заметил Бинадас.

Бурук кивнул:

– Что ж, это можно понять. За долги нужно расплачиваться.

– Золото и кровь – не одно и то же, – усмехнулся Халл.

– Ты так думаешь? – с пафосом воскликнул торговец и продолжил в том же духе: – Да будет тебе известно, хиротский воин, что те, чьи интересы я представляю, всегда с должным уважением относились к любого рода соглашениям и продолжают считать их обязательными к неукоснительному соблюдению. Летерия – многоглавый зверь. Увы, есть там и такие, кто не прочь поживиться чужим добром, рассчитывая остаться безнаказанными. Мы должны закрыть для них все лазейки. Уверен, новый договор между тисте эдур и летерийцами, умеющими держать свое слово, поможет нам

в этом. К счастью, власть в нашем королевстве принадлежит честным людям, которые высоко ценят добрососедские отношения.

– Побереги свои речи для короля-колдуна, – сказал Бинадас, отворачиваясь в сторону. – Я приведу вас в деревню. До всего остального мне нет дела.

Пожав плечами, Бурук Бледный направился к своей повозке.

– А ну, бездельники, живо поднимайтесь! – прикрикнул он на нереков. – Спуск не подъем. Небось не переломитесь.

Серена видела, как он залез на повозку, откинул тяжелый полог и скрылся внутри. Халл и Бинадас остались вдвоем. Ветер дул в сторону женщины, и она невольно услышала их беседу.

– Я разоблачу ложь Бурука, – говорил Халл Беддикт. – Он попытается поймать вас на искренние заверения и щедрые посулы, которые и гнутого докария не стоят.

– Мы видели, как в ваши ловушки попались нереки, фарэды и тартенали. Каждое слово – это узел в незримой сети. Мечи нереков оказались слишком тупыми, чтобы разорвать ее. Гнев тартеналей разгорался слишком долго. Фарэды – те вообще только скалили зубы и не понимали, куда их тянут. Но тисте эдур не такие.

– Знаю, – кивнул Халл. – Дружище, мои соплеменники верят в столбики монет. Для них это что-то вроде лестницы, по которой можно вскарабкаться к вершинам славы. Посто-

янное движение вперед они считают естественной судьбой процветающего государства. Многие народы верят в судьбу. Но летерийцы полагают, что они особенные, ибо от рождения обладают массой достоинств. И главная приманка тут – Пустой Трон. Он никем не занят, и каждый, кто упорно карабкается вверх, верит, что доберется туда раньше других. Однако Трон так и остается пустым.

Слова Халла вызвали у Бинадаса улыбку, но какую-то вымученную.

– Аквитор, иди к нам, – вдруг позвал тисте эдур. – Неужто старые раны Халла Беддикта омрачают его взгляд на соплеменников?

– Судьба ранит всех нас, – ответила Серена. – Но летерийцы носят свои шрамы с гордостью. Во всяком случае, многие, хотя и не все, – добавила она, устремив на Халла извиняющийся взгляд.

– Одно из ваших особых свойств характера? – спросил Бинадас.

– Можно сказать и так. Мы превосходно научились скрывать алчность, набрасывая на нее одеяния свободы. О неблагоприятных деяниях прошлого мы вспоминать не любим. Их как будто и не было. Движение вперед вынуждает и смотреть только вперед, как можно скорее забывая обо всем, что мы попутно раздавили.

– Это путь без конца, – заметил Бинадас.

– Мы как повозки, что едут под гору. Все быстрее и быст-

рее, быстрее и быстрее.

– Так будет до тех пор, пока ваши повозки не ударятся о стену.

– Мы уже проломили немало стен и понеслись дальше.

Улыбка Бинадаса погасла, и в глазах его мелькнула печаль.

– Мы живем в разных мирах, – промолвил тисте эдур и отвернулся.

– И потому я выбираю ваш мир, – сказал Халл Беддикт.

Бинадас как-то странно поглядел на него:

– В самом деле, друг?

Он спросил это таким тоном, что у Серены по спине поползли мурашки.

Халл нахмурился. Вероятно, и его тоже насторожил подобный вопрос.

Больше не было сказано ни слова. Халл и Бинадас двинулись вниз. Серена дождалась, пока оба отойдут на достаточное расстояние, поскольку не хотела мешать их уединению. Но видно, у друзей пропало желание беседовать. Они шли рядом и молчали.

«Халл, похоже, совсем запутался, – размышляла аквитор. – Он стремится сделать тисте эдур инструментом своей собственной мести. Если бы смог, втянул бы их в войну с Летерией. Но война означает новые жертвы. Неужели Халл рассчитывает обрести душевный покой ценой пепла и крови?»

Серене стало жаль этого запутавшегося человека. Но жалость не должна застилать ей глаза. Халл опасен, очень опасен.

Нет, аквитор не питала любви к соплеменникам. Хищники. Вечно голодные, умеющие смотреть на мир только под выгодным для себя углом. Добрососедство летерийцев на деле оборачивалось кровавыми столкновениями со всеми народами, кому они обещали вечный мир. Но когда-нибудь сила летерийцев наткнется на равную ей силу. Повозки с разгона ударятся о стену, которая не разлетится на куски. Кто станет этим противником? Тисте эдур? Вряд ли. Конечно, магия у тисте эдур не чета нерекской и фарэдской, да и сражаются они отважно и свирепо. Но сколько воинов смогут выставить против летерийцев шесть племен тисте эдур? Самое большее четверть миллиона. А в одном только Летерасе свыше ста тысяч жителей. В королевстве есть еще с полдюжины городов, немногим уступающих столице. С учетом подвассальных земель на востоке и на другом берегу моря Драконов под знамена короля Дисканара соберется тысяч шестьсот солдат, если не больше. А в каждом легионе будет свой боевой маг, прошедший выучку у сэды Куру Кана. Тисте эдур ждет сокрушительное поражение. Возможно, даже полное уничтожение.

А как же Халл Беддикт?

Серена усилием воли выбросила из головы мысли о нем. Пусть сам делает выбор. Она не станет вмешиваться. Да и

захочет ли Халл прислушаться к ее предостережениям? Скорее всего, просто отмахнется.

Неуверенность и смятение наполняли и душу самой Серены. Готова ли она отстаивать мир любой ценой? Что получат летерийцы, если тисте эдур дрогнут? Доступ к природным богатствам. Возможность добывать тюленей вблизи побережья. И... черное дерево.

Ее соотечественники давно жаждали обладать этим волшебным деревом, умеющим заживлять собственные раны. Сделанные из него корабли невероятно быстроходны и успешно противостоят магическим атакам, не говоря уже о том, что им не страшны пробоины. А ведь, пожалуй, черное дерево и есть главная цель всей игры.

Но ведь король Эзгара Дисканар далеко не глупец. У него не может быть таких упований. В крайнем случае Куру Кан объяснил бы ему, что к чему. Нет, эту игру наверняка затеяла королева. Только Джаналла в своем высокомерии может верить, будто летерийцам по силам повелевать черным деревом. Небось рассчитывает, что тисте эдур с готовностью раскроют все свои магические секреты, сообщат завоевателям веками отработанный ритуал, позволяющий подчинять волю черного дерева человеческой.

Вся эта история с незаконным промыслом тюленей была просто уловкой, обманным маневром. Денежные потери – ерунда: это лишь часть масштабного хитроумного замысла, нацеленного на получение крупной политической выго-

ды; все затраты окупятся сторицей. Решиться на такое могли только очень богатые люди, такие как королева или первый советник Трибан Гноль. Экипажи судов набирали из числа банкротов, пообещав в случае их гибели списать все долги. Жизни, отданные ради благополучия детей и внуков. Так что у Джаналлы вряд ли возникли трудности с поиском матросов. Кровь и золото.

Серена не знала, насколько оправданны ее подозрения, но из разрозненных фрагментов начинала складываться более или менее цельная картина. Вероятно, Бурук Бледный тоже обо всем догадался, отчего и глушил себя вином и белым нектаром. Тисте эдур не раскроют секрета черного дерева, в этом нет никаких сомнений. Значит, быть войне. И Халл Беддикт станет ее провозвестником; сам того не желая, превратится в пособника королевы. Неудивительно, что Бурук терпит его присутствие.

А какова ее роль во всем этом?

«Держись от них на расстоянии, подруга! – сказала себя Серена. – Ты всего лишь аквитор, не более того. И тебе нет никакого дела до чужих безумств... Твоя обязанность – препроводить Бурука в деревню хиротов».

Так или иначе, от них все равно ничего не зависит. Все решится на Великой встрече, и никак не раньше. Слабое утешение.

Халл Беддикт и Бинадас Сенгар скрылись в лесу, да и дорога уже тоже исчезла из виду. С каждым шагом, пройден-

ным Сереной, сумрак вокруг сгущался. Тьма и тени...

Любой преступник, сумевший переплыть канал с мешком докариев на спине, получал свободу. Количество монет и, соответственно, вес мешка зависели от тяжести совершенного злодеяния. Воровство, похищение людей, неуплата долгов, порча имущества и убийство карались пятью сотнями докариев. Подкуп, беспричинное оскорбление, публичное поношение Пустого Трона, а также короля и королевы оценивались в триста докариев. Самый малый груз – сто докариев – служил наказанием за такие прегрешения, как праздношатание, прилюдное отправление естественных надобностей и сквернословие в общественных местах.

Упомянутые грузы навешивались преступникам мужского пола. Для осужденных женщин количество монет уменьшалось вдвое.

Все способные заплатить штраф просто вносили деньги в казну и освобождались от дальнейшего наказания. Те же, у кого не было такой возможности, испытывали судьбу в водах канала.

В Утопляках (так называлось это место) всегда было полно народу. Толпы зевак приходили сюда в поисках зрелищ, однако только этим дело не ограничивалось. Это было своеобразное игорное заведение, где ежедневно кто-то выигрывал, а кто-то расставался со своими денежками. Лишь немногим преступникам удавалось переплыть канал, и пото-

му ставки на всю дистанцию делались крайне редко. По большей части пытались угадать, какое расстояние сумеет преодолеть осужденный и сколько взмахов руками он сделает. У игроков даже существовала специальная терминология; для каждой стадии имелось свое название: «пльвунцы», «барахталки», «пузыряльники» и «исчезаловки».

К телу преступника прикрепляли веревки. Когда становилось ясно, что пловец утонул, его вытаскивали, снимали мешок с монетами, а труп бросали обратно в реку. Была даже такая поговорка: «Виноватый, словно илистый ком».

Брис Беддикт нашел Геруна Эберикта на Втором ярусе, где собирались зрители побогаче. Невзирая на то что было утро, народу собралось вполне достаточно. Между зрителями бойко сновали сборщики ставок. Они принимали деньги, выдавая черепки, где была нацарапана сумма и помечен вид заклада. Отовсюду слышались возбужденные голоса. Раздался женский визг, тут же перешедший в смех. Его подхватили несколько мужчин.

– Приветствую вас, финадд, – поздоровался Брис.

Эберикт повернулся. На его плоском лице, хорошо знакомом каждому горожанину, отразилось легкое удивление.

– Королевский защитник? Вы как раз вовремя. Сейчас поплывет Ублала Пунг. Я поставил на этого паршивца целых восемьсот докариев.

Беддикт облокотился на перила. Он неторопливо обвел глазами караульных, а потом чиновников, надзиравших за

исполнением правосудия. Над ними возвышалась фигура человека, с ног до головы закутанного в плащ.

– Где-то я уже слышал это имя, – сказал Брис. – Только не помню, в чем именно его обвиняют. Кстати, этот, в плаще, и есть Ублала?

– Он самый. Тартенальский полукровка. Потому ему добавили еще двести монет.

– А что он натворил?

– Проще ответить, чего он не успел натворить! Три убийства, порча имущества, оскорбления, два похищения, поношение монарших имен, мошенничество, неуплата долгов и, наконец, прилюдное справление нужды. И все это менее чем за сутки.

Осужденный сбросил плащ. На теле Ублалы не было ничего, кроме набедренной повязки. Обожженную солнцем кожу покрывали следы от ударов хлыстом. Таких громадных мускулов Брис никогда еще не видел.

– Вы говорите про разгром, учиненный в «Ростовщическом заведении Урума»? – спросил он у Эберикта.

– Именно. Там еще не скоро забудут его визит.

– Сколько же монет этот тип потащит на себе?

– А вы поупражняйтесь в арифметике, – усмехнулся финаннад.

Караульные привешивали к спине осужденного тяжеленный мешок с двойной окантовкой.

– Скиталец мне свидетель, но с таким грузом Ублала не

сделает ни одного взмаха.

– Все именно так и решили, – подтвердил Герун Эберикт. – Ставки делают в основном на «исчезаловки». Реже встречаются «барахталки» и «пузыряльники». Но я не видел, чтобы хоть кто-нибудь поставил на «пльвунцы».

– А какова ваша ставка?

– Семьдесят к одному.

Брис поморщился. Тут могло быть лишь одно объяснение.

– Вы уверены, что он доплывет!

На них уже начали оборачиваться. Гул голосов усилился.

Герун тоже облокотился на перила. Он вздохнул и с прищипом выпустил воздух сквозь зубы.

– Большинство тартенальских полукровок ни на что не годятся, – тихо пробормотал Эберикт и добавил уже с улыбкой: – Но только не Ублала Пунг.

Толпа, облепившая проход и ярусы на противоположном берегу канала, взревела. Караульные повели преступника к сходням. Тяжеленный мешок заставлял Ублалу горбиться. Возле самой кромки воды тартенальский полукровка оттолкнул караульных и повернулся. Он сорвал набедренную повязку и принялся мочиться. В воздухе повисла желтая дуга.

В толпе зрителей пронзительно закричала какая-то женщина.

– Его тело явно заберут, – произнес сидевший по соседству торговец. – Говорят, есть искусные лекари, которые уме-

ют...

– Да ты, Инкерс, и сам, поди, не пожалел бы верхушки за такой конец! – перебил его спутник.

– Думай, что говоришь, Гульбат! Мне достаточно и своего собственного...

– Ну просто мечта любой бабы и девки!

На обоих берегах стало тихо. Ублала Пунг направился вперед. Шаг – и вода скрыла его по пояс. Еще шаг – по грудь. Еще – по плечи. Через мгновение голова осужденного скрылась под поверхностью зловонного канала.

Он не барахтался, молотя руками и ногами, не пускал пузыри. Все, кто поставил на «исчезаловки», толпились вокруг сборщиков ставок. Каждому не терпелось получить выигрыш.

– Скажите, Беддикт, а какова ширина канала? – спросил Герун Эберикт.

– Шагов сто, не меньше.

– Понятно.

Они оба продолжали стоять, изогнувшись над перилами. Через какое-то время Брис вопросительно поглядел на финадда. Тот кивнул в сторону сходней:

– Понаблюдайте за веревкой.

Гул голосов нарастал. Теперь все глядели только на вздрагивающий моток толстой веревки. Она разматывалась!

– Ублала идет по дну!

Не в силах отвести глаз от разматывающейся веревки,

Брис начал считать удары сердца. Дюжина. Две дюжины. Полсотни. Веревка все так же змеилась, исчезая под водой.

– Вот так-то, мой дорогой королевский защитник, – подмигнул Беддикту финадд; на противоположном берегу из воды вылез Ублала Пунг, с ног до головы облепленный илом и грязью. – У него две пары легких.

Восемьсот докариев при ставке семьдесят к одному!

– Здорово же вы разбогатели, финадд.

– Я разбогател, а Ублала Пунг получил свободу. Кстати, на том берегу я видел вашего брата Техола. Вы тоже сразу его заметите, по необычному наряду. Он почему-то явился в юбке.

– Шанда, отойди от меня подальше. Не стоит показывать, что мы знакомы.

– Ты совсем спятил, – ответила лысая женщина.

– Сейчас это не играет никакой роли. Видишь вон того человека?

– Которого?

– Я говорю про преступника. Теперь уже бывшего. Тартенальский полукровка, который учинил невероятный разгром в заведении Урума. Этот мерзавец Урум из кого хочешь все жилы вытянет. Так что поделом ему.

– У тартеналей две пары легких.

– Ага. С одной парой по дну не прогуляешься. Ты не делала ставку?

- Ненавижу я все эти азартные игры.
- Вот уж никогда бы не подумал.
- Давай ближе к делу. Ну вижу я этого типа. Дальше что?
- Найми его к себе.
- С удовольствием.
- Потом купи ему одежду.
- А это еще зачем?
- Чтобы прикрыть все, чем парня так щедро одарила при-
рода. Люди пугаются его мускулов.
- А я-то думала, что ты имеешь в виду...
- Не важно. Суть в том, что ты должна взять его к себе на
службу. Вашей троице нужен телохранитель.
- Мое тело он может охранять в любое время.
- У меня от разговоров с тобой уже голова заболела. Лад-
но, на сегодня все.
- Нет, Техол, не все. Приходи к нам вечером. И Багга с
собой возьми.
- Но зачем? Ведь все идет по плану. В этом нет никакой
необходимости.
- А я тебе говорю, что есть.

Четыре года тому назад финадд Герун Эберикт собственноручно предотвратил покушение на жизнь короля Эзгары Дисканара. Вернувшись поздним вечером во дворец, он наткнулся на тела двух гвардейцев, охранявших вход в покои монарха. Их убили изощренным магическим способом, на-

полнив легкие песком и лишив возможности дышать. Оба трупа были еще теплыми. Выхватив меч, финадд распахнул приоткрытую дверь и ринулся в королевскую опочивальню.

Над спящим правителем склонились трое – чародей и двое убийц. Первым делом Герун убил мага, ударив его мечом в затылок. Затем он расправился с одним из головорезов, нанеся ему смертельную рану в грудь. Но в это время второй убийца сумел метнуть в финадда кинжал. Он целился Эберикту в глаз, однако не рассчитал, и лезвие попало в рот, пропорол обе губы и застряло в зубах.

Превозмогая боль, Герун тремя яростными ударами расправился и со вторым негодяем тоже. К этому времени король проснулся и широко раскрытыми от ужаса глазами глядел на происходящее.

Через две недели финадд Герун Эберикт преклонил колени в Тронном зале и при скоплении придворных и знати получил от Дисканара так называемое Королевское отпущение грехов. Отныне и до конца своих дней финадд освобождался от всякой ответственности за свои деяния. Иными словами, Герун приобрел узаконенное право поступать как угодно и с кем угодно (за исключением членов августейшей семьи).

Королевские дознаватели так и не сумели выяснить, кто же замыслил это покушение и подослал к Дисканару убийц.

С тех пор Эберикт вел свою личную войну, действуя при этом неумолимо и неумолимо. На его счету числилось тридцать одно убийство, в том числе гибель двух богатых тор-

говцев – людей довольно влиятельных и игравших не последнюю роль в политической жизни. Кроме того, Геруну Эберикту приписывали еще не менее десятка таинственных смертей. Очень скоро одно только имя этого человека стало наводить страх на жителей Лелераса.

За эти же годы Эберикт заметно разбогател. Тем не менее он оставался королевским финаддом и по-прежнему выполнял свои обязанности. Решение отправить Геруна на Великую встречу могло иметь двоякую цель: дать столице отдохнуть от столь опасного человека и показать королеве с принцем, что их притязания на власть – пустой звук. Брис знал, что король не любит менять своих решений. Но неужели Дисканар ни разу не пожалел о том, что ввел Эберикта в состав посольства?

Брис и сам не заметил, как покинул Утопляки вместе с Геруном. Они перешли Суланский мост и очутились в Казначейском квартале. День выдался жарким. Небо покрывали белые тонкие облака. Если бы не они, солнце пекло бы еще сильнее. Кивком финадд указал на вход в дорогой ресторан «У Рильда» – заведение, славящееся своей рыбной кухней. Помимо рыбных блюд там подавали также «тюлень молоко» – хмельной напиток из апельсиновых корок, меда и спермы тюленей. Во внутреннем дворике за Эбериктом всегда сохранялся столик, за который он и пригласил Беддикта.

Заказав напитки и закуски, Герун наклонился к Брису и поглядел на него с таким любопытством, будто встретил

впервые.

– До сих пор не могу поверить, что сегодня мой гость – сам королевский защитник.

– Как видите, – пожал плечами Беддикт. – Мой брат Халл сопровождает Бурука Бледного. Скорее всего, Бурук останется у тисте эдур до начала Великой встречи. Меня беспокоит Халл.

– А что такое?

– Вы ведь хорошо его знали?

– Да, достаточно хорошо. Он ведь прежде был моим фивнаддом. А когда я получил повышение, мы с ним напились до беспамятства у Поруля и настрогали детишек заезжим девчонкам-лицедейкам из Трейта. До нас дошли слухи, что через несколько месяцев их театр – а он назывался «Танцующие цветы» – закрылся. Конечно, с выпирающим животом особо не потанцуешь.

– С тех пор Халл сильно изменился, – сказал Брис.

– Да неужели?

Принесли напитки: янтарное вино для Бриса и «тюленьё молоко» для Геруна.

– Разумеется, я могу ошибаться...

– Халл всегда высоко ценил верность. И подобно мне, считал, что предатели заслуживают самой суровой мести. Наверняка у него в голове существует черный список предателей... уж не знаю, сколько человек там числится. – Эберикт залпом осушил свой бокал и велел принести еще. – И вся

разница между Халлом и мною заключается лишь в том, что я могу вычеркивать имена из своего списка.

– А вдруг в списке у Халла значится и наш король? – тихо спросил Брис.

Герун равнодушно скользнул по нему глазами:

– Я же вам объяснил: вычеркивать имена удастся только мне.

– Тогда почему Халл находится рядом с Буруком Бледным?

– Бурук вовсе не человек короля. Совсем наоборот. Жду не дождусь, когда мы с ним наконец повстречаемся. – (По спине Беддикта пополз холодок.) – Но меня, Брис, куда больше занимает другой ваш брат.

– Техол? Неужто вы и его тоже занесли в свой черный список?!

Эберикт улыбнулся, обнажив кривые зубы:

– Так я вам и сказал! Успокойтесь, его там нет. Во всяком случае, пока. Но ваш брат явно что-то затевает.

– Вы шутите? Техол давно уже остепенился.

– Это вы так считаете.

– У меня нет оснований думать обратное. А вот у вас, похоже, они есть.

Геруну принесли вторую порцию «тюленьего молока». Финадд окунул палец в густую вязкую жидкость и смотрел, как она стекает обратно в бокал.

– А известно ли вам, королевский защитник, что у Техола

и сейчас полно разнообразных интересов? Точнее, своеобразных. Недвижимость, торговля, перевозка грузов, разрешительные грамоты на то да се. Он полагает, что хитро спрятался и что все считают его лежебокой, который бесцельно торчит на крыше.

– И тем не менее вы что-то заподозрили?

Эберикт пожал плечами:

– Ваш брат сам себе выдал Королевское отпущение грехов. Причем давно, задолго до того, как оно появилось у меня.

– Техол никого не убивал!

Улыбка Геруна сделалась хищной.

– А помните крах Обменной гильдии? Дюжина крупнейших «денежных мешков» покончила жизнь самоубийством. Так вот, тот обвал устроил Техол. Все тщательно продумал, предусмотрел и ловко выбрал подходящий момент. У Техола имелся свой черный список. Чтобы отомстить человеку, вовсе не обязательно всадить ему в глотку кинжал. Ваш брат поступил более изощренно: он сделал врагов своими деловыми партнерами. А потом разорил всех до одного.

– Но Техол ведь и сам разорился.

– И тем не менее предпочел остаться в живых. Вам это ни о чем не говорит? А должно бы.

– Моему брату было на все наплевать.

– Верно. Брис, а вы знаете, кто больше всех восхищается Техолом?

– Неужели вы?

– Нет. Хотя предположение, прямо скажем, весьма впечатляющее. В любом случае речь идет не обо мне, а совсем о другом человеке.

Брис пытался понять, нравится ли ему этот странный финадд, наделенный Королевским отпущением грехов. Что ж, пожалуй, собеседник он приятный. Да вот только тема беседы у них, прямо скажем, поганая.

Подали обед. Взглянув на серебряную тарелку с румяным куском жареной рыбы, Герун Эберикт велел принести ему третью порцию «тюленьего молока».

«Неужели женщины тоже пьют это зелье?!» – подумал Беддикт.

Ему и прежде доводилось бывать в здешнем заведении, но он ни разу не видел, чтобы хоть кто-то из женщин заказывал «тюленье молоко».

– Если честно, мне не хочется говорить о Техоле, – признался Брис.

Он придвинул к себе тарелку и скovyрнул с рыбы румяную корочку. Вилка поддела и нежное белое мясо, обнажив кость с мелкими позвонками.

– Вам неприятно то, что сделал Техол? – спросил финадд.

– Даже не это, – ответил королевский защитник, морща лоб. – Скорее то, что было потом.

– А что было потом?

– Застой.

– Взбаламученной воде нужно дать успокоиться. А вот когда вся муть осядет, можно оглянуться и посмотреть, что же у тебя осталось.

– Герун, вас послушать, так наш средний брат – просто гений изворотливости.

– Не совсем так, но достаточно близко. У Техола есть то, чего не хватает Халлу. Одних знаний мало. Нужно ведь еще применять их на практике. И делать это умело, тщательно выбирая время и рассчитывая, насколько сокрушительными окажутся последствия. Техол обладает такой способностью. А вот у Халла, да хранит его Скиталец, этого нет и в помине.

Брис поднял голову и поймал на себе взгляд водянистых глаз собеседника.

– Так, по-вашему, самый горячий поклонник Техола – наш старший брат?

– Ну, скажем так: его восхищает решимость Техола. Именно поэтому Халл сейчас вместе с Буруком Бледным.

– Вы собираетесь помешать ему на Великой встрече?

– К тому времени может быть уже поздно, Брис. Если, конечно, у меня вообще появится такое намерение.

– А что, может и не появиться?

– Я пока еще ничего не решил, – промолвил Герун, принимаясь за еду.

– Так вы хотите войны?

На лице финадда не дрогнул ни один мускул.

– Прилив поднимает ил с самого дна. В такой воде ничего

толком не разглядишь. Но целеустремленный человек может многое успеть. А потом мусть постепенно осядет.

– И окажется, что весь мир изменился, – с нескрываемым огорчением в голосе заключил Беддикт.

– Вполне возможно.

– Значит, война как средство?

– Для достижения мира.

– Такого мира, который устроит лично вас.

Герун резко отодвинул тарелку и привалился к спинке стула.

– Брис, а во что превратится жизнь, если в ней исчезнут все честолюбивые устремления?

– Наверное, Техол лучше сумел бы ответить на ваш вопрос, финадд.

С этими словами королевский защитник встал. Он только сейчас заметил, что за разговором превратил рыбу на своей тарелке в жуткое месиво. Герун понял его состояние и улыбнулся:

– Сообщите Нифадасу и Куру Кану, что я осведомлен о сложностях, касающихся Великой встречи. А еще передайте им, что я знаю о намерении на время удалить меня из столицы. Но я уже предвкушаю свое победоносное возвращение и сумею наверстать упущенное.

– Я обязательно передам им ваши слова, финадд.

– Брис, сожалею, что своими речами испортил вам аппетит. Рыба была превосходной. В следующий раз мы погово-

рим о каких-нибудь приятных пустяках. Поверьте, я искренне уважаю вас и восхищаюсь вами.

– Стало быть, меня нет в вашем черном списке.

– Пока нет, а там видно будет... Шутка, Брис, – добавил Герун, увидев выражение лица своего гостя. – И потом, вы мигом располосовали бы меня на куски. Кому же такое понравится? Знаете, что мне сейчас пришло в голову? Историю нашего королевства за последние десять лет можно очень наглядно проследить по событиям жизни троих братьев Беддикт. И как видно, повествование еще не закончено.

«Мне бы тоже хотелось так думать».

– Благодарю вас, финадд, за приглашение и за приятное общество.

Герун потянулся и взял со стола тарелку Бриса.

– Окажите мне одну маленькую услугу: выйдите через черный ход. Вы попадете в закоулок, где вечно ошивается один голодный парень. Когда-то он был превосходным мастером, про таких говорят: золотые руки. А потом беднягу ударило бревном по голове. Теперь он как малое дитя. Втолкните ему, что тарелку обязательно нужно вернуть. Сошлитесь на меня. Скажете, что были моим гостем. Это всегда действует.

– Хорошо, финадд. Счастливо оставаться.

– Ну-ка, хозяин, примерьте.

Техол скептически посмотрел на шерстяные брюки, затем

неуверенно протянул к ним руку.

– Скажи, Багг, а есть ли вообще смысл продолжать?

– Вы говорите о штанах или о моем жалком существовании?

– Ты уже набрал команду? Много нанял работничков?

Техол скинул импровизированную юбку и стал натягивать на себя творение Багга.

– Двадцать самых отъявленных бедолаг, каких только мне удалось сыскать.

– И все чем-то недовольны?

– Все до единого. И у большинства, не сомневаюсь, имеются вполне законные причины для возмущения. Хотя нескольких, мне кажется, правильно выгнали: только позорят профессию.

– Возможно, это тебе только кажется. Ведь чаще всего, Багг, запрет на занятие ремеслом налагают из-за разногласий с властями. Ну да нас политика не интересует. Главное, чтобы каждый из нанятых тобой умел работать. И чтобы все они держали язык за зубами. Им достаточно знать, что мы плюем на законы гильдий. Веская причина делать свое дело и помалкивать. Нам важно избежать огласки.

– Вот тут я не до конца уверен. Мы и так уже получили предостережения от гильдий.

– Кто-нибудь приходил и угрожал?

– Пока что лишь письма... Ну вот, хозяин, теперь у вас левое колено не будет мерзнуть.

– Мерзнуть? Не знаю, Багг, что тебе нашептывают твои старые кости, но сейчас жарко, даже душно.

– Сегодня душно, а завтра наступят холода. Я вязал штаны на всякую погоду.

– Надо успокоить гильдии. Сказать, что мы ни в коем случае не сбиваем цены, не платим своим ремесленникам повышенное жалованье. Да и особой выгоды нам это не приносит.

– Если не считать того, что мы ни докария не вложили в это предприятие.

– Об этом мы благоразумно промолчим, Багг... Глянь-ка на мою правую ляжку. У меня там волосы встали дыбом.

– Им не нравятся крайности.

– Гильдиям?

– Не гильдиям, хозяин, а волосам на вашей правой ляжке.

Гильдии волнует, откуда я вдруг такой выискался и как это осмелился создать в столице ремесленное заведение.

– Об этом не тревожься. Когда узнают, чем ты намерен заниматься, тебя сочтут одним из тех идиотов, кто берется носить воду решетом. О тебе благополучно забудут... пока не убедятся, что ты добился успеха.

– У меня возникли кое-какие сомнения, хозяин.

– Насчет чего?

– Лучше бы вам снова нарядиться в юбку из одеяла.

– Вынужден с тобой согласиться, Багг. Раздобудь еще шерсти. Желательно того же цвета, хотя это и не столь важно. Ведь сегодня вечером предстоит встреча с тремя красавицами.

вицами. Они пригласили нас к себе.

– Ох и рискованное это дело, хозяин.

– Мы должны проявлять осторожность.

– Вдвойне, учитывая, что эту шерсть я украл.

Техол снова обмотался ветхим одеялом.

– Особо спешить не будем. Я отдохну, а потом спущусь за тобой. Ты бы прибрался в доме, а?

– Если у меня хватит времени.

И с этими словами слуга полез по скрипучей лестнице на крышу.

Солнце клонилось к горизонту, заливая город приятным оранжевым сиянием. Два оболтуса из Гильдии рисовальщиков остановились на Третьем ярусе с явным намерением запечатлеть Техола. Он махнул им рукой, после чего юнцы принялись о чем-то спорить. Беддикт улегся на нагретую подстилку, устремив взор в предвечернюю синеву неба.

Утром, посетив Утопляки, Техол заметил на другом берегу канала своего младшего брата Бриса. Тот о чем-то беседовал с Геруном Эбериктом. Ходили слухи, что Герун отправится к тисте эдур в составе королевского посольства. Ничего удивительного: Эзгаре Дисканару нужно хотя бы на время удалить от себя этого опасного человека.

Золото обладает удивительной способностью проползти куда угодно; оно легко проникает в такие места, куда не попадают ни ветер, ни вода. Золото сочится из тайн, поселяется и всюду цветет в безжизненных расщелинах. Оно нарочно

выставляет себя напоказ там, где должно было бы оставаться скрытым. Золото дерзко, как трава, выросшая между булыжников. И при желании можно отследить его, добраться до самых корней.

Герун Эберикт. Знать бы, куда ведут его корни. Сплошная цепь загадок и необъяснимых случайностей. Взять хотя бы то знаменитое покушение на короля. Эберикт расправился со всеми исполнителями. Некого пытаться, не у кого дознаваться об истинных устроителях заговора. Мыслимое ли дело – покушение на монарха, которое почти удалось? Казалось бы, злоумышленников должны были перехватить еще на дальних подступах к королевской опочивальне. А вместо этого они едва не прикончили спящего Дисканара. Подручных убитого чародея так и не опознали. Сам он среди собратьев по ремеслу считался весьма заурядным колдуном. Однако натолкать песка в грудь караульным – такое требовало высочайшего магического искусства.

Техолом двигало обычное человеческое любопытство. Ну и вдобавок у него еще возникли определенные сомнения в истинной подоплеке подвига Геруна Эберикта. Средний брат Беддикт оказался куда проворнее королевских дознавателей. Вскоре он обнаружил, что на подготовку и осуществление заговора были потрачены громадные деньги.

Естественно, все подробности интриги знал только Герун Эберикт. Нанятые им люди никак не предполагали, что сами подвергнутся нападению и будут убиты. Естественно, они

стали защищаться, и один из них едва не расправился с коварным финаддом. Шрамы на лице, изуродованные губы, несколько выбитых зубов – вечное напоминание авантюристу, что он находился на волосок от гибели.

Но риск оправдался: он получил поистине королевскую награду – отпущение грехов за все, что сотворит впредь. Отныне Герун Эберикт мог замышлять и делать что пожелает. Взять на себя функции судьи и палача, воздающего за преступления, истинные и мнимые, и за оскорбления, серьезные и пустячные.

Отчасти Техол даже восхищался этим человеком. Если не методами, которыми тот действовал, то его решимостью и напористостью. Каким бы тщательно обдуманым ни был изначальный замысел, финадд ведь балансировал на краю пропасти, ежесекундно рискуя сорваться вниз.

Наверняка Брис встречался с Геруном Эбериктом не по своему желанию, а по долгу службы, как королевский защитник. И все равно, увидев их вместе, средний брат насторожился и встревожился.

Если у Техола Беддикта и был настоящий враг, противник, равный ему по уму и превосходящий его в коварстве, то этим врагом являлся не кто иной, как Герун Эберикт, обладатель Королевского отпущения грехов. Страшный человек, умеющий вынюхивать и выкручивать руки. Конечно, для собственного спокойствия лучше думать, что Герун догадывается о том, что Техол сумеет в случае чего дать отпор,

не настолько он опустился и размяк от безделья.

«Что ж, на мятой и рваной шпалере под названием „жизнь“ появилась новая складка, к которой нужно приглядеться повнимательнее».

Герун неподвластен закону, но враги имеются и у него тоже. Правда, он умеет за себя постоять и меч в его руках смертельно опасен. По слухам, у финадда есть не менее дюжины повязанных с ним кровью телохранителей, которые и оберегают его сон. Опять-таки по слухам, особняк Эберикта превращен в неприступную крепость: свои собственные арсенал и колодец, внушительные запасы продовольствия. Кроме того, Герун держит при себе алхимика, весьма сведущего по части ядов и противоядий. Казалось бы, этот человек предусмотрел любую случайность...

«Так-то оно так, но в голову к Техолу Беддикту этот тип, ясное дело, заглянуть не может».

Иногда единственно верным решением оказывается самое простое и очевидное. Увидел сорняк между камнями – вырви его.

– Эй, Багг! – позвал Техол.

– Чего изволите, хозяин? – донеслось снизу.

– У кого черепки с сегодняшней ставкой Геруна Эберикта?

Из проема показалась седая голова слуги.

– А разве вы сами не знаете? У Турбля. Этот красавчик целиком у вас в руках... если только уже не помер от разрыва

сердца или не свел счета с жизнью.

– Турбль? Нет, исключено: он слишком любит себя. Думаю, сейчас он спешно пакует вещички. Решил съездить на Внешние острова.

– Едва ли он доберется до городских ворот.

– Это при условии, что Герун уже сидит у него на хвосте.

– Вы и сами, хозяин, небось тоже бы с него глаз не спустили, кабы вам причиталось столько денежек.

Техол нахмурился:

– Самоубийство вряд ли годится, даже учитывая плачевное состояние дел Турбля. С другой стороны... Все просто содрогнется от неожиданности. Насколько я помню, родственников у него нет. Так что его долг умрет вместе с ним.

– И Герун помимо выигрыша лишится восьмисот докариев.

– Может, втайне поморщится, но виду не покажет. У него наверняка верхушка накоплена, если не больше.

– Чтобы вы да не знали точную сумму? – удивился Багг.

– Это я так говорил, абстрактно. Знаю, конечно. До последнего докария. Нет, даже до последней кожурки. Просто я предположил, что Геруна выведет из себя вовсе не потеря восьмисот докариев, а бегство должника. Есть тропа, на которую ему не сунуться. Во всяком случае, по своему желанию. И потому Турблю придется совершить самоубийство.

– Вряд ли он на это согласится, хозяин.

– Я тоже сомневаюсь, однако мешкать нельзя. Давай, Багг,

отправляйся к Водоворотам. Подыщешь нам подходящий труп. Свеженький, без малейших признаков разложения. Кроме того, понадобится одна-две бутылки крови Турбля.

– Вы что это задумали, хозяин? Он должен погибнуть от пожара? Но кто же кончает с собой таким способом?

– Расклад будет следующий. Пожар возник из-за масляной лампы, оставленной без присмотра. А без присмотра она осталась, поскольку хозяин дома наложил на себя руки. Труп обгорел до неузнаваемости, но лекарь, обычно пользовавшийся Турбля, скажет, что знает его кровь, поскольку не раз делал покойному кровопускание. Он подтвердит это под присягой, писец запишет, и... все.

– А еще говорят, что кровь лгать не может, – вздохнул Багг.

– Иногда может, – усмехнулся Техол.

– Конечно, если вдруг найдутся безумцы, способные выкачать из трупа его собственную кровь и налить туда чужую.

– Жуткое занятие, Багг. От души тебе сочувствую, но рад, что ты готов за это взяться.

Морщинистое лицо слуги стало совсем хмурым.

– А с Турблем как поступим?

– Да сделаем все как обычно. Он же давно мечтал порыбачить. Только нужно, чтобы кто-то был в туннеле, на случай если Турбль взбрыкнет раньше времени. Люди Геруна – самые лучшие очевидцы. А потом пусть финадд локти от досады кусает, волосы на себе рвет. Нас это уже не касается.

– Разумное ли дело вы затеваете, хозяин?

– У меня нет выбора. Герун – единственный, кто способен мне помешать. Но на этот раз я его обойду.

– А если он поймет, откуда ветер дует?

– Тогда я мертвец.

– А я останусь без работы, – вздохнул Багг.

– Чепуха. Эти отчаянные красотки наверняка продолжат дело и без меня. И потом, ты же хозяин всего предприятия.

Правда, об этом никто не знает.

– Даже я сам.

– Будем считать, что я пошутил.

Голова слуги исчезла в проеме.

А хозяин вновь развалился на подстилке.

«А теперь мне нужен вор, ловкий и умелый... Вспомнил!

Жаль, конечно, девчонку, но...»

– Эй, Багг! – опять крикнул Техол.

Однажды судьба Шаруки Элаль сделала трагический поворот. Случившееся не имело никакого отношения к ее ремеслу. Воровала Шарука на редкость удачливо, вызывая неизменное восхищение у городского отребья. Девушка повздорила с домохозяином. Дошло до того, что тот попытался убить Шаруку и она, защищаясь, выбросила его из окна. Как назло, в это время по улице неспешно брел какой-то торговец, и домохозяин рухнул прямо на него. Оба сломали шею и скончались на месте.

Суд обвинил Шаруку в преступной невнимательности, повлекшей гибель ни в чем не повинного человека. Ее приговорили к штрафу в четыреста докариев, скостив, как женщине, половину. Раньше Шарука без хлопот заплатила бы всю сумму и забыла о происшествии. Но увы, ее ссора с домохозяином как раз и была вызвана необъяснимым исчезновением мешочка с золотыми монетами. Оказавшись без докария за душой, девушка отправилась переплывать канал.

Вообще-то, она была достаточно сильной и выдержала бы груз в двести докариев. Однако судьба нанесла Шаруке новый удар: прикрепленная к спине веревка зацепилась за спинные плавники здоровенной рыбы-обжорки. Рыбина всплыла на поверхность, равнодушно скользнула по преступнице выпученными глазами и снова нырнула, увлекая за собой и жертву.

Обжорки редко заходили в городские каналы. Нападали они только на мужчин. Женщин не трогали. Почему – этого никто не знал.

В общем, Шарука Элаль утонула.

Но, как оказалось, мертвые мертвым рознь. Шарука и не подозревала, что одна из прошлых жертв в отместку наложила на нее проклятие. Причем не простое, а полностью оплаченное и освященное жрецами Пустого храма. Когда девушку вытащили на берег, ее легкие были полны зловонной воды канала, а сердце остановилось. И тем не менее Шарука встала, вся покрытая илом, а в ее безжизненных глазах от-

разились отчаяние и удивление.

Таких, как она, называли неупокоенными. Теперь даже последние бродяги сторонились Шаруки. Все живые отвернулись от нее. Люди проходили мимо так, словно она была призраком, всего лишь воспоминанием.

Между тем тело молодой женщины не разлагалось, хотя ее нездоровая бледность сразу бросалась в глаза. Шарука не утратила былые способности: по-прежнему хорошо видела и слышала, могла думать и говорить. Но все это ничуть не радовало бедняжку, и она неизменно пребывала в подавленном состоянии.

Багг нашел ее там, где Техол и советовал искать, – в переулке за публичным домом. Шарука являлась туда каждый вечер послушать стоны наслаждения, доносившиеся из окон. Одни из них были настоящими, другие – умелой имитацией, но неупокоенная воровка вряд ли чувствовала разницу. Она просто слушала.

– Здравствуй, Шарука Элаль, – произнес Багг.

На него смотрели усталые, погасшие глаза.

– Я уже не дарю наслаждений, – сказала женщина.

– А я уже не ищу их. Меня прислал хозяин. Он хочет заключить с тобой договор. На длительный срок.

– И кто же твой хозяин?

– Пока я не могу тебе этого сообщить, Шарука. Но ему понадобилось твое воровское искусство. Он хорошо заплатит.

– А на что мне теперь богатства?

– Ну, это смотря какие. Вознаграждение вознаграждению рознь.

Шарука вышла из затененного уголка, где стояла:

– И чем же, интересно, твой хозяин собрался со мною расплатиться?

– Ну, это вы уже с ним обсудите.

– А он знает, что я мертва?

– Разумеется. И передает свои искренние сожаления.

– Правда?

– Нет, Шарука. Честно говоря, это я сам сейчас придумал.

– Меня теперь больше никто не нанимает.

– Вот и хорошо. Хозяина очень даже устраивает, что ты свободна.

– Все меня сторонятся. Я такая отвратительная?

– Думаю, лохань с горячей водой и мыло тебе точно не повредили бы. Но мой хозяин готов говорить с тобой и в таком виде.

– Хорошо, я согласна встретиться с ним.

– Замечательно. Думаю, он предвидел все твои пожелания. Встреча состоится в полночь.

– Где?

– На крыше с кроватью.

– В смысле, у него в постели?

– Сомневаюсь, что это входит в замыслы хозяина.

– Приятно слышать. Пусть я и мертва, но я девушка порядочная, не из тех, кого достаточно поманить пальчиком.

Значит, в полночь? Ладно, договорились. На все про все у него будет четверть часа, и ни минутой больше. Сумеет убедить меня взяться за дело – значит так тому и быть. Не сумеет – пусть пеняет на себя.

– Не сомневаюсь, Шарука: четверти часа будет более чем достаточно.

– Только глупцы могут говорить с такой уверенностью.

– А разве я кажусь тебе умным? – улыбнулся слуга.

– А где же Багг?

– Сам удивляюсь, куда это он запропастился. Я велел ему идти сюда.

Техол опустился на кушетку и вытянул ноги. Затем внимательно оглядел трех женщин и поинтересовался:

– Так ради какого такого важного дела вы позвали меня к себе? Я ведь без конца твержу: наше знакомство следует хранить в тайне.

Шанда мозолистой ладонью поскребла бритую голову.

– Мы хотим знать, что ты затеял.

– Вот именно, – подтвердила Риссара.

Хиджана, как всегда стоявшая скрестив руки на груди, нахмурилась и добавила:

– Мы не нуждаемся в телохранителе.

– Я как-то и забыл про него, – признался Техол. – Кстати, где он?

– Сказал, что ему нужно собрать свое барахло, – ответила

Шанда. – Должен бы уже прийти. Мои подружки пока еще его не видели...

– Ага, вот, значит, почему они не разделяют твоих восторгов, – усмехнулся Беддикт.

– У Шанды привычка вечно все преувеличивать, – поморщилась рыжая Риссара.

– Известное дело, от этих телохранителей толку нет, – отрезала Хиджана. – Мне плевать, насколько велик у него...

И тут скрипнула дверь, заставив всех обернуться.

Внутри робко просунулось круглое лицо Ублалы Пунга.

– Привет тебе, Ублала! – поздоровался с ним Техол. – Заходи, не стесняйся.

Полукровка нерешительно застыл на пороге, поочередно разглядывая своими водянистыми глазами Шанду, Риссару и Хиджану.

– Так их тут... целых три?

– Ну да, три молодые женщины. А что в этом особенного? – удивился Техол.

Парень нахмурился и выпятил губы.

– Ничего не бойся, – успокоил его Беддикт. – Я не дам тебя в обиду. Обещаю.

– Взаправду?

– Разумеется. Входи же, Ублала Пунг, и чувствуй себя как дома.

Рослый мускулистый полукровка зашел внутрь и с явным сожалением затворил за собой дверь.

В число пожитков Ублалы не входили ни штаны, ни даже набедренная повязка. Он был по-прежнему нагишом. Впрочем, одежда вряд ли сумела бы скрыть то, чем столь щедро одарила его природа. В душе Техола зародились сомнения, но отступить было уже поздно.

«Ладно, как-нибудь все устроится».

– Ты голоден? Может, пить хочешь? Да не робей, дружисце. Мешок свой поставь... вон туда. А теперь садись... не на стул, на скамью.

«Интересно, этот парень вообще знаком со штанами?»

– Так вот, Ублала, этим женщинам нужен телохранитель. Я так понимаю, что ты согласился на предложение Шанды.

– Я думал, она одна.

– А какая разница?

– Труднее.

– Понимаю. Но ты ведь почти все время будешь проводить здесь... – Техол умолк, не докончив фразы. Он только сейчас заметил: с момента появления в доме Ублалы никто из трех женщин не шевельнулся и не произнес ни слова.

«Ага, а вот теперь наши красавицы и впрямь впечатлились».

Вот уже три года, как Нисалла стала первой наложницей короля. Официально титул этот никакой власти не давал, так что дальше все зависело от самой его носительницы. История знала самые разные примеры; зачастую успех первой на-

ложницы определялся тем, насколько сильны позиции короля, королевы и первого советника.

Сейчас при дворе жило шесть наложниц; остальные пять – младшие дочери из знатных и влиятельных семейств. Родители надеялись обеспечить своим чадам неплохую партию на будущее. Ведь помимо короля юные красавицы могли также привлечь внимание принца. Подобно четырем консортам королевы, все наложницы помещались в удаленной части дворца и жили уединенно. Только первой наложнице и первому консарту дозволялось, помимо членов августейшей фамилии, общаться и с другими обитателями дворца.

Войдя в помещение, Брис Беддикт сперва поклонился Нисалле, а затем по-военному отдал честь Уннутале Хебаз. Его вовсе не удивило присутствие в кабинете прэды первой наложницы. Эта женщина давно уже решила, на чьей она стороне.

– Здравствуйте, королевский защитник, – улыбнулась она. – А мы с Уннуталой как раз говорили о вас.

– Точнее, строили догадки насчет беседы, которую вы имели нынче днем с финаддом Геруном Эбериктом.

– Прэда, я сожалею, что задержался с докладом вам.

– Зато теперь вы повторите его без запинки, – засмеялась Нисалла. – Правда, поскольку вы уже докладывали обо всем первому евнуху и сэде Куру Кану, ваш рассказ неизбежно утратит некоторую живость. Но ничего, мы вам это простим.

Брис перевел взгляд на главнокомандующую летерийской

армией:

– Прэда, независимо от дарованной королем милости Герун Эберикт по-прежнему остается в вашем подчинении. Удивлен, что он до сих пор не сообщил вам подробности нашей с ним беседы, ибо...

– А с чего вы взяли, что он мне этого не сообщил? – резко перебила его Уннутала. Затем, спохватившись, примирительно махнула рукой. – Простите, Брис. Я не должна была так отвечать. Просто день у меня нынче выдался длинный и тяжелый.

– Извинения излишни, прэда. Я забыл о субординации.

– Брис, о какой субординации вы говорите? – вмешалась Нисалла. – Вы же теперь королевский защитник и даже к самому Эзгаре можете входить без доклада. Простите Уннутале ее резкость, но не судите строго. Разговор с Геруном изматывает кого угодно.

– Да, ему присуще некоторое высокомерие, – согласился Брис.

– Скажите уж лучше, заносчивость, – рубанула прэда. – Он, случайно, не дал вам повода вызвать его на дуэль?

– Нет.

– Очень жаль, – вздохнула Нисалла.

– Но зато, похоже, Герун предостерег меня. – Обе женщины повернулись к Брису, ожидая пояснений. Тот пожал плечами. – Эберикт напомнил мне, что его черный список еще не закрыт.

– И теперь он намеревается убить Бурука Бледного?

– Скорее всего. Я известил первого евнуха о такой возможности.

Нисалла принялась расхаживать по комнате взад-вперед.

– Если сообщить об этом королю, у его величества возникнет желание вывести Эберикта из состава посольства, – заметила она. – Королева и первый советник наверняка воспримут это как свою победу.

– Можно сообща выработать стратегию, – вставил Брис.

– Можно, – согласилась первая наложница. – Но вдруг мы что-то упустили или не так поняли? Что, если на самом деле отсутствие Геруна гораздо выгоднее королеве, чем кажется на первый взгляд? К тому же мы знаем: Бурук Бледный действует по указке сторонников Джаналлы, и его гибель вряд ли нас огорчит.

Брису стало не по себе от столь легкого обращения с чужой жизнью.

– А насколько уверенно чувствует себя сам Бурук?

– У нас есть свой человек в его окружении, – ответила Уннутала. – Бурука терзают угрызения совести. Он усиленно глушит себя вином и белым нектаром, пытается забыться в объятиях любовниц.

– А королева... – начал Брис.

– Жаждет начать войну, – тряхнув головой, сказала Нисалла. – Безответственная, алчная женщина с мозгами словно у самки тюленя. Дальше собственного носа не видит. И

сообщник ей под стать: наиглупейший первый советник за всю историю Летерии. А рядом с ними – податливый принц-увалень, которому не терпится самому усесться на трон.

Брис тяжело переминался с ноги на ногу.

– Но если Бурука мучает совесть, – заметил он, – то можно попробовать склонить его на другую сторону.

– Под ястребиным взором Мороха Невата? Сомневаюсь.

Судя по словам Нисаллы, прэда уже выработала определенную стратегию. Но вот только куда все это приведет?

– Геруну придется добавить в свой черный список еще одно имя, – устало промолвила Уннутала.

– Вы имеете в виду Мороха Невата?

– Да, Брис. И расправиться с ним будет нелегко.

– Еще бы! Морох – опытный воин, привыкший действовать решительно. Неподкупный, с безупречной репутацией.

– А кому он служит? – спросила Нисалла.

– Разумеется, принцу. Но Королевское отпущение грехов не позволяет убивать членов королевской семьи.

– Хотя у принца по сравнению с его телохранителем репутация просто никудышная, – холодно улыбнулась Уннутала.

Первая наложница кивнула.

– Герун не осмелится в открытую действовать против Квилласа. Ему придется искать обходные пути.

– Откровенно говоря, я все равно никак в толк не возьму, каковы побудительные мотивы Геруна Эберикта, – произнес Брис, которому уже начал надоедать этот разговор. –

Я не понимаю, зачем ему вообще понадобилось составлять черный список.

– А я понимаю, – возразила ему прэда. – Я точно знаю, что замышляет этот человек. Вскоре мы увидим, как его список пополняется.

– Тут еще важно уяснить, – подала голос Нисалла, – какая роль отведена во всем этом бывшему финадду Геруна – Халлу Беддикту.

Беддикт отвернулся. Такое чувство, что он оказался в крепости, которую осаждают со всех сторон. Если не один брат, так другой!

– Хорошо, я это обдумую.

– Только не увязайте в раздумьях, – предупредила его Уннуталя Хебаз.

– Мне понадобится пара дней.

– Договорились. Не смею больше задерживать вас, королевский защитник.

– Спокойной ночи, прэда. Спокойной ночи, Нисалла.

Брис вышел из кабинета. Гвардейцы, охранявшие вход, замерли навтыжку. Он прошел мимо них и, сделав несколько шагов по коридору, остановился. Сейчас ему было все равно, смотрят ли на него охранники и что они при этом думают.

Вряд ли эти парни воспринимали Бриса Беддикта как живого человека. Для них он был прославленным воином, финаддом и королевским защитником. Все эти пышные титу-

лы вызывали зависть и восхищение. Но сейчас его поведение, возможно, несколько удивило караульных. Почему он вдруг застыл здесь с таким видом, словно бы остался совсем один в огромном мире? Почему его взгляд обращен куда-то вовнутрь, а плечи устало опущены? Может, часовые хоть ненадолго прониклись к Беддикту сочувствием? Если и да, то всего лишь на краткий миг, а затем ими вновь овладели зависть вперемешку с восхищением. И злорадство: обратная сторона высокого положения – отчужденность; за все надо платить.

– Ну сколько раз повторять одно и то же? Мы не можем позволить себе поддаться чувствам, – сказал Техол. – Летерас – город суровый и мстительный. Нельзя допускать ошибки... Ублала, ради Скитальца, перестань уже ежиться. Так ты скоро пятнами пойдешь... Шанда, я пытаюсь втолковать тебе простую вещь: беспечность способна все погубить. Иными словами, таких встреч, как эта, впредь у нас быть не должно.

– Расскажи лучше, ты делом занимаешься? – спросила Риссара.

– В смысле?

– У меня завтра встреча с королевскими зодчими, – откашлявшись, сообщил Багг.

– Наконец-то! – выдохнула Шанда и зачем-то постучала костяшками пальцев себе по глазам. – А то пока что все боль-

ше напоминает переливание из пустого в порожнее.

– Правильно, именно такое впечатление мы и должны производить, – с энтузиазмом подхватил Техол.

– На других! – огрызнулась Шанда. – А зачем перед самими собой комедию разыгрывать?

– Чтобы не выйти из образа. Пойми, Шанда, мы сейчас закладываем фундамент, без которого никакое здание стоять не будет. Это очень важный этап. И перепрыгнуть через него и сразу приступить к следующему невозможно... Ладно, милые дамы, мне пора идти. Позвольте откланяться.

– Что-о?

– Время уже позднее. И кровать неотвратимо манит меня. А вы, дорогие красавицы, отведите Ублале комнату наверху. Завтра купите ему одежду. Может, и оружие тоже, если он умеет с ним обращаться.

– Не оставляй меня здесь! – взмолился Ублала.

– Тебя же нанимали для дела, – утешил его Техол. – Чего всполошился? Здесь ты можешь жить спокойно, поскольку находишься в безопасности. Правда, Шанда?

– Ну конечно, – томно проворковала лысая женщина.

– Прекрати свои выкрутасы, иначе мне придется нанять телохранителя для нашего телохранителя!

– А может, у Ублалы есть брат.

Техол махнул рукой Баггу, и они молча покинули дом.

– Думаю, нам все-таки придется время от времени вправлять мозги этим красоткам, – проворчал Техол.

– Все всякого сомнения, – согласился слуга.

Невзирая на поздний час, в городе всю кипела жизнь. Летом лавки и торговые заведения были открыты до самого утра. Жара порождала в людях беспокойство, выразившееся в ненасытности. Когда похолодает, такого наплыва покупателей уже не будет. Зато останутся незримые цепи новых долгов, опутавших очень и очень многие семьи.

Хозяин и слуга свернули с набережной и углубились в переулки. Здесь не было принаряженных празднующих толп. Тут обитали те, кто днем отсиживался и отлеживался в своих темных зловонных норах, а к ночи выбирался на поверхность. Из темноты слышались голоса. За Техолом и Баггом увязалась стайка оборванных ребятишек. Они протягивали чумазные руки, надеясь получить хотя бы несколько кожурок. Когда же стало ясно, что на подаяние рассчитывать нечего, один из сорванцов дернул Техола за край юбки, и вся ватага со смехом унеслась прочь. Вскоре обоих мужчин сопровождал только шум собственных шагов.

– Благословенная тишина родных мест, – сказал Техол, когда они подходили к дому. – Мне всегда бывает худо при виде толп и суеты. Возникает такое чувство, как будто ты заперт в одном нескончаемом мгновении.

– Что, хозяин, снова раздумья одолели? – спросил Багг.

– К счастью, уже прошло.

В доме было темно. Техол ощупью добрался до лестницы.

– Не забудь утром прибраться, – велел он слуге.

– А вы помните, что вам сейчас предстоит встреча?

– Только со сном. Самая желанная встреча.

Багг не ответил.

Техол выбрался на крышу, закрыл люк и направился было к постели. Но тут из темноты послышалось:

– Опаздываешь?

– Ни в коем случае, – возразил он, сразу вспомнив, с кем должен был встретиться. – Как раз пробило полночь, и у нас есть четверть часа.

– Говори, я слушаю.

– Сперва скажи, как жизнь, Шарука? Ой, прости, я неправильно выразился.

– Тебе всегда был присущ особый юмор. Да какая там жизнь! Жалкое существование – вот как это называется. День за днем, ночь за ночью. Шаг за шагом по дороге в никуда.

– Вообще-то, ты и раньше так жила. Считай, ничего не изменилось.

– Не доводи меня до смеха, Техол Беддикт. Когда я смеюсь, у меня изнутри разная дрянь лезет. Так ты хочешь меня нанять? Для какого дела?

– Ну, скажем так: мне требуются услуги опытного специалиста.

– Ха! Я и живая-то не шла ни к кому в услужение. С какой стати мне теперь менять привычки?

– Долгосрочный контракт, приличное вознаграждение. –

Техол уселся на постель, продолжая разглядывать ночную гостью. – Подумай хорошенько, не отвергай с ходу мое предложение. В общем, так. У меня на примете есть такие места, куда не проберется ни один живой вор. Это по силам либо искусному чародею, либо тому, кто уже мертв и потому способен преодолеть магические преграды, не оставив следов. Колдунам я принципиально не доверяю. Остаешься только ты.

– В Летерасе есть и другие неуспокоенные.

– Всего двое. И ни у кого из них не имеется воровских навыков.

– А откуда ты знаешь, что их всего двое?

– Я много чего знаю, Шарука. Одна из них – женщина, которая обманула своего мужа, а он в отместку потратил все, что копил на черный день, дабы наложить на изменницу посмертное проклятие. Вторая – малолетняя девочка. Кто и за что проклял ее – понятия не имею. Мне известно лишь, что обитает она в подвале под старой башней, что за королевским дворцом.

– Я, бывает, навещаю девчонку. Она сама не знает, кто ее проклял. Бедняжка вообще ничего не помнит о прежней жизни.

– Вероятно, кто-то наложил на нее дополнительное заклятие, – предположил Техол. – А вообще, все это очень странно.

– Согласна. Основное проклятие стоит полверхушки, ни-

как не меньше. Сколько же, интересно, пришлось выложить за то, чтобы ей также и память отшибло?

– Думаю, еще столько же. Ну и кому, спрашивается, так могла насолить десятилетняя девчонка? Почему ее просто не убили в каком-нибудь укромном углу или не утопили в канале? – Техол придвинулся к Шаруке. – Вот что я тебе скажу. Помимо прочего, мы займемся и разгадкой этой тайны. Что бы ты ни говорила, чувствую, она не дает тебе покоя.

– Эх, жаль, я не знаю, кто виноват. Я бы не задумываясь всадила кинжал в глаз тому, кто проделал такое с несчастной малышкой.

– Ага, значит, ты не потеряла интереса к окружающему миру! – воскликнул Техол.

– А я этого и не утверждала. Просто когда тебе некуда идти и ты никому не нужна, поневоле становится на все наплевать.

– Ничего, мы постараемся это исправить, – пробормотал Техол.

Неуспокоенная женщина внимательно поглядела на него:

– Когда-то ты был редким умницей.

– Не спорю.

– А потом все потерял.

– Тоже верно.

– И вместе с денежками, похоже, ты утратил и уверенность в себе.

– А вот тут, Шарука Элаль, ты ошибаешься.

– Значит, все это – лишь часть демонического замысла?

– Любой стоящий замысел в чем-то демонический.

– Не вынуждай меня смеяться.

– Я, кажется, не сказал ничего смешного. Так мы договорились?

– погоди, Техол. Я правильно понимаю, что раскрытие тайны, связанной с наложенным на девчонку проклятием, не является платой за мою работу? Это... довесок?

– Ну да.

– Хорошо. А какое же вознаграждение ты приготовил для меня?

– Я готов выслушать твои пожелания и предложения. Может, ты хочешь разрушить собственное проклятие? Может, тебе надоели эти мытарства и ты мечтаешь о вечной ночи? О мире, где измученная воровская душа перестанет тебя тревожить и уйдет навсегда? Или, напротив, ты хочешь по-настоящему возродиться? Снова получить жизнь? Отомстить тому, кто тебя проклял?

– Я уже отомстила.

– Прекрасно. Признаться, я не слишком удивлен. И кто же это сделал, позволь спросить?

– Герун Эберикт.

– Он и впрямь достоин отмщения. Кстати, я как раз хотел о нем поговорить.

– Это один из твоих противников?

– Похоже на то.

– Если честно, убийства не для меня. Это совершенно другое ремесло. И потом, насколько я знаю, подобраться к Геруну не так-то просто.

– А я и не прошу тебя его убивать. Достаточно украсть его состояние.

– Прочитать наглеца? Вот было бы славно! А то этот Герун Эберикт совсем зарвался.

– Таков уж его характер. Добавь сюда еще Королевское отпущение грехов. Он чувствует себя почти богом.

– Но при этом любит корчить из себя скромного королевского солдата.

– И наша задача, Шарука, сделать так, чтобы все эти маски начали с него спадать. А то аппетиты финадда растут не по дням, а по часам.

– Он что, и тебя уже заприметил? – уточнила женщина.

– Насколько знаю, пока нет. Лучше бы вообще не попадать в поле его зрения.

– Ты, поди, знаешь, как охраняется особняк Эберикта. Хорошо бы пробраться туда – это будет такой щелчок ему по носу.

– Вот и щелкни его. Давно пора.

– Пока мы тут говорили, Техол, я все думала, какое вознаграждение у тебя попросить. Знаешь, я не хочу снова стать живой. И совсем умереть тоже не хочу. Я желаю, чтобы у меня была... видимость жизни.

Молодой человек удивленно вскинул брови:

– В смысле?

– Ну, чтобы у меня была гладкая блестящая кожа. Чтобы мои глаза звали и манили. Хочу густые, красиво уложенные волосы. Новую одежду, духи. И еще я хочу снова испытывать наслаждения.

– Какие именно?

– Плотские. Получать удовольствие в постели!

– Никак это мое приятное общество породило в тебе такие желания?

– Не заставляй меня смеяться, ибо...

– Как же, помню: ты опасаясь, что наружу поперет разная дрянь. Неужели у тебя внутри еще остаются ил и тина?

– Не люблю говорить об этом. Я уже три года таскаю внутри себя речную воду. Может, есть способ от нее избавиться?

– М-да, приятного мало. А как тебе удастся говорить, не вдыхая воздух?

– Сама не знаю. Я могу втянуть воздух в глотку, но он почти сразу высыхает.

– Ага, я заметил... Часть твоих просьб выполнить довольно легко. Правда, нам придется действовать осмотрительно. А вот с другими посложнее. Особенно что касается наслаждения. Но уверен: и здесь дело небезнадежно.

– Представляю, сколько это стоит.

– Герун Эберикт с радостью за все заплатит.

– А если это потребует всех его денег?

Техол пожал плечами:

– Шарука, деньги не являются целью моего замысла. Я вообще собирался выбросить их в реку.

Воровка прищурилась:

– Лучше отдай их мне.

– Шарука, очень тебя прошу: не вынуждай меня смеяться.

– Почему?

– Потому что смех заразителен.

– Ладно, договорились.

– Ну, так как насчет моего предложения? – спросил Техол.

– Что ж, я принимаю его. Думаю, мне вовсе не обязательно постоянно мозолить тебе глаза?

– Нам вполне достаточно встречаться по ночам. Приходи завтра, и мы сделаем из тебя новую женщину.

– Но с условием, что я буду пахнуть по-новому.

– Не беспокойся. Я знаю нужных людей, которые нам помогут.

Воровка ушла тем же путем, что и появилась: слезла по внешней стене дома. Техол видел, как она спустилась в переулок и растворилась во тьме.

«Ну вот и хорошо. Наконец-то можно растянуться на кровати и уснуть».

Но лечь ему не дали голоса, донесшиеся снизу. Кого там еще принесло посреди ночи? Наверное, кто-то знакомый, иначе голос Багга звучал бы куда громче и тревожнее.

Техол вздохнул. Всего несколько недель назад его жизнь

была намного проще и спокойнее. Никаких целей и замыслов, никаких планов и умозаключений. Жил себе тихо-мирно и никому не был нужен. А теперь вдруг понадобился, да еще в такое неурочное время.

Заскрипели оставшиеся ступеньки лестницы. Люк на крыше откинулся, и оттуда вылез человек в темном плаще. Техол сразу же узнал нового гостя.

– Вот уж кого я никак не ждал, – пробормотал он.

– Твой слуга заверил меня, что ты еще не спишь. Интересно, как он это определил?

– Дорогой братец, мой скромный ум не в состоянии постигнуть, на чем основано сверхъестественное чутье Багга.

Брис остановился у постели Техола:

– А если вдруг дождь пойдет, тогда как?

– Увы, придется спуститься вниз и терпеть нескончаемый храп Багга.

– Так ты перебрался на крышу потому, что твой слуга храпит?

Техол улыбнулся, а потом сообразил, что в темноте его улыбка все равно не видна. Может, это и к лучшему.

– Прости, брат, что вовремя не поздравил тебя с титулом королевского защитника. Прими мои запоздалые поздравления.

Брис стоял не шевелясь.

– Скажи, ты часто навещаешь склеп, где похоронены наши родители? – вдруг спросил он. – Или вообще туда не хо-

дишь?

Скрестив руки, Техол смотрел на отражения звезд в темной воде канала.

– Я давненько там не бывал, Брис.

– А когда ты был там в последний раз? – допытывался младший брат.

– Когда их хоронили. Мы по-разному чтим память о родителях. Ну что такое семейный склеп? – Техол передернул плечами. – Унылое помещение с каменными стенами. Как будто только там можно отдать дань уважения отцу и матери!

– Тогда скажи, каким образом ты чтишь их память?

– А ты не догадываешься?

– Нет.

Техол потерял глаза и только сейчас почувствовал, насколько устал. В основном от размышлений. Да уж, утратил он прежнюю сноровку. Техола утомлял не только мыслительный процесс. Куда сильнее его мозг изнуряла память о родственниках, давным-давно разорванных. Вспоминать обо всем этом – все равно что вновь облачаться в помятые доспехи, доставать из пыльных ножен меч и принимать забытую боевую позу. Самое ужасное: оказывается, что все это нигде не исчезало, только затаилось, и ты снова погружаешься в мир, в который тебе вовсе не хочется возвращаться.

– Я не понимаю, Брис, с чего ты вдруг затеял этот разговор? Может, сейчас канун Дня поминовения родителей? Или у нас имеются многочисленная родня и дом, где ее мож-

но собрать? Все бы чинно расселись за столом, оставив два пустых стула незримо присутствующим отцу и матери. Свой мир, где многое понятно с полуслова и полувзгляда... Мертвые и так говорят с живыми. Без слов, никогда не оставляя нас в покое.

Брат все так же неподвижно стоял возле его постели и молчал.

– Ты ведь явно не за этим пришел ко мне, Брис.

– Мне нужна твоя помощь.

Техол поднял голову. Лицо гостя тонуло в сумраке.

– Я пришел из-за Халла, – сказал Брис. – Похоже, нашему брату не терпится быть убитым.

– А ты никогда не задумывался, почему никто из нас троих так и не женился?

– По-моему, я говорил о...

– Не торопись, брат. Доберемся мы и до Халла. А винить в своей холостой жизни мы должны нашу мать. Она была слишком сметливой. Покарай меня Скиталец, если я преувеличиваю, но отнюдь не отец, а матушка заправляла всем имуществом и деньгами.

– А ты, Техол, весь в нее. Нам с Халлом перепало куда меньше. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, слушаю твои слова, пытаюсь следовать за ходом твоих рассуждений, я узнаю покойную маму. Но я не понимаю, при чем тут...

– Говорят, наши надежды обитают на небесах. А ведь мы пытались, Брис, найти себе жен. Все трое. Помнишь?

– Да куда ты клонишь? – не выдержал младший брат.

– Как это – куда? Сейчас перейду к Халлу. Ты ведь пришел поговорить о нем, вот мы и говорим. Слушай внимательно... Однажды Халл встретил женщину, умом очень похожую на нашу мать, но со своими особенностями. Правильнее сказать, это Халл встретился ей на жизненном пути. Небеса сделали ему величайший подарок, а он ничего не понял. Так и не догадался за все то время, пока этот дар находился в его руках.

Брис придвинулся поближе, и Техолу показалось, что брат испытывает сильное желание схватить его за горло.

– Как ты не понимаешь? – воскликнул Брис. – Принц ищет повода убить Халла. А если не принц, то первый евнух. Он боится, что на Великой встрече наш братец может высказаться против короля. Но и это еще не все! – Брис вымученно рассмеялся. – Герун Эберикт тоже не прочь свести с Халлом счеты. Думаю, до тебя дошли слухи, что Эберикта отправляют туда в составе посольства... Вроде всех врагов назвал? Остальные не в счет: это уже так, по мелочи. Халл обязательно будет присутствовать на переговорах с тисте эдур. Он единственный человек, чьи замыслы никому не известны. Попробуй вести игру, если в последний момент в нее вступает игрок, который себе на уме!

– Успокойся, Брис, – сказал Техол. – Я, вообще-то, говорил о том же самом.

– Что-то не припоминаю.

– Если ты несколько минут послушаешь меня, не перебивая, мы быстрее доберемся до сути... Итак, нашему брату встретила женщина. Потом они расстались. Но эта женщина не исчезла в никуда. Сейчас она там, Брис. Ее зовут Серена Педак. Она защитит Халла.

– Как мать защитила отца? – язвительно бросил Брис и отвернулся.

Техол вздрогнул, затем вздохнул:

– Есть смягчающие обстоятельства.

– А Халл – вылитый отец!

– Ты спрашивал, каким образом я чту память наших родителей. Теперь я отвечу. Вот я смотрю на тебя: на то, как ты стоишь, на твою выправку и смертоносную грацию – и вижу перед собой живое воплощение нашего покойного отца. Халл еще сильнее напоминает его; куда больше, чем ты. Ну а я действительно весь в мать. Ты пришел просить о помощи, но не желаешь услышать мои слова. Разве нам нужны еще какие-то напоминания о судьбе наших родителей? Их роли перешли к нам, и сейчас мы терзаем друг друга, повторяя их мучения.

– Ты хочешь сказать, мы повторим их судьбу? До самого конца?

– Повторить чью-то судьбу невозможно. Я сейчас толкую не об этом. Если бы не мы, мать смогла бы спасти отца. Но ей мешал страх за детей. Его очень ловко заманили в ловушку несуществующих долгов. Мама понимала это. И разорвала

бы все пути, но... как и я, она не видела мира, восстающего из пепла. И потому мама боялась.

– Значит, не будь нас, она спасла бы отца? Удержала бы от коварного малодушия, которое и стало причиной его гибели? – У Бриса сверкали глаза. Чувствовалось, что он не ожидал такого поворота.

– Думаю, да, – с запозданием ответил Техол. – Мы учились жизни на примере родителей, и случившееся преподнесло нам самый жестокий урок. Ты выбрал службу в королевской гвардии, а теперь еще и стал королевским защитником. Никакой долг над тобой не властен. Халл ушел и от золота, и от опасных ловушек. Он пытался спасти свою честь, спасая жизни других людей. Но когда даже в этом потерпел неудачу... Можешь ли ты себе представить, чтобы Халл вознамерился покончить с собой? Трусость нашего отца, Брис, вылилась в предательство. А это самый скверный вид трусости.

– А что ты скажешь про себя, Техол? Какой жизненный урок усвоил ты?

– В отличие от нашей мамы, на мне не висит ноша. У меня нет детей. Я могу решать только за себя. И потому, брат, я сумею достичь того, чего не удалось матери при всей ее любви к отцу.

– Сумеешь достичь, щеголяя в лохмотьях и устраивая себе спальню на крыше?

– Иногда намного удобнее выглядеть опустившимся неудачником, Брис. Таким не завидуют и козней против них

не строят.

– И тем не менее Герут Эберикт догадывается, что все это – лишь видимость. Он оказался прозорливее меня. Я-то принимал твой балаган за чистую монету.

– До сегодняшнего визита ко мне?

– Да, пожалуй.

– Иди домой, Брис, и не волнуйся. Серена Педак уберезет Халла. Эта женщина может ненавидеть его взгляды, спорить с ним, но не отступит. Она сделает это вопреки всем логическим доводам. Даже у самых умных людей есть свои изъяны.

– И к тебе, Техол, это тоже относится?

– Я обобщаю, чтобы тебе было легче понять. Но при этом всегда остаюсь вне собственных обобщений. Я исключение из правил.

– И как же это тебе удается?

– Я сам устанавливаю правила. Это моя любимая игра.

– Клянусь Скитальцем, временами я тебя просто ненавижу. Но послушай меня, Техол. Ты недооцениваешь Геруна Эберикта.

– Хорошо, я послежу за Геруном. Не удивлюсь, если за тобой увязался хвост. Тебе так не показалось?

– Я как-то об этом и не подумал. Не исключено, что и увязался. Думаешь, нас подслушивали?

– Это невозможно. Прежде чем улечься спать, Багг окружает дом магической защитой.

– Багг? Твой слуга?

Техол слегка похлопал брата по плечу и подвел его к люку.

– Почти во всем остальном от него нет никакого проку.

Мы вечно ищем в себе скрытые таланты, и это упражнение забавляет нас. По крайней мере, меня.

– Багг? Знакомое имя, – не унимался Брис. – Не он ли готовил тела наших родителей к погребению?

– Он. Тогда-то я впервые встретил Багга и сразу же распознал в нем полное отсутствие устремлений... Есть только одно место, откуда можно увидеть вход, не привлекая ничьего внимания. Только одно, Брис. Во всех остальных случаях подойти незамеченным невозможно. А дальше... кто знает. Может, начнется погоня, возникнет неразбериха. Все оборачивается против тебя. Тебе придется убить этого человека, который, вполне вероятно, подослан Геруном. И не на поединке, а просто убить. Ты готов?

– Естественно. Но ты говорил, что все подходы к дому хорошо просматриваются.

– Да. Но я совсем забыл про подземный ход.

Брис взялся за ручку люка:

– Здесь есть подземный ход?

– Надо же занимать Багга работой, а то он совсем обленится.

Часть складской стены отбрасывала достаточную тень. Вот оно, единственное место, где можно затаиться и наблюдать за входной дверью в жилище Техола. Брис Беддикт оста-

новился. Его глаза хорошо видели в темноте. Там было пусто. Однако ноздри Бриса чувствовали вязкий, отдающий железом запах крови.

Выхватив меч, он подошел поближе.

Громадная лужа крови так и застыла среди булыжников, словно земля не желала ее принимать. Скорее всего, убитого полоснули по горлу и перевернули на живот, дав вытечь всей крови, а потом куда-то поволокли. Двойной след окровавленных подошв тянулся вдоль стены, заворачивал за угол и исчезал.

Королевский защитник двинулся по следу. Пройдя несколько шагов, он увидел в пыльной ямке отпечаток босой детской ноги. Ребенок, утащивший труп взрослого? Ну и ну! И скорее всего, эти же детские руки...

Беддикт переменил решение. Летерас, как и любой город, имел свою изнанку. Откуда, из каких нор появлялись его ночные обитатели, Брис не знал и не желал знать. Это был чужой мир, со своими охотниками и жертвами, куда ему незачем соваться. Ночные часы принадлежали Белой Вороне, и только отчаянные глупцы без надобности становились на ее пути.

Брис повернул в другую сторону и зашагал к дворцу. Его мысли были заняты средним братом. Нищета Техола и его равнодушие к жизни оказались всего лишь прикрытием. На самом деле могучий ум продолжал работать. Все это делало Техола весьма опасным человеком.

«Хвала Скитальцу, брат на моей стороне, – думал Брис. – По крайней мере, очень хочется верить, что он на моей стороне».

Старый дворец постепенно сдавал свои позиции. Еще немного – и весь королевский двор с многочисленными службами переберется во Дворец Вечности. Само здание старой резиденции стояло на просевшем холме, в ста шагах от речного берега. В зависимости от времени года река то приближалась к нему, то отступала. Остатки высокой стены говорили о том, что когда-то пространство между дворцом и рекой было отгорожено от остальной части города и что внутри находились какие-то постройки.

Вряд ли стену воздвигли, чтобы закрепить свое владение землей. Все постройки появились здесь еще до основания Первой империи. Наверное, стену сложили совсем по другой причине. Например, это место считалось у аборигенов священным. Однако переселенцы вряд ли питали к нему такие же чувства. Возможно также, что первые летерийцы были более сведущими в тайных знаниях (ныне безвозвратно утраченных) и потому уважительно отнеслись к приземистым яггутским строениям, посреди которых торчала диковинного вида башня.

История тех далеких времен превратилась в прах вместе с камнями стены, и бесполезно было искать ответы, просеивая пыль и роясь в чешуйках сланца. Горожанам появляться в

этих местах не запрещалось, однако люди сами привычно обходили их стороной. Шестьсот лет тому назад тогдашний король издал указ, запрещавший снос древних строений и возведение на их месте новых домов. Время от времени предпринимались попытки отменить этот указ и подавались соответствующие прошения. Доводы были весьма убедительными, но королевская канцелярия всегда отвечала отказом.

Люди, далекие от магии, недоуменно чесали в затылке: и это в Летерасе, где все можно продать и купить?! Зато опытные гадалки на черепках отлично знали, каково назначение накренившейся квадратной башни, стоявшей в обрамлении узловатых корней. Яггутские строения имели самое прямое отношение к Обителю Льда. Чародеи верили, что эта башня была самой первой из всех Башен Азатов.

При жизни Шарука Элаль не особо прислушивалась к рассказам местных жителей и даже посмеивалась над ними, считая досужими вымыслами. Однако, когда женщина оказалась между жизнью и смертью, недоверчивости у нее сразу поубавилось. Теперь окрестности серых щербатых стен таили для Шаруки немалую опасность. Она чувствовала родню, но не по крови. Здесь обитало целое семейство неуспокоенных; тех, кто не мог или же не хотел перейти в небытие. В глинистой земле находились не могилы, а темницы. Азаты не отпускали своих детей.

Шарука ощущала: под землей есть также и живые. Точнее, заживо погребенные. За века заточения несчастные успе-

ли лишиться рассудка. Некоторые буйствовали, сиюсь вырваться из цепких объятий корней. Другие зловеще молчали, будто ждали конца вечности.

Воровка приближалась к яггутским развалинам. Над их кривыми стенами был виден третий, последний этаж квадратной башни. Ни одно строение здесь не стояло прямо. Своим чудовищным весом они словно бы выдавливали из-под себя пласты глины и песка. Стены густо поросли плющом. Его побеги тянулись также и к Башне Азатов, но, не достигнув ее, засыхали. Вокруг камней фундамента росла лишь желтоватая трава.

Шаруке не требовалось видеть кровавый след. Ее вели потоки запахов, разливавшиеся в душном ночном воздухе. Ориентируясь на них, женщина достигла развалин стены, окружавшей Башню Азатов.

С другой стороны, возле ствола скрюченного дерева, сидела девочка со странным именем Плошка. На вид ей было лет девять или десять: точный возраст ребенка никто не знал. Проклятие обрекло несчастную на вечное детство. Одежды на малышке не было. Ее бледную кожу покрывала корка грязи, а длинные волосы слиплись от засохшей крови. Труп, что лежал перед нею, наполовину погрузился в землю, увлекаемый туда тьмой.

Кому он достанется на прокорм? Азатам или их подземным узникам? Неизвестно. Впрочем, судьба трупов не волновала Шаруку. Земля поглощает их, и то хорошо.

Плошка подняла голову. Ее черные глаза тускло отражали звездный свет. Мешал густой слой плесени. Если его не счистить, мертвая девочка перестанет видеть.

– Почему ты отказываешься стать моей мамой? – спросила Плошка.

– Я уже говорила тебе: я не хочу быть ничьей матерью.

– А я сегодня шла за тобой, – сказала девочка.

– Ты всегда ходишь за мной, – вздохнула Шарука.

– Как только ты слезла с крыши, в тот дом пришел какой-то военный. За ним следили.

– И кого из двоих ты убила?

– Само собой, того, который следил. Я же хорошая девочка, забочусь о тебе. И ты обо мне заботишься.

– Ни о ком я не забочусь, Плошка. Ты ходишь в неуспокоенных гораздо дольше моего. Ты давно живешь здесь, в подвале. Я приношу тебе тела.

– И всегда мало.

– Я не люблю убивать и делаю это, только когда у меня не остается выбора. И потом, не я ведь одна тебе помогаю.

– Нет, только ты одна.

– Ты правду говоришь, Плошка?

– Да. Остальные бегали от меня, как теперь бегают от тебя. Все, кроме того человека с крыши. Он что, тоже не похож на других?

– Не знаю, Плошка. Теперь я буду на него работать.

– Я рада. Взрослые должны трудиться. Тогда у них ум за-

нят работой. А если думать не о чем, это плохо. И опасно. В голову сразу дурные мысли налетают. И от них всем становится плохо.

– Кому это «всем»? – удивилась Шарука.

Грязная рука девочки обвела двор.

– Им. Беспокойные они. Все беспокойные. Почему – не знаю. От этого башня теперь вся потная бывает.

– Я принесу тебе соленой воды для глаз, – пообещала воровка. – Их надо промывать, иначе ослепнешь.

– Я и так хорошо вижу. Но не только глазами. У меня кожа видит. И язык. И мечты света.

– Какие еще мечты света?

Плошка откинула с лица окровавленные пряди волос.

– А те пятеро все стараются выбраться. Ох и не люблю я их. Я там почти всех не люблю, но этих особенно. Корни умирают. Не знаю, что делать. А эти шепчут, как разорвут меня на кусочки. Совсем скоро. Я не хочу, чтобы меня рвали на кусочки. Шарука, как мне быть?

Воровка некоторое время помолчала, а потом уточнила:

– Ты их всех чувствуешь? Всех... погребенных?

– Многие не хотят со мной говорить. Они давно уже ума лишились. Есть такие, кто ненавидит меня за то, что я им не помогаю. Некоторые просят и умоляют. Они говорят через корни.

– А есть такие, кто ничего от тебя не хочет?

– Некоторые всегда молчат.

– Поговори с ними, Плошка. Или найди кого-то, кто умеет с ними общаться, кто сможет тебе помочь.

«Кто согласится быть тебе матерью... или отцом», – мысленно добавила Шарука.

– И что потом? – спросила девочка.

– Узнай, что они думают про... разные вещи. Если найдется хоть один, кто не будет тебя задабривать, путать тебе мысли... и не состоит в сговоре с остальными, – расскажешь мне о нем. Все, что знаешь. А я постараюсь дать тебе хороший совет. Не как мать. Как подруга. Согласна?

– Ага.

– Значит, договорились. А сейчас у меня к тебе другой вопрос, Плошка. Как именно ты убила того человека, который следил за военным?

– Горло ему прокусила. Так быстрее всего. И кровь я люблю.

– Чем же тебе она нравится?

– Я кровью волосы мажу, чтобы на лицо не лезли. У нее запах живой. Я люблю, когда так пахнет.

– Сколько всего человек ты убила?

– Очень много. Они нужны земле.

– А почему они нужны земле?

– Потому что она умирает.

– Умирает? А что случится, если земля умрет?

– Тогда все, кто внизу, вылезут.

– Ого! – присвистнула воровка.

– Мне здесь нравится. Не хочу, чтобы земля умирала.

– Плошка, давай сделаем так. Теперь я буду говорить тебе, кого надо убивать. Не волнуйся, их будет много.

– Хорошо. Ты заботливая.

Из сотен узников подземных темниц Азатов только один слышал этот разговор двух неупокоенных, который они вели на поверхности. Азаты ослабили свою хватку не из жалости к нему, а в силу необходимости. Страж был не готов к такому повороту событий. Совсем не готов. Да и сам выбор был небезупречным – еще одно свидетельство угасающей силы Азатов и неумолимости времени, угрожающего одолеть самое древнее каменное строение на континенте.

Башня Азатов умирала. Безысходность заставляла ее искать самые неожиданные пути спасения.

Выбор был сделан. Приготовления, хотя и медленные, шли постоянно. Времени оставалось совсем мало. Положение было таким отчаянным, что это буквально обескровливало Башню Азатов. Пятеро соплеменников, что находились в плену еще со времен к'чейн че'маллей, почти прорвались к поверхности.

Они были тоблакаями, что не сулило ничего хорошего.

Глава пятая

*Удар ему пришелся между глаз.
Все содрогнулось, как от грома,
И рухнули костей его твердьни.
А душу выдернули прочь,
Чтоб корчилась в тисках
Неискупленного отмищенья...*

*Последняя ночь Скабандария Кровоглазого
(стихотворение неизвестного автора, обнаруженное
учеными тисте анди в Черном Коралле)*

Смех Тени был негромким, но звук этот грозил безумием каждому, кто его слышал. Удинаас разжал пальцы. Сеть, над которой он трудился, упала на песок. Удинаас привалился спиной к разогретому солнцем камню. Сощуриив глаза, ле-териец глядел в светлое небо. Он был на берегу один. Ве-тер слегка морщил гладь залива. Никого... кроме духа, кото-рый изводил несчастного раба целые дни напролет и отсту-пал только во сне.

Вместе с волнами к берегу неслись тысячи маленьких солнц, но так и не достигали песчаной полосы. А между крупных валунов даже сейчас темнели черные пятна, недо-сягаемые для солнечного света.

– Оставь меня, – в который уже раз потребовал Удинаас и закрыл глаза.

«С какой это стати? Я чувствую твою кровь, раб. Она хо-

лодеет. Я помню мир льда. Я оказался в нем уже после того, как был убит. Да, после. Даже тьма имеет бреши. Вот так меня и похитили. Но у меня сохранились видения».

– Ты все время говоришь об этом. О своих видениях, мечтаниях, снах. Мне все равно, какие они. Углубись в них и перестань меня терзать.

«У меня есть мечты, которые тебе не понять, раб. Думаешь, мне нравилось служить? Да ничего подобного! Нет, нет и еще много раз нет. Я следую за тобой, раб».

Удинаас снова открыл глаза и поглядел на полосу тени между двумя валунами. Голос исходил оттуда. По камню скакали песчаные блохи. Самого призрака видно не было.

– Зачем тебе нужно преследовать меня? – устало спросил летиерец.

«Вечные вопросы: зачем да почему. Меня притягиваешь не ты, раб, а твоя тень. Ты обещаешь достойное путешествие. Скажи, раб, ты мечтаешь о садах? Запущенных, одичавших, где одни растения чрезмерно разрослись и подавили другие? Я знаю: ты грезишь о них. Я даже улавливаю запахи тех мест. Но тебе не сбежать от реальности. Так и с моими мечтами. Меня устраивает служить. Да, именно устраивает. Разве я не был когда-то тисте анди? Уверен, что был. Меня убили и швырнули на липкую землю. Я там валялся, пока все вокруг не сковало льдом. Не представляю, сколько времени успело пройти. Я избавился от ледяного панциря, чтобы служить моим убийцам. Моим порабощателям, познавшим небреже-

ние. Не пора ли нам поговорить о предателях, раб?»

– Решил поторговаться со мной?

Коль скоро я теперь тебе знаком,

Меня звать можешь Сушняком.

О да, умею я мечтать,

А у тебя есть то, что можешь ты отдать.

Отдай мне тень, которая всегда с тобою,

И буду я твоим слугою.

Глазами стану я твоими за спиной,

Никто не будет знать, о чем мы говорим с тобой.

Догадки строить могут, но в догадках проку мало.

Да и когда судьба раба хозяев волновала?

Ты – раб, повиноваться должен и молчать.

Так повинуйся, раб, пока не улучишь момент, дабы предать.

– А я думал, тисте анди отличались суровым характером и презирали болтовню. Очень прошу тебя, Сушняк, больше никаких стихов. Договорились?

«Договорились, если ты отдашь мне свою тень».

– Скажи, а другие духи тебя видят? Телохранитель Ханнана Мосага, к примеру?

«Этот урод? Не смей меня. Я спрячусь в твоей естественной тени, и там меня никто не найдет. Оцени, я сумел обойтись без стихов. Знай, раб, в те дни мы были дерзкими и отчаянно смелыми. Мы были воинами. Завоевателями. Мы насквозь промокли от холодной крови к'чейн че'маллей. Мы

шли за младшим сыном Матери-Тьмы. Мы были очевидцами».

– Очевидцами чего?

«Кровоглазый предал нашего господина. Мы видели это своими собственными глазами. Гнусное убийство кинжалом в спину. Я сам пал от меча тисте эдур. Мы верили, что тисте эдур – наши союзники. А они устроили нам бойню. Выстоять было невозможно».

Удинаас поморщился. Он наблюдал за противоборством речных и морских волн в заливе.

– А знаешь, Сушняк, тисте эдур утверждают, что все было совсем не так.

«Тогда почему я мертв, а они живы? Если бы бойню затеяли мы, все обстояло бы наоборот».

– Откуда мне знать? Теперь слушай, что я скажу, Сушняк: если ты намерен прятаться в моей тени, тебе придется научиться молчать. Понял? Не открывать рта, пока я сам не заговорю с тобой. Все подмечать, но молча.

«Но вначале, раб, ты должен мне кое в чем помочь».

Удинаас вздохнул. Почти вся местная знать находилась сейчас на похоронах убитого рыбака. Там же была и горстка его соплеменников-бенедов. В деревне оставались лишь караульные. В такие моменты духи и призраки Тени обычно смелели и носились между домами и вдоль крепостных стен.

Удинаас часто размышлял, почему так происходит, но так и не находил объяснения. Теперь, если только Сушняк не

врет, он получил ответ. Снующие призраки – вовсе не духи предков тисте эдур. Это плененные духи убитых тисте анди. Летерийцу вспомнилось, как страстно и отчаянно он мечтал о союзниках...

– Так чего ты хочешь от меня, Сушняк?

«Пока в эти места не пришло море, Хасанский залив был озером. На запад и на юг от него простиралась обширная равнина. Там-то и были убиты последние из моих соплеменников. Иди по берегу, раб. Двигайся к югу. Где-то тут должно было остаться кое-что, что принадлежало мне. Нам нужно это найти».

Удинаас поднялся, отряхнув песок со штанов из грубой шерсти, и огляделся по сторонам. Три рабыни стирали белье. В заливе виднелась одинокая рыбацья лодка, но она отошла на приличное расстояние от берега.

– И как далеко идти?

«Это совсем рядом».

– Мне запрещено выходить на берег залива. Если кто-нибудь заметит, меня убьют на месте.

«Я же сказал тебе, раб: недалеко».

– Перестань называть меня рабом. Мое имя – Удинаас.

«Никак в тебе разыграла гордость?»

– Я больше чем раб, и ты это прекрасно знаешь, Сушняк.

«Однако ты должен вести себя так, словно бы ничего не изменилось. И рабом я тебя зову, чтобы ты не забывал об этом. Если твой обман раскроется, тисте эдур не остановятся

ни перед чем, только бы узнать, что именно ты от них прячешь. Ты познаешь такую боль, что мне от одной лишь мысли об этом делается жутко».

– Довольно меня пугать!

Удинаас зашагал к берегу. Позади тянулась длинная, жутковатого вида тень.

На береговых камнях лежал толстый слой песка, нанесенного прибоем. Кромку воды окаймляли пряди водорослей вперемешку с тиной и морским сором. За песчаным барьером начиналось углубление, заполненное галькой и камешками покрупнее.

– Где искать? – спросил летирец.

«Среди камней. Пройди еще немного... шага два. Нет, три. Да, это здесь».

Удинаас наклонил голову, глядя себе под ноги...

– Что-то я ничего не вижу.

«Копай. Не тут, левее. Отодвинь те камни... А теперь еще и вот этот. Копай... Глубже. Ну, давай вытаскивай».

Обыкновенный кусок камня, только заостренный с одного конца... Хотя вроде бы нет. Не камень, а что-то железное, успевшее покрыться наслоениями.

– Что это такое?

«А это, раб, наконечник стрелы. Сотни тысяч лет продвигался он к этому берегу. Чего только за это время не происходило! То прилив изменится, то ураган налетит совсем с другой стороны».

– Сотни тысяч лет? Да никакое железо столько не выдержит.

«Простое железо, не закаленное магией, давно бы рассыпалось в прах. Но перед тобой совсем иной металл, раб. Он не желает подчиняться врагам. Ты счистишь с наконечника все чуждое, а потом оживишь его».

– Зачем?

«На то у меня есть причины, раб».

Услышанное вовсе не обрадовало Удинааса, и тем не менее он убрал окаменевший наконечник в сумку. После чего спешно вернулся к оставленным сетям.

– Я не собираюсь быть рукой твоего возмездия, – пробормотал он, вновь берясь за работу.

Из камней донесся громкий смех Сушняка.

Над низиной стлался дым. Его струи цеплялись за темные верхушки деревьев и постепенно таяли.

– Похороны, – сказал Бинадас.

Серена Педак молча кивнула. Бурь в последние дни не было, да и пожар в мокром от дождя лесу вряд ли мог вспыхнуть. Тисте эдур сооружали нечто вроде могильника, который обкладывали со всех сторон, превращая его в погребальный костер. Покрытый монетами труп прожаривался, словно глиняная фигурка. Камни могильника раскалялись докрасна. Среди языков пламени плясали духи Тени, устремляясь вверх вместе с дымом. Завершив ритуал, люди

уходили, а призраки еще долго витали над местом сожжения.

Серена вытащила кинжал и принялась счищать с сапог комки налипшей глины. В этой части горного хребта погоду определяли ветры с моря, принося нескончаемые дожди и окутывая местность пеленой тумана. Вся одежда на женщине разбухла от влаги. За утро тяжелые повозки трижды кренились, угрожая опрокинуться. Одному нереку это стоило жизни: несчастный попал под колесо, и железный обод сплющил его.

Закончив чистить сапоги, аквитор обтерла узкое лезвие кинжала и убрала оружие в ножны.

Настроение у всех было мрачное. За минувшие два дня ни Бурук Бледный, ни три его наложницы-полукровки ни разу не высывали носа из повозки. Однако спуск завершился. Впереди лежала довольно ровная местность, простиравшаяся до самой деревни Ханнана Мосага.

Бинадас следил, как последняя повозка съезжает со склона. Серена видела, какое нетерпение овладело тисте эдур. Как-никак в его деревне кто-то умер, и это не могло не беспокоить Бинадаса. Халл Беддикт оставался внешне абсолютно невозмутимым. Он погрузился глубоко в себя, словно бы приберегая силы на будущее. Возможно, он вел скрытую битву с самим собой, пытаясь удержать пошатнувшуюся решимость. Раньше Серена без труда определяла, в каком Халл настроении, но сейчас утратила способность. Суровое выражение, не сходившее с его лица, за столь долгое время впол-

не могло превратиться в маску.

– Послушай, Бинадас, нерекам требуется отдых, – сказала аквитор. – Все трудные места дороги мы уже миновали. Тебе незачем тратить время, оставаясь с нами. Возвращайся к соплеменникам.

Он недоверчиво прищурился.

Говорить что-либо еще было ни к чему: тисте эдур все равно истолкует ее слова по-своему.

– Серена права, – вмешался Халл. – Мы не хотим тебя задерживать, Бинадас.

– Ладно, пусть будет так. Я сообщу Ханнану Мосагу, что вы скоро появитесь.

Повернувшись, тисте эдур быстро зашагал по дороге и вскоре исчез за деревьями.

– Видела? – спросил ее Халл.

– Я заметила лишь противоборство долга и желаний, – ответила Серена, отворачиваясь от него.

– Значит, ты предпочла увидеть только то, что хочешь видеть.

Женщина устало пожала плечами, словно бы этот разговор происходил у них уже не впервые.

– Как и все мы, Халл.

– Но так не должно быть, аквитор, – сказал он, подходя поближе, – это неправильно.

«Редкие минуты искренности? С чего бы вдруг?»

– А как, по-твоему, мне следовало ответить? Мы будто

солдаты: прячемся за стенами крепостей, которые сами же построили. Ты поступишь так, как считаешь нужным. Только и всего, Халл.

– А ты, Серена Педак? Какой путь ожидает тебя?

«Всегда один и тот же».

– Тисте эдур отличаются от других народов. Они будут тебя слушать, но это вовсе не значит, Халл, что они пойдут за тобой.

– Я не лелею никаких надежд, Серена. В сердце моем только страхи... Пора двигаться дальше.

Нереки сидели возле повозок: кто на корточках, кто прямо на земле. И снова от их разгоряченных тел валил пар. И опять они безучастно глядели по сторонам. Наспех вырытая могила для сородича, столь же торопливо забросанная глиной вперемешку с камнями и ветками, не слишком волновала их, словно была всего лишь частью пейзажа.

«Это как же нужно унижать народ, убивая в нем живую душу, чтобы сделать его таким? А может, все куда проще? Вырви у народа корни, и покатится он вниз по жизненному склону».

Летерийцы верили в холодные истины. В вечную необходимость действовать. Многие и не мыслили для себя иного существования, а те, кто мыслил, зачастую не могли отойти в сторону от сокрушительной лавины, называемой «поступательным движением вперед». Различие между жизнью и смертью определялось нескончаемой борьбой за более вы-

годное место внутри лавины. Сострадание к чужим бедам было непозволительной роскошью. Точно так же, попадая в беду, никто не ждал сострадания от других.

«В страшные времена мы живем, – подумала Серена. – Хотя, наверное, каждое время по-своему страшно».

Снова начал моросить дождь.

За горами, через которые они с таким трудом перебрались, далеко на юге, сейчас вовсю плелись нити заговора против тисте эдур. Аквитор подозревала, что жизнь Халла Беддикта висит на волоске. В Летерасе больше не намерены терпеть угрозу, которую он представляет для государства. Благородный защитник им же обманутых племен ныне воспринимался как изменник и враг короля. А ирония судьбы заключалась в том, что в данный момент цели Халла Беддикта и летерийского монарха совпадали. Оба стремились к войне, только вот победа виделась им по-разному.

Увы, Халл почти не обладал необходимой проницательностью, чтобы если уж не победить в этой игре, то хотя бы остаться живым. А Серена начала сомневаться, ринется ли она в случае чего на его защиту.

Из повозки Бурука раздался требовательный крик торговца. Нереки устало поднимались на ноги. Женщина поплотнее запахнула плащ, рассматривая дорогу. Она слышала шаги Халла, но не обернулась.

– В каком храме ты училась? – вдруг спросил он.

«Да уж, сейчас самое подходящее время и место задавать

такие вопросы!» – усмехнулась про себя аквитор.

– В Турласе. «Тайные сестры Пустого Трона» – так это тогда называлось.

– Я помню этот храм. Он напротив Малого канала. А какой ты была в детстве, Серена?

– Думаю, мысленно ты уже нарисовал красочный портрет девчонки.

Краешком глаза она заметила, как Халл кивнул.

– Да. Искренняя. Жадная до знаний. Склонная к непредсказуемым выходкам.

– У наставниц были специальные книги, куда заносили имена особо отличившихся учениц. Мое там попадалось на каждой странице. Я побила все рекорды: двести семьдесят одно наказание за год! Неудивительно, что холодный темный карцер был мне куда привычнее кельи. А через несколько лет меня обвинили в соблазнении жреца. Он был из другого храма, а к нам приходил проводить занятия. Можешь не спрашивать: да, я была виновата. Но жрец решил меня защитить и всю вину взял на себя. Его отлучили. Позже я узнала, что бедняга покончил с собой. Если бы к тому времени я еще оставалась невинной, то немедленно рассталась бы с девственностью.

Халл обогнул Серену и встал перед нею, глядя прямо в глаза. Мимо, громыхая, катилась первая повозка. Женщине поневоле пришлось выдержать этот взгляд.

– Что, Халл Беддикт, ты потрясен? – криво улыбнувшись,

спросила она.

– Подо мною прямо лед проломился.

Серена едва не рассердилась. Только потом до нее дошло, что это шутка. Халл насмеялся над самим собой.

– Мы не рождаемся невинными. Скорее... наивными, что ли.

– Не имеющими четких ориентиров.

– Только в раннем детстве. А стоит внешнему миру проникнуть внутрь, и в душе вспыхивает жестокая война. Точно так же мы не рождаемся и с умением сострадать. Но вместо этого нас учат делать подобающее лицо и прятаться за хорошими манерами.

– Наверное, ты слишком рано поняла, что ведешь эту войну.

– Может показаться, что я сражалась с начальством и установленными в храме порядками. Нет. На самом деле я воевала против детства. Я рано поняла, насколько жалки устремления большинства взрослых. Они легко прощали нас, и знаешь почему? Да потому, что им было наплевать на нас. От всего этого мне было тошно.

– Тебя ранила несправедливость?

– Ребенок всегда понимает несправедливость по-своему. Меня убивало другое. Лет в десять я вдруг осознала, что, когда повзрослею, ничего не изменится. Просто из одного безрадостного мира я перейду в другой... Слушай, а почему мы говорим обо всем этом?

– Я давно еще хотел тебя спросить, но все как-то случая не подворачивалось. Думаю, у меня затянулось детство. Я ведь и в те дни оставался ребенком. Смотрел на внешний мир изнутри.

Серена наморщила лоб, но промолчала. Тем не менее Халл истолковал все верно.

– В чем-то ты, возможно, права, очень даже права. Но только не в том, что касается тисте эдур.

Мимо прогрохотала вторая повозка.

– А ты уверен в своей правоте, Халл? Тебе не нравится, что я вижу, куда тебя несет? Тисте эдур – всего лишь меч. А рука твоя, Халл. И где же здесь сострадание?

– Ты ошибаешься, Серена. Я намерен сам быть мечом. Ее обдало холодом.

– Каким образом? – поежившись, спросила женщина.

Халл покачал головой:

– Я не могу тебе доверять, Серена. Так что придется подождать, как и всем остальным. Одно только скажу: не надо прикрывать меня с тыла. Очень прошу.

«Я не могу тебе доверять». Эти слова больно резанули по ее душе. С другой стороны, доверие ведь должно быть взаимным.

Рядом остановилась третья повозка. В окошке показалось опухшее лицо Бурука.

– И это называется сопровождение? Темнеет, а где факелы? Не хватало нам еще на ночь глядя сбиться с дороги и

заплутать в лесу! Что, старая любовь не ржавеет? Никак угадал: Серена, да на тебе просто лица нет. Вот оно, проклятие любви! Ах ты, бедняжка, у меня прямо сердце кровью обливается.

– Хватит паясничать, Бурук, – сказала Серена.

Тыльной стороной ладони она смахнула с лица дождевые капли и шагнула вперед, даже не взглянув на Халла. Нерекки расступились, пропуская аквитора.

По обеим сторонам дороги росли черные деревья – свидетельство того, что земли принадлежат тисте эдур. Деревья эти были посажены давно. Их ветви успели сплестись над дорогой, образовав темный полог, где всегда царил сумрак. Здесь в изобилии обитали духи Тени. Они, словно насекомые, гнездились в каждом дупле и в каждой щели. Призраки не таились. Они всюду глазели на приближающуюся ледерийку и на тех, кто двигался следом за ней.

Серена уже не впервые проходила через эти места. Но на этот раз духов было столько, что над дорогой висела пелена черного тумана. Женщина замедлила шаг.

Позади слышались стоны и вопли нерекков. Повозки катились все медленнее, а затем и вовсе остановились.

– Они выставили целую армию, – шепнул Серене подошедший Халл.

В его голосе ощущалось мрачное удовлетворение.

– А это действительно предки тисте эдур?

– Конечно. Кем еще они могут быть?

Женщина решительно тряхнула головой:

– Халл, поговори с нереками. Тебя они послушают. Убеди их идти дальше. Осталось всего два дня, а потом...

Она не договорила. На дороге стоял воин. Высокий, как все тисте эдур. Его кожа была цвета отбеленного полотна, а по скуластым щекам тянулись темные полосы, словно кто-то провел по ним окровавленными пальцами. Приглядевшись, Серена поняла: это не человек, а призрак воина. Его красные глаза были мертвы. Сгнившие доспехи покрывала плесень. На поясе, по бокам, болтались пустые ножны.

Остальные призраки сгрудились у его ног, словно он был их богом, которому они торопились поклониться.

Дверь повозки со скрипом открылась. Оттуда выбрался закутанный в покрывало Бурук и, шатаясь, побрел к Серене. Край покрывала цеплялся за камешки, увлекая их с собой.

– Курган и Корень! – прошипел торговец. – Черепки не солгали!

Аквитор шагнула вперед.

– Не двигайся! – крикнул Халл, хватая ее за руку.

– Предлагаешь торчать тут вечно, пока этот тип не соизволит освободить дорогу? – огрызнулась она. – Может, нам ему еще в ножки поклониться?

С этими словами Серена вырвалась и сделала еще один шаг.

На самом деле, несмотря на столь храброе заявление, женщина изрядно испугалась. Ее вера в духов и призраков все-

гда была какой-то половинчатой. Они жили в детских сказках, в легендах. Время от времени по Лелерасу прокатывались слухи о бесчинствах привидений, но простым людям не втолкуешь, что чаще всего за всем этим стояли самые обычные жулики и грабители. Для Серены духи скорее были сочетанием интуиции и воображения; не столько реальностью, сколько символом.

И потом, если призраки все-таки существуют, они и выглядеть должны соответствующим образом. Неясные очертания, лишь условно напоминающие человеческую фигуру, размытые лица. Что-то вроде струек дыма: были – и через мгновение растаяли.

Однако древний воин, стоявший в нескольких шагах от них, выглядел вполне осязаемым. Четко очерченное, хотя и бледное лицо. И вполне осмысленные глаза, которые сквозь налет плесени живо следили за приближающейся Сереной. Казалось, незнакомец только что выбрался из могильного кургана. Представитель расы тисте, но явно не тисте эдур.

– Когда-то по этой дороге полз дракон, – произнес он на языке тисте анди. – Леса тут в те времена не было. Сплошное разрушение. Взрыхленная земля, политая кровью. И дороги тоже не было. Ее проделал дракон. Вы это ощущаете, смертные? Под вашими ногами – память. Она раздвигает корни и заставляет сгибаться древесные ветви. – Призрачный воин оглянулся назад. – Тут недавно пробежал тисте эдур. Ничего не видел, ни о чем не задумывался. Соплеменник того,

кто предал меня. Но... сам он невиновен. – Призрак вновь повернулся к Серене. – А вот про тебя, смертная, этого не скажешь. Согласна?

Оторопевшая женщина молчала.

– В чем ты ее обвиняешь, призрак? – поинтересовался Халл Беддикт.

– В тысячах... нет, в тысячах тысяч злодеяний. Ее. Тебя. Ваших соплеменников. Боги – ничто. Демоны глупее детей. Любой Взошедший – неуклюжий лицедей. Вот каковы все они в сравнении с вами. И знаешь, о чем я задумался? Неужели так было и будет всегда? Когда наступает время цветения, бесчестье прячется в лепестках цветка. В сочных плодах таятся семена тления. По сравнению с вами все мы – ничто!

– Что тебе надо? – снова спросил Халл.

Теснившиеся у ног воина призраки разлетелись в разные стороны и попрятались между деревьев. Но к его истрепанным сапогам прибило новую волну тварей. Теперь дорога кишела мышами. Они ползли в несколько слоев, подбираясь к Серене. Живая река, состоящая из черных и бурых пятен. Кто собрал этих существ, кто подчинил их своей воле, непонятной и неведомой?

Тут были тысячи, десятки тысяч крошечных комочков, каждого по отдельности даже и не заметишь, как раздавил. Но живая река наводила ужас. Мыши заполнили собой все пространство дороги.

– Земля поколеблена, – промолвил призрачный воин. – Ни дерева вокруг. Сплошные трупы. Эти твари кормятся мертвечиной. Они легион Худа. Мерзостный прибой смерти. А с виду – такие слабенькие, кроткие, безобидные. – Он содрогнулся. – Мне от вас ничего не нужно. Все путешествия имели начало. Думаете, на вашем пути не было рытвин и ям?

– Мы не слепцы, чтобы не замечать очевидного, – ответила ему Серена. Она стряхивала карабкающихся по сапогам мышей и боялась только одного: поддаться панике и с криком броситься куда глаза глядят. – Если ты не можешь или не желаешь очистить дорогу, нам не остается ничего иного...

– Кроме как умерщвлять их тысячами, – досказал призрак. – И вы возьмете на себя их гибель? Ради чего? Чтобы было удобно двигаться вперед?

– А что прикажешь делать с твоими тварями?

– С моими? Нет, смертная, они не мои. Но из моего времени. Из того далекого времени, когда они безраздельно господствовали в этих краях. Маленькие правители, властвующие над прахом, оставшимся от нас. В моем духе им мнится обещание.

– Может, и мы должны видеть в тебе то же самое? – угрюмо осведомился Халл.

Призрак начал тускнеть.

– Если вам так угодно, – едва слышно донесся до них насмешливый ответ. – Может, я ошибся и обещание они увидели в вас.

И с этими словами древний воин растаял в воздухе.

Мыши разбегались в разные стороны, словно та же неведомая сила теперь повелела им очистить дорогу. Черные и бурые комочки исчезали среди корней, пожухлой травы и просто растворялись в сумраке. Еще через мгновение от них осталось одно лишь воспоминание.

– Что ты имел в виду, сказав, что черепки не солгали? – накинулась на Бурука Серена. – Курган и Корень принадлежат Обители Азатов. Значит, прежде чем отправиться в путь, ты побывал на сеансе гадания. Еще там, в Трейте. Или станешь отпираться?

Бурук старался не смотреть на нее. Его лицо блестело от пота.

– Обители пробуждаются. Все разом.

– Кто это был? – обратился к нему Халл Беддикт.

– Не знаю, – отрезал торговец и отвернулся. – Какая тебе разница? Развороши землю, и оттуда обязательно что-нибудь да ползет. Седьмое завершение уже совсем близко. Боюсь только, оно будет совсем не таким, как нам рассказывали. Рождение империи? Допустим. Но кто станет ею править? Пророчество туманно, и в этом заключается его главная опасность... Дорога свободна. Нечего тут торчать.

И Бурук вернулся в повозку.

– Как прикажешь это понимать? – спросил Халл.

– Пророчества никогда не дают ясного ответа. Они как черепки: каждый видит то, что хочет увидеть.

Пережитый ужас наполнил ее горло чем-то кислым. В руках и ногах ощущалась противная слабость. Серена развязала тесемки и сняла шлем. Морозящий дождик был холодным, даже ледяным. Женщина закрыла глаза.

«Я не в силах спасти его. Я никого не могу спасти».

Халл Беддикт между тем вполголоса говорил с нереками. Усилием воли Серена заставила себя собраться. Отправила шлем в заплечный мешок, чтобы не мешал.

Движение возобновилось. Стонали и скрипели повозки, натужно дышали взмыленные нереки. Туман, плававший в застывшем воздухе, казался дыханием уставшего бога.

«Еще два дня. А потом все закончится».

Впереди, невидимая для путников, с тропы вспорхнула сова. Темные крылья бесшумно подняли ее в воздух. Когти и клюв птицы были густо измазаны кровью.

Охотник не спрашивает, откуда взялась добыча, даже если она появилась неожиданно. Охотнику нет никакого дела до страха жертв.

Сова была равнодушна к участи мышей, которых поймала. А белую ворону, что следовала за нею, точно так же совершенно не заботила судьба самой совы.

Переменившийся ветер нес дым догорающего погребального костра в сторону деревни. Костер горел весь день и всю ночь, и, когда на следующее утро Трулль Сенгар вышел из дому, в воздухе стлался горьковатый туман.

Такая же горечь осталась в его душе после посещения Кашанской впадины. Увы, никакая магия не смогла бы вернуть Трулля в прежний мир и стереть из памяти откровения, услышанные от Фэра. Насколько легче ему жилось без всех этих тайн. А теперь даже знакомые лица воспринимались по-другому. В особенности лица женщин. Что знали его соплеменницы? Насколько велик и коварен был их обман? Наконец, какова сила их противостояния Ханнану Мосагу? И скольких воинов посвятил король-колдун в свои честолюбивые замыслы?

По возвращении домой Фэр, Труль и Рулад больше не говорили о ночном путешествии, даже между собой. Ханнан Мосаг явно счел бы их поход в Кашанскую впадину изменой, да и отец тоже. Но череп убитого дракона умел хранить тайны. А братья Сенгар уже готовились к другому походу. Во все деревни, через которые пролегал их путь, король заблаговременно разослал духов-гонцов, повелев приготовить шестерым путникам необходимые запасы пищи, чтобы им не пришлось обременять себя поклажей.

Рабы волокли через мост повозку, доверху нагруженную новеньким оружием. Из связок торчали железные наконечники копий. Древки почти наполовину были окованы медью. Рядом – поставленные крест-накрест мечи с широкими рукоятками и в ладных ножнах из вываренной кожи. Тут же – алебарды, которыми так удобно выволакивать из седла всадников. Кроме хиротского оружия, Труль заметил арапай-

ские метательные топоры и широкие мерудские тесаки.

Деревенские кузницы вновь неумолчно выстукивали песнь войны.

В сопровождении рабов к повозке подошли Фэр и Рулад. Старший брат объяснял слугам, в каком порядке размещать оружие в хранилище.

– Не нужно ли тебе еще копье про запас? – полушутя спросил Рулад у приближающегося Трулля.

– Нет, Рулад. Мне вполне достаточно одного. Я смотрю, наши кузнецы стали делать оружие других племен.

– Да, и так по всем деревням. Приказ короля-колдуна. Теперь каждый воин должен владеть любым оружием.

– А ты что думаешь по этому поводу, брат? – обратился Трулль к Фэру. – Будешь учить хиротских воинов сражаться топорами и тесаками?

– Раньше я учил наших соплеменников защищаться от них. Но король-колдун решил создать настоящую армию, как у летерийцев. Наши воины должны уметь сражаться любым оружием, но у каждого отряда будет свое основное. Прежде я был главным оружейником хиротов. Теперь Ханнан Мосаг сделал меня главным оружейником всех тисте эдур.

– И ты возглавишь новую армию?

– Если грянет война, то да. Поведу наши отряды в бой.

– Великая честь для рода Сенгаров, – сказал Рулад.

В его словах уже не было ни былого восторга, ни прежней

горячности.

«Это нам награда за Кашанскую впадину», – невольно подумал Труль, глядя на младшего брата.

– Бинадас вернулся на рассвете, – сообщил Фэр. – Один день отдохнет. А потом – выступаем.

Труль кивнул.

– Сюда движется летерийский торговый караван, – добавил Рулад. – Бинадас встретил их по дороге. Аквитором у них Серена Педак. С ними идет Халл Беддикт.

Халл Беддикт. Бывший летерийский страж-посланник, который предал нерекгов, тартеналей и фарэдов. Что ему здесь понадобилось? Труль знал, что не все летерийцы одинаковы. Несхожесть взглядов выливалась в ожесточенные стычки. В летерийских городах предательство считалось обычным делом. Если слухи верны, то изменники водились там даже в королевском дворце. Вот и этот торговец, что возглавляет караван, наверняка будет говорить не от лица своего правителя, а от имени тех, кто его нанял и заплатил ему. Серена Педак, как и полагается аквитору, своего мнения не раскроет и в чужие суждения вмешиваться не станет. Более ничего о ней Труль сказать не мог; всякий раз, когда эта женщина появлялась в их деревне, сам он отсутствовал. Ну а бывший страж-посланник, говорят, неподкупен. Был ли он таким всегда, или же это предательство собственного короля так на него повлияло? Да кто же его знает.

Труль смотрел, как рабы заносили оружие в полутемный

арсенал.

Такое чувство, что даже его родные братья в чем-то изменились. Между ними как будто пролегли невидимые тени, и от дуновения ветра эти тени гудят наподобие туго натянутых веревок. В кровь братьев проникла Тьма. Ох, все это отнюдь не на пользу грядущему походу. Как бы чего не вышло.

«Опять я тревожусь на пустом месте. Не умею смотреть дальше своего носа или же вижу все не так, как есть. И виноват только я один. Вина укоренилась во мне, как ядовитое семя. Нужно помнить об этом и следить за собой. Напридумывал невесть чего про Рулада и Майену. А ложные мысли ведут к ложным поступкам, и их ядовитый источник не иссякает...»

– Бинадас говорил, что этот торговец, Бурук, везет нам летерийское железо, – сказал Рулад, прерывая раздумья Трулля. – Железо нам не помешает. А летерийцы и впрямь глупцы.

– Нет, они не глупцы, – возразил Фэр. – Им просто все равно. Сегодня им выгодно продавать нам железо, а завтра – развязать с нами войну.

– Или отправиться бить наших тюленей, – добавил Трулль. – У летерийцев десять тысяч загребущих рук, и никогда толком не поймешь, кто же у них на самом деле всем заправляет.

– Их король Эзгара Дисканар не похож на нашего Ханнана Мосага, – промолвил Фэр. – Он не правит своим народом,

обладая безраздельной...

Фэр не договорил. Повернувшись к нему, Трулль увидел, что тот глядит куда-то в сторону.

– Вечером к нам приглашена Майена, – вдруг сказал старший брат. – Матери может понадобиться ваша помощь.

– Раз нужно, поможем, – все с тем же странным, совершенно несвойственным ему равнодушием отозвался Рулад.

«Ошибаешься, Фэр. Ханнан Мосаг более уже не обладает безраздельной властью... Мы своим походом в Каменную чашу поколебали его положение. А может, у короля-колдуна никогда и не было этой самой власти. Взять тех же женщин...»

В хозяйском доме полным ходом шли приготовления к празднеству. Рабы что-то мыли, чистили, выносили шкуры, чтобы выбить из них пыль, заправляли маслом дополнительные светильники. Черед Удинааса наступал вечером, а пока ему позволялось немного отдохнуть. По пути в свою каморку он заметил Уругу, стоявшую возле главного очага. Но там было сумрачно, и ему удалось проскользнуть незамеченным.

Удинаас ни на мгновение не забывал предупреждение Ведьминого Перышка. Если тисте эдур вдруг обнаружат, что в жилы раба попала кровь вивала, его убьют на месте. Надо таиться, но вот только как? Этого Удинаас не знал.

Он развернул подстилку и лег. Со всех сторон на него налетали звуки и наплывали запахи. Летериец лежал на спине,

закрыв глаза.

Вечером он увидит Ведьмино Перышко. За все это время она лишь однажды явилась ему во сне. Других случаев поговорить с юной ведьмой Удинаасу не выпадало. Он догадывался, что девушка сторонится его, и причина тут не только в неравенстве их положения. Ведьмино Перышко чуяла в нем кровь вивала. Так колдунья говорила Удинаасу во сне, если, конечно, там действительно была она.

«Почему ты так уверен? – спросил он себя. – А вдруг все это – ловушки твоего собственного воображения? Вдруг оно придало праху совершенно иные очертания?»

Удинаас решил, что непременно поговорит с Ведьминым Перышком, как бы она на это ни отреагировала.

Судя по приглушенным ударам, доносившимся снаружи, рабы дружно выколачивали пыль из ковров. На мгновение Удинаас задумался о том, куда мог подеваться его дух Тени, после чего провалился в сон...

Тела у него не было. Все ощущения являлись неведомо откуда. Например, запах льда. Удинааса окружала плотная голубоватая дымка. Сквозь нее проступали полосы какой-то зелени. Их сменяли другие: черные и желтоватые. Наверное, то были участки земли и песка. Издалека доносился шум водных потоков, больше напоминающий вздохи и стоны. Сверху, из разрывов в облаках, нещадно палило солнце. Неожиданно раздался громopodobный хлопок, и весь мир вокруг вздрогнул.

Удинаас плыл по каким-то незнакомым, покрытым льдом местам. Похоже, двигался только он один; больше вокруг не наблюдалось никакого движения. Времени здесь тоже не было. Ничто не давило на Удинааса и не разрывало его на части.

Внутри ледяных глыб застыли чьи-то трупы. Их принесло сюда издалека, со стороны низин. Казалось, лед окутал своих жертв внезапно. Глаза мертвецов были полуоткрыты; вокруг тел застыли красным туманом облачка крови. Рядом Удинаас замечал и другие облачка, оставленные желчью и всем остальным, чем начинено человеческое тело. И не только человеческое. В лед вмерзли жертвы громадного побоища. Тисте эдур и их темнокожим союзникам противостояли ящероподобные твари. У некоторых вместо рук поблескивали мечи. Число этих монстров не поддавалось никакому счету.

Постепенно Удинаас добрался до места, где мертвые полуящеры заполонили собой все пространство, и теперь лавировал между «берегами». И вдруг откуда-то снизу ударила струя талой воды розово-красного цвета. Пробиваясь сквозь трупы, струя эта то слабела, то крепла, будто вверх ее гнали сокращения какого-то гигантского сердца, скрытого глубоко внизу.

Вода была ядовитой.

Удинаас бросился прочь. Он плыл (или бежал?), натываясь на трупы. Его вынесло в овражек, где мертвых тел не было. Не задумываясь о происхождении овражка, летериец помчался дальше. Быстрее, еще быстрее... пока его не погло-

тила тьма.

Потом тьма рассеялась. Внутри ледяных глыб застыли косматые бурые звери. Многие стояли на задних лапах, открыв пасть, откуда торчали клочки зеленой травы. Замерзли целые стада. Их бивни были направлены в сторону Удинааса, а блестящие глаза, казалось, внимательно следили за ним. В одном месте он заметил волка. Время остановилось для хищника вместе с прыжком, который так и не завершился... Еще одна сцена гибели, наступившей все по той же причине. Окружающий мир внезапно изменился. Но неужели настолько внезапно, чтобы дыхание ветров стало обжигающе ледяным?

«Оказывается, мир тоже способен предавать, – подумал молодой человек. – Скиталец милосердный, да как же такое возможно?»

Для многих соплеменников Удинааса богом была определенность во всех ее проявлениях. Такое воззрение на мир делало его проще и понятнее; холодное суждение, словно меч, рассекало собой что угодно. И все, более уже никаких исправлений, никаких изменений. Удинаас не раз наблюдал подобную определенность, но рассекающий меч всегда держали в руках другие.

Пусть не в людях – в самом мире все-таки была какая-то... определенность. Разумеется, мир менялся, и порою весьма жестоко, но ты хотя бы понимал, чего ждать. Ну скажите, какая природная стихия способна в мгновение ока покрыть

льдом громадные пространства? Так неузнаваемо преобразить все вокруг могло только колдовство. Должно быть, кто-то обрушил на эти земли чудовищный магический удар. И все равно... чтобы безропотно подчиниться магической силе... Здешний мир не мог не сопротивляться чародейству. Удинаас привык верить, что природа сильнее магов и богов, иначе от мира уже давным-давно ничего не осталось бы.

Суша наверняка противилась магии. И море тоже. И ветер. И звери, травы, насекомые. Они просто не могли сдаться без борьбы. Но... потерпели неудачу.

Взгляд раба наткнулся на неуклюжую каменную башню. Узкий проем, похожий на след от косога удара, означал вход. Сам не понимая зачем, Удинаас направился туда.

Внутри он неожиданно почувствовал, что вновь обрел привычное тело. Споткнувшись, летериец повалился на колени. Обжигающе холодный камень содрал ему кожу на ладонях и коленях. Поднимаясь, он ударился плечом обо что-то непонятное и, скорее всего, вывихнул плечо.

Ледяной воздух с трудом проникал ему в легкие. Каждый вздох отзывался болью. Глаза слезились, и слезы тут же примерзали к коже. В слабом голубоватом свечении Удинаас разглядел окоченелый труп. Замерзший был достаточно рослым. Кожа цвета выбеленного пергамента; пальцы длинные, заостренные, и суставов на них больше, чем у людей. Узкое лицо с черными глазами, в которых до сих пор застыло легкое удивление. Вся одежда погибшего состояла из уз-

ких кожаных ремешков на поясе и вокруг чресл. Оружия при нем не было.

В нескольких шагах Удинаас заметил еще несколько трупов, застывших в судорогах смерти. Их кожа была зеленоватого оттенка, а изо рта торчали клыки. Похоже, в башне обитала семья: отец, мать и двое детей. Тела всех были изувечены. Из рваных ран торчали обломки костей. Все говорило о том, что бледнокожий явился в башню и убил всех четверых.

Зрелище повергло летерийца в дрожь. Руки и ноги его онемели.

– Эй, Сушняк! Дух Тени! Ты здесь, со мной?

Молчание в ответ.

Сердце Удинааса начало бешено колотиться. Мир, куда он попал, вовсе не походил на сон. Напротив, он был слишком уж реален. Но в то же время Удинаас не чувствовал боли от вывиха в плече. Так, может, он все-таки спит в знакомой коморке в хозяйском доме?

Да нет, ничего подобного: он находится здесь, рискуя замерзнуть насмерть. Здесь, в ледяных глубинах, в мире тайн, где времени не существует.

Удинаас повернул голову в сторону проема и только сейчас заметил на заиндевевших камнях пола следы, которые вели вглубь, к какой-то арке. Вполне человеческие, если судить по отпечаткам босых ног. Следы ребенка.

«Портал! – догадался летериец. – Так вот откуда это свечение!»

По другую сторону портала льда не было. Только туманное серебристое пространство. Возможно, оно являлось завесой.

Преодолевая дрожь в ослабевших ногах, Удинаас решил выяснить, откуда же берет начало цепочка маленьких следов. И понял, что начиналась она позади трупа светлогожего воина. Тот упирался плечом в стену, за счет чего и оставался в стоячем положении. Молодой человек едва не вскрикнул: у мертвеца был начисто снесен затылок! Раздробленные кости черепа примерзли к волосам, а серые сгустки были выплеснувшимся наружу мозгом. Похоже, этого воина ударили не мечом и не каким-то другим оружием. Голову ему проломил чудовищной силы кулаком.

Удинаасу вдруг показалось, что убийство произошло совсем недавно.

А ребенок? Был ли он очевидцем случившегося? Вряд ли. Малыш появился уже потом, но не из портала. И не снаружи, ибо дальше следы отсутствовали. Он просто возник откуда-то. Только вот зачем? Чтобы поковыряться в мозгах убитого? Ростом воин не уступал тисте эдур. Ребенку пришлось бы на что-то взбираться.

Мысли текли все медленнее. В вялости, охватившей Удинааса, было даже что-то приятное. Теперь он уже без прежнего ужаса взирал на жуткую сцену. Глаза начали слипаться. Сон во сне? Но задремать на таком морозе означало верную смерть. Удинаас вдруг представил, как на подстилке находят

его окоченевший труп. Истолкуют ли это хозяева как опасное знамение?

«Нельзя спать, – мысленно твердил он себе. – Иди дальше. Туда, в серебристый мир».

Взглянув еще раз на страшную картину пятикратного убийства, летериец медленно двинулся к порталу.

Его обволокло серебристым туманом. И сейчас же на него отовсюду обрушились звуки: звон мечей, глухие удары боевых топоров и множество криков. Но Удинаас по-прежнему ничего не видел в тумане. Откуда-то слева плыли волны жаркого воздуха, неся с собой весь этот гвалт битвы, сопровождаемый душераздирающими нечеловеческими воплями.

Почва под ногами постепенно теряла твердость, а потом и вовсе исчезла. Звуки быстро ослабевали. Теперь они доносились снизу. В ушах ревел ветер. Удинаас сообразил, что летит, держась обеими руками за перепончатые крылья. Существо, которое несло его на себе, было величиной с быка и очень мускулистым. На передних и задних лапах изгибались длинные когти.

«Ящер!» – догадался Удинаас.

Вскоре в разрывах облаков он увидел множество таких же ящеров. У всех были длинные головы с покатыми лбами и широко раскрытые пасти, усеянные множеством острых зубов. На летерийца смотрели глаза цвета серой глины с черными щелками зрачков.

«Ты угадал, смертный, – прозвучало в мозгу Удинааса. –

Мы ящеры. Вивалы локви – так нас зовут. Порождение Старвальда Демелейна, ужасающее потомство, которое никто не рискнет назвать своим. Мы, словно блохи, разлетаемся по всем мирам и везде устраиваем себе пиры, оставляя гниющие отбросы. Нас боятся даже сами демоны!»

В хриплом голосе звучало воистину звериное ликование. Эти твари ненавидели все миры, и ненависть была стержнем их жизни.

Новой волной воздуха всех ящеров снесло в одну сторону. Послышались отвратительные крики.

«Элейнт! Вот почему они так завопили. Одиночник, но с изрядной долей первозданной драконьей крови. Крови Тиамы».

Но элейнту было не до вивалов. Многочисленные раны на его белой чешуе свидетельствовали о том, что сегодня он уже побывал в нескольких битвах и теперь спешил на новую. Удинаас знал, кто это.

«Сильхас Гиблый. Тисте анди. Вслед за своим братом он попил немало крови Тиамы. Больше, чем Аномандер Рейк. Стихией Сильхаса была Тьма, где царил хаос. При ином раскладе он, пожалуй, сделался бы богом. Просто случая не подвернулось».

Дальнейшие события не представляли для Удинааса загадки. Еще немного – и повторится то, что он видел, когда еще только попал в ледяной мир. Предательство. Вероломное убийство, нарушившее все клятвы. Кинжал в спину под

крики толпящихся в небесах ящеров. Сушняк не солгал. Тисте эдур жестоко поработили духов убитых ими тисте анди, и это зловещее наследие и по сей день остается с ними. Вера тисте эдур была пропитана ложью, а незнание ими истинного положения вещей ослабляло их. Горделивые представления самоуверенных тисте эдур о самих себе зиждились на зыбком песке.

Сильхас Гиблый. Говорят, оружие тех дней обладало невероятной силой, но его собственное оружие было сломлено предсмертным криком одной из Матерей к'чейн че'маллей.

Серебристый свет вокруг Удинааса вдруг задрожал. Тело содрогнулось от боли, и... он вернулся на подстилку в своей каморке. Содранные в кровь ладони и колени отчаянно ныли. Одежда набухла от талой воды.

«Я хотел двинуться следом, но не смог, – слышался голос Сушняка. – Слишком далеко ты странствовал».

– Я был там, где тебя убили, – прошептал в ответ Удинаас, переворачиваясь на бок. – Вот так-то, дух. Скажи, а что тебе от меня надо?

«А что нужно каждому из нас, раб? Сбежать. От прошлого, от своего прошлого. Я поведу тебя по верной тропе. Кровь вивала будет оберегать тебя».

– От тисте эдур?

«Тисте эдур предоставь мне. А сейчас приготовься. Вечерок тебе нынче предстоит – только успевай поворачиваться».

Удинаас поморщился. Сон не принес отдыха; напротив, теперь он чувствовал себя еще более усталым и разбитым. Однако времени валяться уже не было. Пора вставать.

Сопровождаемая двумя рабынями, Майена переступила порог дома и, сделав несколько шагов, остановилась. Невеста Фэра была изящная, тоненькая, как прутик, и отличалась более смуглой, чем у соплеменников, кожей. Зеленые глаза, волосы цвета меди, в которых переливались бусинки оникса. Наряд вполне соответствовал торжественному событию: туника из шкуры серебристого тюленя, перехваченная поясом из морских ракушек. Руки и ноги девушки украшали браслеты из бивней китов.

Труль Сенгар прочитал в глазах гостьи осознание собственной привлекательности. Она явно знает себе цену и намерена дорого продать незаурядную красоту: приобрести влияние в доме будущего мужа, а вместе с властью получить и свободу потакать собственным желаниям. Подобные намерения невольно настораживали.

Хотя, казалось бы, за все то время, что они с Фэром помолвлены, Майена не давала повода ни в чем себя упрекнуть. Тогда почему Труллю ее целомудренное поведение казалось лишь маской, за которой девушка умело скрывала необузданные желания? Однако, когда он смотрел, как их мать остановилась перед невестой старшего сына и произнесла обычные в таких случаях слова приветствия, в душе

невольно шевельнулись сомнения. Что, если он ошибается, а всему виной его предвзятое отношение и к Майене, и к Руладу?

Труль прислонился к стене и перевел взгляд на Фэра. На лице у того отразились гордость и... тревога. В общем-то, вполне понятно: Фэру есть о чем беспокоиться, начиная с их завтрашнего похода и кончая судьбой соплеменников. Рулад, стоявший за спиной старшего брата, беззастенчиво по-жирал девушку глазами, почти в открытую демонстрируя свое восхищение.

Майена почтительно слушала Уруту, глядя ей в глаза.

«Она явно наслаждается тем, что находится в центре всеобщего внимания. Да защитят меня сумерки, неужели в моей душе столько потаенных уголков, наполненных темными мыслями?»

Ритуал приветствия завершился. Мать отошла в сторону, а невеста направилась к столу из черного дерева. Рабы только что закончили расставлять кушанья первого круга угощения. Майене полагалось сесть напротив Томада. Место слева от нее займет Фэр, а справа – Урута. Бинадас устроится рядом с матерью, а Труль – рядом с ним. Руладу, как самому младшему, надлежало сесть справа от Бинадаса.

– Добро пожаловать к семейному очагу Сенгаров, – произнес Томад, обращаясь к гостю. – Увы, сегодня мои сыновья в последний раз сидят за общим столом, и это несколько омрачает веселье. Завтра они, выполняя повеление нашего

короля-колдуна, отправятся в путь. Я молюсь об их благополучном возвращении.

– Я привыкла думать, что ледники не преграда для воинов тисте эдур, – ответила Майена. – Но твои глаза, Томад Сенгар, полны тревоги и опасений.

– Волнения стареющего отца, и не более того, – тускло улыбнувшись, сказал глава семейства.

– Арапай редко бывают в тех ледниках, – встрял в разговор Рулад. – Считают их нечистыми. И потом, лед способен ослеплять. Он потихоньку высасывает из человека жизнь, как рана, которую не заметили вовремя. А еще говорят, там водятся громадные звери...

– Будь снисходительна к словам Рулада, – перебил его излияния Фэр. – Брат ищет славы в неведомом, чтобы ты, затаив дыхание, восхищенно глядела на всех нас.

– Пока что вместо восхищения мне и самой стало тревожно, – призналась Майена. – Теперь я буду беспокоиться за судьбу каждого из вас.

– Перед лицом любых опасностей все мы совершенно равны! – выпалил Рулад.

«Если не считать того, что один нечистокровный дурень отличается слишком болтливым языком», – мысленно добавил Труль.

Рабы вновь наполнили чаши вином.

– Когда не знаешь, чего ждать, осторожность и предусмотрительность – самые надежные из всех доспехов, – промол-

вила Урута, поворачиваясь к Бинадасу. – Из всех нас ты один бывал за восточными границами земли арапаев. Какие опасности таят ледники?

Вопрос матери заставил Бинадаса нахмуриться.

– Древнюю магию. Она очень опасна. Но если ее не трогать, все обойдется. – Некоторое время он молчал, словно бы припоминая свои странствия. – Есть еще племя местных охотников. Они живут среди ледников. Сам я видел только их следы. Арапай рассказывали, что они охотятся по ночам.

– На кого? – спросил Труль.

В ответ Бинадас лишь пожал плечами.

– Нас все-таки будет шестеро, – вновь заговорил Рулад. – С нами пойдут Терадас и Мидик Буны. О воинских успехах и выучке старшего брата знают все. А младший в умении владеть мечом почти сравнялся со мной. Отличный воин, хотя и нечистокровный, – многозначительно добавил он. – Ханнан Мосаг поступил мудро, избрав храбрых сыновей Томада Сенгара.

Последние слова повисли в воздухе; слишком уж поразному можно было истолковать их смысл. Таков яд, которым пропитаны подозрения. Труль знал: у женщин свои верования и представления. Узнав о решении Ханнана Мосага, Майена наверняка призадумается, отчего король-колдун выбрал именно этих воинов. И не только она одна.

Труль бросил взгляд на Фэра. После недавнего похода к Кашанской впадине ему было легче угадать ход мыслей стар-

шего брата. Главный оружейник всех племен тисте эдур, на плечи которого теперь легли также и тяготы по созданию настоящей армии. Казалось бы, королю не стоило поручать Фэру столь рискованную миссию, ведь такого умельца нужно беречь. Да и Бинадаса тоже. Его не зря считали самым могущественным из всех хиротских магов. В войне за подчинение племен оба брата действовали сообща, нанося противнику сокрушительные удары. А Терадасу Буну не было равных в морских набегах. Получалось, что без особого ущерба Ханнан Мосаг мог послать в поход к ледникам лишь Трулля, Рулада и Мидика Буна. Если же король-колдун рисковал столь важными для него войсками... что же это за дар такой, который им предстоит отыскать и принести сюда?

– Недавно произошли весьма странные события, – глядя на Уруту, промолвила Майена.

Трулль заметил, как нахмурился отец, однако гостя, должно быть, уловила во взгляде хозяйки молчаливое согласие и потому продолжила:

– В ночь моего бдения на священном месте туда вторглись чужие духи. Наши духи не сумели их прогнать и сами разбежались.

– Впервые слышу о подобном, – проворчал Томад.

Урута подняла свой опустевший бокал – знак рабам, что его нужно немедленно наполнить.

– Такое редко, но бывает, – заметила она. – Слишком уж глубокие тени взбудоражили Ханнан Мосаг и его к’риснаны.

Вздывается волна перемен. И боюсь, как бы нас не смыло ею.

– Неправда, мы сами вознесемся на этой волне, – возразил Томад. Он мрачнел на глазах. – Да как ты, жена, могла усомниться в нашей победе?

– Я говорю лишь о том, что совсем скоро состоится Великая встреча. Не наши ли сыновья рассказывали, как из морских глубин поднялось нечто и поглотило души нечестивцев, явившихся бить тюленей? Нетрудно догадаться, какие чувства испытают летерийцы, когда эти корабли, точно призраки, войдут в гавань Трейта. Мы начали танец войны.

– Если так, тогда нам вообще незачем затевать переговоры с летерийцами! – отрезал Томад.

– Одна причина все-таки есть: надо понять их замыслы, – вмешался Трулль.

– Мы давно уже все поняли! – прогремел Томад. – Летерийцам не терпится сделать с нами то же, что они сотворили с nereками и тартеналями. Летерийский король и его приспешники не стыдятся прошлого. А у тех немногих, кто думает по-другому, нет ни сил, ни смелости выступить против захватнических планов. «Выгода» – вот главное слово в языке летерийцев. Если понадобится, они поплывут по рекам крови, только бы получить свое. Мы для них ничем не отличаемся от nereков или тартеналей. Летерийцы почему-то уверены, что их государство может расширяться беспредельно. До самых ледников.

– Значит, быть войне, – прошептал Трулль.

– А она никогда и не прекращается, брат, – ответил Фэр. – Если не воюют мечи, то сражаются слова и верования.

– Да так сражаются, что только кости хрустят, – подхватил Рулад. И улыбнулся, самодовольно и загадочно.

Эту выходку младшего отпрыска Томад никак не мог оставить безнаказанной.

– Рулад Сенгар, ты рассуждаешь как слепой старик с мешком, полным духов. Меня так и подмывает выпороть тебя прямо на столе, дабы стереть с твоего лица эту дурацкую ухмылку!

От подобных слов Трулля прошиб пот. Лицо Рулада мигом побледнело.

«Отец, так глубоко ты еще никогда нас не ранил».

Взглянув на Майену, Трулль даже оторопел: гостя почти не скрывала своего удовольствия от начинающейся семейной свары.

– Я не настолько юн, отец, – прохрипел Рулад. – А ты не настолько стар, чтобы прощать тебе подобные слова.

Томад с силой хватил кулаком по столу, заставив тарелки дрожать и подпрыгивать:

– Тогда и веди себя как взрослый, Рулад! Расскажи, что за отвратные знания вот уже целую неделю направляют каждый твой шаг? Или своими вкрадчивыми манерами ты ищешь способ раздвинуть чьи-то нежные ляжки? Думаешь, среди молодых воинов ты первый, кто стремится таким образом завоевать женскую благосклонность? Так имей в виду, сын,

ты выбрал недостойный путь к удовлетворению собственной похоти.

Рулад вскочил на ноги. Лицо его было перекошено от гнева.

– Ну и с какой сукой ты желаешь меня уложить, отец? Кому я обещан? И во чье имя? Ты держишь меня в деревне, словно цепного пса, и еще смеешься, когда я рвусь с поводка! – Юноша обвел глазами братьев, остановив взгляд на Трулле. – Когда начнется война, Ханнан Мосаг объявит о принесении жертвы. Должен объявить. И кровь из вспоротой глотки окропит нос главного корабля. Кого же еще избрать нашему королю-колдуну, как не меня!

– Успокойся, Рулад, – посоветовал брату Трулле. – Что за глупости ты болтаешь? Я ни о чем подобном не слышал.

– Ханнан Мосаг выберет меня! И уложит сразу с тремя дочерьми. Но не своими, поскольку детей у него нет. С Шельтатой Всеведущей, Сукуль Коварной и Менандорой!

Раб, прислуживающий за столом, вдруг выронил блюдо с жареной рыбой. Он спешно принялся собирать со стола куски рыбы, но руки Уруты крепко схватили его за оба запястья. Столь же безжалостно хозяйка повернула обе его руки ладонями вверх.

Кожа на ладонях была вся в свежих ссадинах. Многие еще кровоточили.

Урута встала и рывком подтащила летерийца к себе:

– Что с тобой, Удинаас?

– Я... поскользнулся. Упал... прямо на ладони, – приборотал тот.

– Да как ты осмелился с такими руками прислуживать нам? Почему заранее не предупредил? Или ты вздумал потчевать нас своей кровью?

– Госпожа, я видел, как он входил в дом, – вмешался другой раб. – Не было у него никаких ссадин на ладонях. Могу поклясться.

– Это ведь он тогда с ящером сражался! – испуганно закричала какая-то рабыня, в ужасе отодвигаясь подальше.

– Удинаас одержим вивалом! – подхватил кто-то еще.

– Замолчите! – потребовала хозяйка.

Опустив руку на лоб Удинааса, она что есть силы надавила. Летериец застонал от боли. Вокруг него закружились магические вихри. Тело раба задергалось в судорогах, а затем обмякло.

– Ничего такого в нем нет, – объявила Урута, снимая со лба летерийца свою дрожащую руку.

– Эй, Ведьмино Перышко, помоги Удинаасу прийти в чувство, – распорядилась Майена.

Молодая летерийка, стоявшая позади хозяйки, молча подошла к распростертому телу. Вместе с другим рабом они поволокли бездыханного Удинааса прочь из главного помещения.

– В действиях этого раба я не усмотрела ничего оскорбительного, – сказала Майена. – Его раны недавние, но он при-

крывал руки куском чистой ткани.

Невеста Фэра приподняла блюдо и вытащила оттуда тряпку, под которой Удинаас прятал израненные ладони.

Урута медленно опустилась на стул.

– И все равно он был обязан меня известить. За подобное небрежение его нужно наказать.

– Ты и так уже пробуравила ему мозги, – тихо промолвила Майена. – Разве этого мало?

«Ну и веселый год нас ожидает», – подумал Труль.

Обычай требовал, чтобы молодые прожили первые двенадцать месяцев в доме мужа и только потом перебирались в собственное жилище. Но по всему чувствовалось: Майена отнюдь не намерена глядеть свекрови в рот и ловить каждое ее слово.

Глаза Уруты вспыхнули. Труль ожидал возражений, однако мать кивнула:

– Пусть будет по-твоему, Майена. Сегодня ты у нас в гостях, и я не стану перечить желанию гостыи.

Младший брат, все это время продолжавший стоять, наконец тоже сел.

– Рулад, я ничего не слышал о намерениях нашего короля-колдуна возродить древний обычай, – сказал Томад. – Ханнан Мосаг не разбрасывается жизнями своих воинов, даже неопытных. Ума не приложу, с чего ты вдруг взял, что тебя принесут в жертву? Быть может, поход, в который вы отправляетесь, даст тебе возможность стать чистокровным во-

ином и занять свое место рядом с братьями. Я буду молиться, чтобы так и случилось.

К удивлению Трулля, Рулад молча выслушал отцовские слова и согласно кивнул в ответ.

Удинаас и Ведьмино Перышко не возвращались. Но рабов и рабынь, прислуживающих госте и хозяевам, и без них хватало.

Все это время Трулль безуспешно пытался понять, что же на уме у Майены. Прав был Фэр: женщины племени – совсем иная сила. И абсолютно иная власть.

Его больно ударили по щеке. Удинаас открыл глаза. Над ним склонилась Ведьмино Перышко.

– Проклятый глупец! – сердито прошипела она.

Изумленно моргая, летериец огляделся по сторонам. Он лежал в своей каморке. Издали доносились звуки продолжавшегося пира.

Удинаас улыбнулся.

– Чему ты радуешься? – нахмурилась Ведьмино Перышко. – Уруга...

– Знаю, – перебил он. – Залезла мне в душу, но ничего там не нашла.

Юная ведьма недоверчиво смотрела на него.

– Так это правда?

– Должно быть.

– Ты врешь, Удинаас. Просто вивалу удалось укрыться от

Уруты. Не знаю где и как, но он спрятался.

– А почему ты так в этом уверена?

Девушка села на край подстилки.

– Тебе-то какая разница?

– Ты видела те же сны, что и я? Говори, видела?

Ведьмино Перышко вздрогнула и отвернулась.

– Ты – сын должника. И для меня ты – никто.

– Зато ты, Ведьмино Перышко, для меня – все.

– Не будь глупцом, Удинаас! Выйти за тебя замуж – все равно что связать жизнь с крысой из погреба. А теперь помолчи. Мне надо подумать.

Удинаас сел, придвинувшись к колдунье поближе. Их лица вновь оказались совсем рядом.

– Я доверяю тебе, а потому сам все объясню, – сказал он. – Хозяйка сумела очень глубоко залезть мне и в разум, и в душу, но вивал исчез. Если бы Урута догадалась присмотреться к моей тени...

– Этого не может быть! – возразила Ведьмино Перышко, упрямо качая головой. – Ты летериец, а духи служат только тисте эдур.

– Духи служат тогда, когда обязаны это делать. Они такие же рабы тисте эдур, как и мы с тобой. Я нашел себе союзника.

– Зачем он нужен тебе, Удинаас?

На этот раз улыбка летерийского раба была куда мрачнее.

– Как это – зачем? Чтобы расплатиться с долгами. Полностью.

Книга вторая. Герои дня

Власть замыслов твоих
Мы с юности познали;
Нас волокла она по колеям дорожным
И тяготами сдавливала плечи,
Чтоб вышвырнуть потом.
Копыта без подков бьют по костям,
Напоминая о мгновеньях
Событий судьбоносных
На тех холмах, которые засеял ты
Бесплодьем ледяных семян,
Раскиданных по мертвым землям.
И мы, глотая камни,
Что зубами раскрошили,
Карабкаемся в небо одиноко,
Рискуя вниз упасть ежесекундно;
Туда, где из-под копыт твоих
Летит железо звезд,
Нас предостерегая
О ярости укуса твоего.

Рыбак Кельтат. Боевые кони (сыновья – отцу)

Глава шестая

*Скиталец гнет судьбу,
Как щит невидимый, незримые доспехи,
Меч поднимает, дабы затупить его
На поле битвы, вспыхнувшей внезапно.
Ну а толпа – она вслепую бьется,
Не ведая, зачем и за кого.
Там черные глупцы на черепках танцуют,
И случайность
Несется на копье из красной бронзы,
Чтоб пробивать миры,
Как груды черепов...
Пока не хлынут волны, не застынут руки
В панцирях железных.
Не вопрошай. Таков Скиталец,
Он правит каждую судьбой.
Непогрешимо,
Давя нас тяготами жизни.*

*Сэда Анкаран Кан. Гадание на черепках (1059 год Сна
Огни)*

В гавани Трейта, в южной ее части, высилась Тарансидская башня. Ее сложили из грубых базальтовых глыб, не придав очертаниям даже отдаленного намека на изящество. Семизэтажное строение напоминало сухощавую руку, вознесшуюся над искусственным островом. Под стать башне был и сам остров – нагромождение острых камней, о которые со всех сторон бились волны, вздымая пену и брызги. Башня

не имела ни окон, ни дверей. Ее верхний этаж опоясывали блестящие обсидиановые плиты высотой с человека и почти такой же ширины.

На границах владений Летерийского королевства поднималось еще девять сестер этой башни. Она была самой северной из всех.

Сейчас обсидиановые плиты отражали лучи предвечернего солнца. За пределами залива, на мелководье, виднелось около дюжины рыбачьих суденышек. Пути больших кораблей, направлявшихся в Трейт, пролегали в стороне. Рыбаков больше занимал собственный улов, и они не сразу обратили внимание на три корабля, которые на всех парусах неслись с севера прямо в гавань, сопровождаемые стаями крикливых и драчливых чаек.

Вскоре эти суда заметили и на берегу. Им навстречу из гавани выслали лодку с гребцами.

Корабли отразились в плитах Тарансидской башни. По черному обсидиану металась белые пятнышки чаек. А потом... потом рулевой ялика вдруг распорядился повернуть назад и грести изо всех сил.

Ближайший корабль кишел призраками. Ветер, что еще недавно раздувал паруса, стих, превратив их в измятые тряпки. Призрачные фигуры, лишь отдаленно напоминавшие человеческие, взмывали над палубой и таяли в густеющих сумерках. Чайки с громкими воплями торопились убраться прочь.

На ялике зазвонил сигнальный колокол. Он аж захлебывался от страха.

Любой моряк, в какие бы времена он ни жил и каким бы смелым ни был, обязательно нахмурится, услышав про морскую пучину. Если не по собственному опыту, то по рассказам товарищей он отчетливо представляет, сколь она ненасытна. Даже в самый ясный день солнечные лучи пронизывают лишь тонкий слой воды. А дальше владевает тьма. Там, в безмолвии глубин, обитают древние духи. Сила их неизмерима, а голод – неутолим. Все, что попадает туда из верхнего, освещенного мира, отныне безраздельно принадлежит им.

Любой моряк знает, сколь обманчива водная гладь. В безмятежность моря способны поверить только глупцы, которые всю жизнь провели на суше. Таинственным хозяевам глубин ничего не стоит подняться наверх и хорошенько всколыхнуть всю эту идиллию, превратив ее в крошечный ад.

Человеку дано лишь задобрить грозные силы, вымолить у них позволение пройти по морю без потерь. Благоклонность, а точнее, равнодушие властителей пучины к проплывающему судну испокон веку определялось по надежным приметам. Если дельфины играют с правого борта – это добрый знак, а коли с левого – жди беды. Да и поведение матросов издавна подчиняется неким неписаным правилам, которые соблюдаются построже всех корабельных уставов. Плю-

нешь за правый борт – и не видать попутного ветра (за такую провинность и самого нарушителя могут без сожалений сбросить с корабля). Прибираешься на палубе или в каюте – скреби левой рукой, а вытирай правой. Существуют еще десятки таких же ритуальных жестов, помогающих благополучному плаванию.

Ни одному здравомыслящему человеку и в голову бы не пришло вызывать духов пучины. Повелевать ими невозможно, а на сговор они идут крайне редко. Их сердца бьются соразмерно лунному циклу, голоса слышатся в реве бури, а крылья простираются от горизонта до горизонта, окаймленные белыми барашками волн.

Между тем три летерийских корабля приплыли в гавань Трейта отнюдь не по воле случая или благоприятно дувших ветров. Их пригнал туда дух, вызванный Ханнаном Мосагом. Все это время он двигался в глубинных холодных течениях. Но чем ближе к берегу, тем мельче и теплее становилось море. Дух начал раздуваться, заполняя собой все пространство под кораблями. Мелкая и средняя рыбешка в панике улепетывала прочь, не разбирая дороги. Кого выбрасывало на поверхность, кого – на прибрежную отмель, где рыбы становились добычей чаек и береговых крабов, ошалевших от такого внезапного изобилия.

Почти у самого берега дух вздыбил высоченную волну, на которую взлетели и мертвые корабли. Еще через мгновение волна обрушилась на причалы. Зеваки, заполонившие

гавань, бросились врассыпную. Обезумевшее человеческое стадо под завязку забило все ближайшие улочки.

Казалось, волна перехлестнет причалы и вырвется на берег, но она вдруг осела. И все же корабли сильно ударило о бревна и камни. Главная мачта третьего судна разлетелась в щепки. Пространство между причалами мгновенно заполнилось обломками.

Дух покинул залив. Дело, ради которого его вызывали, было завершено.

Первый корабль вплотную прибило к берегу. Чайки шумно слетались на его палубу. Все это видели обсидиановые плиты Тарансидской башни. Невзирая на слабеющий свет, они вбирали в себя каждый мельчайших штрих происходящего.

А далеко от Трейта, в Летерасе, в подвале старого королевского дворца, за происходящим наблюдал сэда Куру Кан. Перед ним лежала точно такая же плитка из блестящего обсидиана. Колдун видел громадную черную тень, заполонившую собой весь залив. Тень медленно отступала. Маг отер со лба пот и продолжал вглядываться в три корабля, бесславно окончившие свое плавание.

Чайки и быстро надвигавшаяся темнота мешали чародею смотреть. Но Куру Кан отчетливо видел скрюченные трупы на палубах и горстку призраков, нехотя покидавших изуродованные суда. И этого ему было вполне достаточно.

Из пяти крыльев Дворца Вечности успели построить только три. В каждом из них были широкие коридоры с высокими сводчатыми потолками, отделанными листовым золотом. Между изящными контрфорсами, которые тянулись по всей длине крыльев, укрепляя их внешние стены, располагались просторные комнаты для придворных и менее просторные – для многочисленной дворцовой прислуги. Ближе к центру (как известно, согласно замыслу архитектора, все лучи сходились воедино, придавая дворцу сходство с цветком о пяти лепестках) их сменяли караулки, арсенальные помещения и особые люки, ведущие в подземелье. Там находилась разветвленная сеть переходов, позволяющая быстро добраться в нужную часть громадного дворца.

Но сейчас эти переходы были заполнены мутной глинистой водой, по поверхности которой плавали юркие крысы. Особой надобности в таком передвижении у крыс не было. Вероятно, купание в мутной воде доставляло им удовольствие, которое люди понять не в силах. Брис Беддикт застыл на узкой площадке, в трех шагах от залитого водой перехода, и смотрел на задранные вверх крысиные морды. Рядом с ним стоял дворцовый механик Грюм, одежда которого была густо покрыта подсыхающей глинистой коркой.

– От насосов почти никакого проку, – тяжело вздыхая, сетовал механик. – Уж и большие рукава к ним прилаживали, и маленькие – все одно. Только начнем откачивать – на тебе! В рукав попадает крыса, а то и десяток. Забьют плотнее

любой затычки. Все усилия насмарку. А вода продолжает сочиться. Были тут люди из колодезного отделения. Смотрели, измеряли. Утверждают, что якобы водоносные пласты находятся ниже и что если вычерпать всю воду то, больше она не появится.

– Уверен, сэда согласится дать вам в помощь одного из придворных магов, – сказал Брис.

– Хорошо бы, финадд. Нам всего-то и надо, чтобы вода не прибывала. Тогда эту мы вычерпаем, а крысолоты спустятся вниз и переловят этих тварей. Минувшей ночью мы потеряли Ормли – лучшего дворцового крысолота. Скорее всего, утонул: этот дурень плавать совсем не умел. Видать, Скитальцу в тот момент было не до него... В общем, боюсь, что от нашего Ормли уже только косточки остались. Сами знаете: крысы своих врагов распознают сразу же.

– Эти переходы помогут охранять короля надежнее, чем в старом дворце.

– Не знаю, финадд, кому из ваших караульных захочется лезть в воду и плавать тут с крысами.

– Я говорю не о нынешнем состоянии переходов, – едва сдерживая раздражение, пояснил Брис. – При любом препятствии наверху стража быстро доберется до нужного места.

– Не сердитесь, финадд. Я всего лишь пошутил. Можно и сейчас найти среди ваших ребят хороших пловцов... Похлопочите, чтобы нам в помощь выделили мага. Пусть разберется и остановит воду. Остальное мы и сами сделаем.

– Надеюсь, причина не в том, что и здесь тоже почва проседает?

– Как под недостроенными крыльями? Нет, мы бы сразу заметили. Между прочим, ходят слухи, что наши соседи желают взглянуть на недостроенные крылья и кое-чего присоветовать.

– Какие еще соседи? – не понял Брис.

– Да тут некое строительное заведение объявилось. Какой-то дурень скупил прилегающие земли со всеми постройками. Уверяет, что якобы знает способ, как заставить строения стоять прочно.

– Погодите. Что-то я об этом слышал.

– Одно ясно: гильдиям подобное не по нраву. А выскочки эти знаете что творят? Стали нанимать к себе на работу разных молодцов, которые значатся в Отказном списке. Платят им, ясное дело, меньше, но те рады и таким деньгам. В других-то местах их и вовсе не берут. Гильдии как ни бесятся, а контору эту им не прихлопнуть. Придраться вроде бы не к чему: повышенным жалованьем никого к себе не сманивают, законы не нарушают. – Механик принялся очищать запястья от глины. – Если королевские зодчие решат, что способ Багга не досужая выдумка, – заключил он, – то придется гильдиям еще и расшаркиваться перед новичками.

Брис оторвался от созерцания крысиных заплывов и поглядел на собеседника:

– Вы сказали – способ Багга?

– Как же я мечтаю о лохани горячей воды! – всплеснул чумазыми руками механик. – Вы только взгляните, во что превратились мои ногти!.. Ну да, способ Багга. Видать, в честь того малого, который его придумал. Похоже, он у них там за главного: во всяком случае, контора эта так и называется – «Строительное заведение Багга».

Внезапно с нижней ступеньки послышалось удивленное восклицание одного из подручных механика. Потом этот человек вдруг завопил во все горло, указывая рукой в темноту затопленного прохода.

Плывущих крыс было столько, что они занимали всю ширину прохода. Казалось, по воде движется какой-то причудливый живой плот, который вскоре попал в круг света от фонарей, что горели на площадке. Помощник снова закричал, тыча пальцем в самую середину. Механик вполголоса выругался. Посередине крысиного «плота» двигалась человеческая голова! Седые волосы с золотистым отливом, бледное, морщинистое лицо с высоким лбом и острыми, близко посаженными глазами.

Часть крыс, не дожидаясь, когда их прибьет к нижней ступеньке, поплыла в разные стороны.

– Да это же Ормли! – воскликнул помощник механика. – Ты жив, приятель?

Глаза седого мужчины блеснули. Из воды показались его плечи, отчего новый отряд крыс поспешил скрыться.

– А разве не видно? – ворчливо отозвался пловец.

Он остановился перед ступенькой, шумно выплюнул комок густой слизи и спросил:

– Нравится мой улов?

Ормли приподнял руки, с которых, будто рыбешки на рынке, свешивались дохлые крысы, и пояснил:

– У них хвосты, у меня – веревки. Привязал одно к другому, вот и вся хитрость. Ну и тяжелые они, паршивки, когда мокрые!

– А я уж решил, что ты утонул, – пробормотал механик.

Брису показалось, будто он не слишком рад видеть крысолова целым и невредимым.

– Ха! Он, видите ли, решил! – усмехнулся Ормли. – Пошевели мозгами, Грюм. С какой стати мне вдруг помирать, с моим-то опытом? Или думаешь, будто я этих тварей боюсь? Да провалиться мне в яму Обителей, я же не просто умелый старый крысолов! Я – Ормли, которого знают все крысы Лестераса. А это кто с тобой?

– Финадд Брис Беддикт, – представился королевский защитник. – Меня восхищают ваши трофеи, крысолов.

У Ормли заблестели глаза.

– А я что говорю? Пусть уж лучше болтаются на веревочках, чем плавают. Но какие тяжелые! Мокрая дохлая крыса – она всегда самая тяжелая.

– Полагаю, вам лучше вылезти из воды, – сказал ему Брис и повернулся к механику. – Господин Грюм, Ормли вполне заслужил плотный обед и пару кувшинов вина за казенный

счет. И дайте ему отдохнуть до завтрашнего дня.

– Будет исполнено, финадд.

– А я переговорю с сэдой, чтобы направил к вам мага.

Поднимаясь наверх, Брис думал, что вряд ли Дворец Вечности сумеют достроить к началу Восьмой эпохи. В народе грядущие торжества почти не вызывали ликования. В летописях сохранилось немало пророчеств о славной империи, которая однажды возродится снова. До времени, когда должны исполниться эти прогнозы, оставалось менее года. Однако реальность была далека от признаков возрождения: и в обыденной жизни, и в том, что касалось отношений королевства с его соседями. От так называемой Великой встречи – приближавшихся переговоров с племенами тисте эдур – не ждали ничего хорошего. Все понимали, чем это может обернуться. Летерийцы привыкли рисковать, без риска успеха не добьешься. На мирный исход переговоров никто особо не рассчитывал. Война тоже радовала далеко не всех, но при этом удовлетворяла многих. Проигравшие – не в счет.

И почему непременно война? Если племена тисте эдур насильственным образом объединились, это еще не значит, что у них появилась боеспособная армия. К тому же опыт прошлого показывал: любые коалиции, пытавшиеся противостоять замыслам летерийцев, распадались под их натиском. И не только военным. С помощью золота удавалось уломать самых несговорчивых; среди союзников множились разногласия, и могущество врагов таяло на глазах. Так почему на

этот раз должно быть по-другому?

Иногда Брису казалось, что его сограждане увязли в тряси-не благодущия. Конечно, недовольные существовали всегда. Но в целом летерийцы жили сегодняшним днем, и поводов для беспокойства у них не было. Товаров на рынках предостаточно. Гильдии крепки. По сути, каждого волновало лишь то, сколько материальных благ у него уже есть и сколько еще он сможет приобрести.

Правда, в самом дворце настроения были иными. Гадания сэды обещали разительные перемены в жизни Летерии. Прибегая к недомолвкам и иносказаниям, Куру Кан говорил о некоем преобращении... от короля к императору. Но о том, как именно это произойдет, – ни слова. Возможно, захват богатых земель тисте эдур всколыхнет народ. Летерийцы зашевелятся, почуяв возможность нового обогащения. Победа всегда оправдывает способы ее достижения.

Выйдя из второго крыла Дворца Вечности, королевский защитник направился в сторону Узкого канала. Был почти полдень. Утром Брис поупражнялся с другими гвардейцами на плацу за казармами, после чего зашел перекусить в заведение, находящееся близ канала Квилласа. Там он мог позволить себе насладиться тишиной и уединением. Относительным, конечно. Даже эта прогулка стала возможной лишь потому, что король сейчас находился в покоях первой наложницы. Там он пробудет до середины дня. Однако невидимые нити, связывающие Брису со службой, постепенно натя-

гивались. Залпом допив вино, финадд отправился во Дворец Вечности, дабы проверить, как обстоят дела с откачиванием воды из подземных проходов. Теперь он возвращался в старую резиденцию Эзгары Дисканара.

Едва пройдя ворота, королевский защитник заметил непривычную суматоху. Чем ближе к Главному залу, тем ощутимее она становилась. Главный зал гудел, как потревоженный улей.

У Беддикта тревожно заколотилось сердце.

– Что случилось? – спросил он у первого же караульного.

– Ничего определенного сказать не могу, – ответил тот, привычно отсалютовав начальству. – Я так понимаю, получены недобрые вести из Трейта. Тисте эдур при помощи своей жуткой магии расправились с летерийскими матросами.

– И что король?

– Приказал созвать совет. Через два колокола соберутся.

Финадд поблагодарил караульного и двинулся дальше, во внутренние помещения дворца. Главный коридор, как всегда, был полон слуг и посыльных. Проходя через него, Беддикт заметил первого советника Трибана Гноля, окруженного кучкой приспешников. Советник говорил шепотом, но весьма оживленно. Когда Брис был уже совсем близко, Гноль лишь скользнул по нему глазами, однако рта не закрыл. За спиной советника, позевывая, стоял первый консорт королевы Турудал Бризад. На его красивом холеном лице застыла презрительная усмешка.

Брис всегда недолюбливал этого человека, но вовсе не потому, что Турудал являлся официальным фаворитом королевы Джаналлы. Занимаемое положение позволяло Бризаду присутствовать на самых важных встречах и собраниях, где решались государственные дела. Правда, там он всегда сидел молча, со скучающим видом. Но поговаривали, что скука эта – напускная, помогающая Бризаду подмечать и запоминать каждую мелочь. Знали во дворце и другое: первый консорт делил ложе не только с королевой Джаналлой и другими особами женского пола, но и с мужчинами тоже. И в числе его любовников, если верить слухам, был и первый советник Трибан Гноль.

«В общем, самый настоящий гадючник».

Двери в кабинет первого евнуха были закрыты и охранялись двумя рулитами – евнухами-телохранителями из личной охраны Нифадаса. Телохранители были рослыми и, вопреки расхожим представлениям о кастратах, весьма мускулистыми. Их веки покрывал плотный слой черной краски, а рты, густо очерченные красным, придавали лицам неизменно хмурое выражение. Рулиты стояли скрестив руки. Их единственным оружием были кривые кинжалы. Никто не знал, что еще надето у них под длинными красными рубашками и широкими кожаными штанами. Возможно, доспехи. Обуви рулиты не носили.

Заметив Бриса, оба телохранителя кивнули и отступили на шаг, пропуская его вперед. Двери открылись легко, но с

характерным щелчком, предупреждающим хозяина кабинета о появлении посетителя.

Нифадас был один. Он стоял возле стола, загроможденного свитками и картами, спиной к дверям, и, казалось, был погружен в созерцание настенной шпалеры.

– А, это вы, королевский защитник. Я ждал вас.

– Я счел своим долгом зайти к вам, первый евнух.

– Понимаю. – Нифадас помолчал, затем продолжил: – Есть верования, которые затем ложатся в основу государственной религии того или иного народа. Но, по правде говоря, и верования, и сама религия – не более чем тоненький слой позолоты, нанесенный на куда более древние кости. Ни один народ не является особенным или исключительным. И чем меньше подобные мысли будоражат умы, тем лучше. Опасное это занятие, когда некто заявляет о своей чистоте, будь то чистота крови или происхождения. Мало кто со мной согласится, но летерийцы становятся только богаче, поглощая другие народы. При условии, конечно, что те не исчезают бесследно.

Беддикт привык к монологам первого евнуха, традиционно предварявшим разговор о более насущных делах. И терпеливо ждал, когда же его собеседник перейдет к сути дела.

– Как бы то ни было, финадд, вынужден признаться вам в своем неведении. Жизнь во дворце отгораживает нас от окружающего мира. Питание наших корней скудно. Мы знаем, во что верили простые люди сто или двести лет тому

назад, но совершенно не представляем, каковы их верования сейчас. А меня, признаться, это очень занимает. Я хочу знать, финадд.

Брис наморщил лоб:

– Верования людей обширны. Какие именно интересуют вас, первый евнух?

– Связанные с морями. С обитателями морских пучин. С демонами и древними богами, – ответил Нифадас, по-прежнему не поворачиваясь к нему лицом.

– Тисте эдур называют морские глубины владениями Галейна. Иными словами, миром, родственным Тьме. Тартенали, я слышал, воспринимают моря в виде одного гигантского чудовища со множеством конечностей, к которым относят реки и даже ручьи. Нереки морей страшатся: для них это преисподняя, где утонувший обречен на вечные муки. По их представлениям, такая участь постигает убийц и предателей.

– А летерийцы?

Брис удивленно пожал плечами:

– Здесь познания Куру Кана гораздо обширнее моих. Моряки более склонны к суевериям, чем к вере. Они приносят жертвы, надеясь, что властители пучин не обратят внимания на их корабли. Они убеждены: самоуверенных гордецов на море ждет гибель, тогда как смиренные более угодны хозяевам водных глубин. Но и тут есть свои пределы. Я слышал, что чересчур смиренных хозяева пучин тоже не любят и набрасываются на них. Приливы и течения указывают, как пра-

вильно плыть. Со всем этим связано множество странных и не всегда объяснимых морских ритуалов.

– Вы сказали, властители пучин. Не замешаны ли тут Обители?

– Этого я не знаю, первый евнух.

Нифадас наконец соизволил повернуться. Глаза его были полужакрыты.

– А вы не находите, финадд Беддикт, что во всем этом немало странностей? Летерию создали переселенцы, появившиеся на континенте во времена Первой империи. Затем Первая империя была разрушена, и рай земной превратился в безжизненную пустыню. Но вот что важно: о существовании Обителей узнали как раз в эпоху Первой империи. Правда, Пустая Обитель была обнаружена уже позже. Дает ли нам это основание полагать, что тысячи лет тому назад вместе с переселенцами сюда перекочевали и древние верования? А может, наоборот: участки суши с омывающими их морями породили свои верования? Скорее всего, так оно и было. Тогда становится понятнее, почему те же мореплаватели верят, что у каждого моря есть свой бог.

– Суеверия – плохая замена разуму, – вздохнул Брис. – Сколько морякам ни тверди, что богов мало волнуют дела смертных, они все равно не поверят. Скорее всего, в случившемся с летерийскими кораблями повинен не бог, а какой-нибудь морской демон.

– Мы вечно страдаем от потребности объяснять необъ-

яснимое, – развел руками Нифадас. – Матросы всех кораблей, отправившихся бить тюленей, были уничтожены магией тисте эдур. Три корабля вернулись в Трейт, и их до самого причала сопровождали призраки тисте эдур. Но ведь не они же пригнали эти несчастные суда. В Трейте сразу решили, что здесь замешан демон. Наш сэда в этом сомневается. Он считает, будто демону такое не под силу. Корабли вел некий могучий дух... Вам известны верования фарэдов? Этот народ передает их из поколения в поколение, причем всегда в устной форме. Возможно, отчасти они приукрашены, но я подозреваю, что верования фарэдов очень и очень древние. Их легенды о сотворении мира связаны с древними богами. Каждый назван по имени, у каждого имеется своя вотчина. А уж боги при этом до чего злобные и кровожадные, один другого хуже – настоящее отребье! Особым почтением у фарэдов в былые времена почему-то пользовался бог Маэль, которого они именуют то Древним повелителем морей, то Живущим в пучине. Согласно их верованиям, он однажды прошел по нашей земле в физическом воплощении, что означало конец эпохи.

– И когда же это случилось?

– Думаю, что очень давно, еще до появления самих фарэдов. В их легендах хватает противоречий и неясностей.

– Так Куру Кан считает, что демон, пригнавший корабли в Трейт, это и есть Маэль?

– Если так, то фарэдский бог здорово... поистрепался.

Порядком измельчал, да и умом тронулся. Необузданная стихия, хотя и могущественная.

– Выходит, тисте эдур сумели подчинить его своей воле?

Нифадас вскинул тонкие брови:

– Прорубите в лесу просеку, и все звери станут по ней ходить. Но значит ли это, что вы подчинили их своей воле? Хотя отчасти, может, и так.

– Ханнан Мосаг искал способ ответить на вторжение лертийских кораблей.

– Вы правы, финадд. Искал и нашел. Только было ли это настоящим ответом или так, показным хвастовством?

Брис в ответ лишь покачал головой. Откуда ему знать замыслы Мосага?

Нифадас вновь повернулся к стене.

– Между тем наш король усмотрел в случившемся весьма серьезный знак. Сэда занят тем, что готовит... ответные меры. Мы могли бы просто приказать, но вы заслуживаете того, чтобы обратиться к вам с просьбой.

– С какой, первый евнух?

– Пробудить древнего бога, – слегка пожав плечами, ответил тот.

– Ты погляди только, как смесь бурлит. Едва размешал, а она все успокоиться не может. Ты спросишь: должно ли так быть? Честно тебе скажу: сомневаюсь.

Куру Кан водрузил на нос свое приспособление из увели-

чительных стекол и проволоки и вперился взглядом в Бриса:

– Тебе, королевский защитник, предстоит совершить путешествие разума. Но оно ничуть не менее рискованно, чем если бы ты сам отправился в преисподнюю. Если твой разум погибнет, вернуться будет невозможно. Я бы ни за что не послал тебя туда, но король настаивает.

– Такие путешествия, сэда, всегда сопряжены с риском. Я лишь хочу спросить: пригодится ли мне воинская выучка?

– Неизвестно. Главное – ты молод, сообразителен и стоишь. – Маг повернулся к своему захламленному столу. – Увы, бурление так и не прекращается. И выбор у меня невелик.

Куру Кан потянулся за чашей. Опасливо прищурившись, он еще раз поглядел на ее содержимое, после чего осторожно отхлебнул чуть-чуть.

– Ага! Так я и думал. Бурление вызвано скисшим молоком, и больше ничем. Это радует. Брис Беддикт, ты готов?

Королевский защитник неопределенно пожал плечами.

– Тебе придется это выпить, – сказал чародей.

– Кислое молоко мне не повредит, – усмехнулся Брис, принимая от него серебряную чашу.

Финадд быстро опрокинул в себя зелье и поставил чашу на стол.

– И сколько надо ждать?

– Чего ждать?

– Пока ваш напиток начнет действовать.

– При чем тут напиток? Идем со мной. Для твоего путе-

шествия мы воспользуемся сэдансой.

Брис пошел вслед за магом. Возле двери он задержался, бросив взгляд на опустошенную чашу. Похоже, выпитая смесь состояла из лимонного сока и кислого козьего молока. Из желудка доносилось зловещее урчание.

– Насколько я понимаю, мне вовсе не требовалось пить ваше зелье. Без него вполне можно было обойтись.

– Как тебе сказать? Это всего лишь напиток. Один из моих опытов. Я надеялся, что он тебе понравится, но твое побледневшее лицо утверждает обратное.

– Лицо говорит сущую правду, сэда.

– Что ж, если смесь окажется чужеродной для твоего желудка, желудок попросту ее исторгнет.

– Только это меня и успокаивает, – вздохнул Брис.

Остаток пути до сэдансы они проделали молча. Куру Кан привел своего спутника в уже знакомое тому помещение, где на полу лежали гадательные плитки.

– Для путешествия мы изберем один из Опорных черепков – Дольмен.

Как и в прошлый раз, они прошли по узкому качающемуся мостику в середину комнаты. Бурление в животе Бриса постепенно прекращалось. Финадд ждал, когда сэда вновь заговорит.

– Есть вещи важные. А есть пустячные. Однако и те и другие привлекают внимание смертных. Посему нам всегда нужно быть внимательными и черпать мудрость из чередо-

вания возможностей. Все мы, Брис Беддикт, грешим безразличием к случайностям. Если момент благоприятствует нам, то об остальных мы попросту забываем. Будущее подождет.

Маг близоруко прищурился, поглядывая на плитки.

– История давних времен сохранила примеры безразличного отношения к случайностям. Представь себе, даже в эпоху Первой империи люди мало отличались от нас с тобой. Взять, к примеру, богатейшие гавани, основанные у впадения рек в моря. Через триста лет они неизбежно хирели. Из-за быстрой вырубki лесов и дурно устроенной системы орошения морские заливы превращались в илистые лужи. Посетив развалины тех гаваней, ты удивился бы: от нынешнего берега их отделяет лига, а то и больше. Суша наступает на море, и так было всегда. А люди еще всячески помогают ей своими неразумными действиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.